

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1886.

№ 10.

МАЙ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	
Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надлера	643—669
Наши новые „философы и богословы“ (продолженіе). Т. Стоянова	670—701
Римско-католическое паломничество къ гроту Лурдской Божіей Матери. И. П—ва.	702—709
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКИЙ:	
Метафизическій анализъ эмпирическаго познанія (продолженіе). Профессора Московскаго духовнаго университета В. Бударяева	481—492
Исторія философіи въ отношеніи къ откровенію (продолженіе). М. Остроумова	493—517
М. Т. Цицерона „Тускуланскія бесѣды“ къ М. Бруту (кн. 1-я) (продолженіе). О. Садова	518—528
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе: Опредѣленіе Святейшаго Синода.—Отъ Харьковскаго Епископа Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Списокъ духовныхъ лицъ Харьковской епархіи, удостоенныхъ Высочайше пожалуемыхъ наградъ, 13 апрѣля 1886 года.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, НЕМЕЦКАЯ № 26.

1886.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „ВѢра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлію замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цена за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „ВѢра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Вирюковыхъ и Д. П. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „ВѢра и Разумъ“ можно получать полные экземпляры ея изданія за прошлые 1884 и 1885 годы, по прежней цѣнѣ, т. е. по 10 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензуромъ. Харьковъ, Юня 1 дня 1886 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

Окруженный отовсюду ужасными послѣдствіями войны, Александръ съ каждымъ моментомъ проникался бѣльшимъ и бѣльшимъ отвращеніемъ къ тому ужасному ремеслу, въ которомъ усматривалъ Наполеонъ свое призваніе и свою славу. Этотъ страшный человѣкъ, то и дѣло, приходилъ на мысль императору. „Господи!“ восклицалъ онъ въ разговорѣ съ близкими ему людьми. „Какое блестящее поприще предстояло этому человѣку: онъ могъ дать миръ всей Европѣ. Могъ, но не сдѣлалъ. Обаяніе его исчезло: увидимъ, что лучше:—заставить себя бояться, или—любить ¹⁾).

„Не Наполеону предстоитъ честь внести миръ въ Европу“, замѣтила графиня Тизенгаузенъ.

Императоръ прервалъ ее.—„Не все-ли равно кому: ему-ли, мнѣ-ли, кому другому, лишь-бы онъ былъ внесенъ“ ²⁾).

Въ такія минуты душевныхъ измѣній желанный миръ ка-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 9.

¹⁾ Къ этимъ словамъ авторъ мемуаровъ Шуазель-Гуфье замѣчаетъ: „весь планъ священнаго союза былъ въ этихъ словахъ“.

²⁾ Мемуары Шуазель-Гуфье, изд. 1-е, стр. 606.

жался императору дѣломъ легкимъ и осуществимымъ въ самомъ близкомъ будущемъ. На замѣчаніе графини, что она желала-бы, чтобы миръ водворенъ былъ будущею весною, Александръ возразилъ съ живостью: „Отчего не нынѣшнею зимою; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!“

Въ такія минуты увлеченія и самообольщенія императору казалось, что Наполеонъ не найдетъ ни людей, ни средствъ для продолженія борьбы. Онъ припоминалъ, какъ еще на свиданіи въ Эрфуртѣ въ 1808 г. Талейранъ намекалъ ему, что Франція истощена войною, что она нуждается въ мирѣ. Тогда онъ не довѣрялъ хитрому дипломату, тогда онъ подозрѣвалъ, что Талейранъ ставитъ ему ловушку, поддакивая его воззрѣніямъ ¹⁾. Теперь онъ понималъ, что сѣдой дипломатъ говорилъ правду. И это было въ 1808 г. А теперь послѣ убійственнаго похода въ Россію, послѣ неудачъ, понесенныхъ въ Испаніи, Франція должна быть истощена до послѣдней степени; она не можетъ дать Наполеону ни людей, ни денегъ. Обаяніе Наполеона къ тому-же исчезло; вѣра въ его счастье пошатнулась. Уже союзники начинаютъ колебаться и готовятся покинуть его. Уже австрійцы добровольно отступаютъ передъ русскими, а венгерскіе гусары, сѣзжаясь съ нашими казаками, говорятъ, что они не намѣрены драться съ русскими, что они смотрятъ на нихъ, какъ на своихъ товарищей. Уже прусскіе генералы вступаютъ въ переговоры съ нашими, и не ожидая рѣшенія своего правительства, готовы соединиться съ нами. Есть полное основаніе думать, что точно также поляки и все герцогство Варшавское встрѣ-

¹⁾ „Только теперь понялъ я, насколько Талейранъ былъ правъ, утверждая о необходимости мира для Франціи. Тогда я не довѣрялъ этимъ сѣдымъ политикамъ. Находясь подъ впечатлѣніемъ побѣдъ французовъ и ихъ геніальнаго полководца, я вообразилъ, что Талейранъ ставитъ мнѣ ловушку, поддакивая моимъ воззрѣніямъ. Теперешнія дѣла доказали, на сколько былъ правъ этотъ дипломатъ: послѣ убійственнаго похода въ Россію и неудачъ, встрѣченыхъ въ Испаніи, Франція должна быть истощена, у ней не осталось ни людей, ни денегъ“. Говоря о Наполеонѣ, Александръ нѣсколько разъ повторилъ: „обаяніе его исчезло“. „Можетъ быть, говоря это, онъ вспоминалъ о томъ вліяніи, которое Наполеонъ имѣлъ на него самого въ его молодости“. Мемуары Шуазель-Гуфье, изданіе 1-е, стр. 606.

тять насъ, какъ своихъ освободителей ¹⁾. Что можетъ предпринять Наполеонъ при подобныхъ обстоятельствахъ? Достаточно одного смѣлаго движенія впередъ, — достаточно двухъ, трехъ смѣлыхъ ударовъ, чтобы разрушить все зданіе Наполеоновскаго деспотизма и тираніи, и освобожденіемъ Европы увѣнчать славу и выгоды, приобрѣтенныя отечественною войною.

Такъ думали, безъ сомнѣнія, многіе русскіе люди того времени, люди мало знакомые и съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ во Франціи, и съ характеромъ союзниковъ Наполеона, и съ размѣрами нашихъ собственныхъ средствъ. Императоръ Александръ могъ думать такъ лишь въ минуты увлеченія, лишь въ первые моменты по прибытіи своемъ въ Вильну, когда страшная картина совершеннаго истребленія великой арміи предстала предъ нимъ во всей своей полнотѣ и ужасающихъ подробностяхъ. Но когда прошло первое впечатлѣніе, когда Александръ вдумался глубже во все положеніе дѣлъ, когда онъ собралъ точныя свѣдѣнія о положеніи нашей арміи, когда для него уяснились двусмысленность австрійской политики и крайняя нерѣшительность и робость Берлинскаго кабинета: тогда онъ началъ сознавать всю трудность дальнѣйшей борьбы съ Наполеономъ и отказался отъ надежды на скорое паденіе тирана и на близкій желанный миръ. Александръ припомнилъ то правило, котораго держался Наполеонъ по отношенію къ французамъ и о которомъ онъ говорилъ еще въ Эрфуртѣ. „Вы не знаете французовъ“, говорилъ ему тогда Наполеонъ, „ихъ надо вести, какъ веду ихъ я, — желѣзною палкою“. Не смотря на гибель великой арміи, эта желѣзная палка оставалась еще и теперь въ рукахъ Наполеона, и Александръ не могъ сомнѣваться, что Наполеонъ не замедлитъ пустить ее въ ходъ тотчасъ-же по возвращеніи въ Парижъ. Весь вопросъ заключался теперь въ томъ, кто успѣетъ ранѣе и съ бѣльшими силами явиться на новомъ театрѣ войны, — мы-ли, не смот-

¹⁾ Это послѣднее предположеніе оказалось, однако-же, совершенно ошибочнымъ, какъ увидимъ это мы ниже.

ря на наши побѣды, или Наполеонъ, не смотря на свое небывалое пораженіе.

Для людей, хорошо знакомыхъ съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, а Александръ могъ быть знакомъ съ нимъ лучше кого-либо другаго,—отвѣтъ на подобный вопросъ не подлежалъ ни малѣйшему сомнѣнію. Война 1812 года окончилась совершеннымъ истребленіемъ Наполеоновской арміи, но она привела на край гибели и побѣдоносную русскую армію ¹⁾. Кутузовская армія насчитывала въ своихъ рядахъ при выступленіи изъ Тарутинскаго лагеря 102,000 человекъ; по достиженіи Вильны и западной границы, въ ней оставалось подъ ружьемъ всего лишь 40,000 человекъ. Въ теченіи 45 дней эта армія потеряла, слѣдовательно, 62,000 человекъ. Изъ этого числа выбыли окончательно изъ строя убитыми или умершими около 12,000 человекъ; остальные 48,000 остались на пути въ лазаретахъ, пораженные почти всѣ смертоносною гнилою горячкою. Особенно сильно пострадавшіе пѣхотные корпуса уменьшились до 3,000 и даже до 2,000 человекъ; а изъ 622 орудій, сопровождавшихъ армію при выходѣ изъ Тарутина, достигли Вильны всего лишь 274; всѣ остальные были оставлены на пути за недостаткомъ прислуги и лошадей. Не менѣе страшныя потери понесли и другія наши арміи. Такъ Дунайская армія, доходившая передъ переправою черезъ Березину до 31,500 человекъ, состояла теперь всего лишь изъ 15,500; армія Витгенштейна, доходившая такъ недавно до 60,000 ч., уменьшилась до 34,500 ч. Присоединивъ къ этимъ арміямъ другіе мелкіе отряды, можно было опредѣлить всю численность русскихъ военныхъ силъ, готовыхъ къ переходу черезъ границу, въ 110,000 человекъ ²⁾.

Теперь спрашивается: способны-ли были сами по себѣ эти силы вступить въ рѣшительную борьбу съ остатками На-

1) Это чрезвычайно важное обстоятельство впервые уяснено было достаточно Беригарди въ его запискахъ Толя.

2) О потеряхъ нашей арміи см. Беригарди: *Toll's Denkwürdigkeiten*. Т. II, стр. 350—355; Богдановича, „Исторіи отечественной войны“, т. III, стр. 396, 397 и въ другихъ мѣстахъ.

полеоновыхъ полчищъ въ Германіи? Число французскихъ войскъ въ сѣверной Германіи доходило, правда, въ это время лишь до 70,000 ч. и войска эти находились отчасти въ крайне разстроенномъ состояніи; но Наполеонъ имѣлъ полную возможность подкрѣпить и усилить ихъ новыми массами несравненно быстрѣе, нежели русскіе. Не принимая даже въ расчетъ 200,000 арміи, находившейся у Наполеона въ Испаніи, императоръ могъ присоединить въ наискорѣйшемъ времени къ своимъ войскамъ въ сѣверо-восточной Германіи 50,000 войскъ Рейнскаго союза и 180,000 человекъ, вновь сформированныхъ имъ во Франціи. Онъ имѣлъ, слѣдовательно, полную возможность открыть весеннюю кампанію во главѣ 300,000 арміи и довести ее впослѣдствіи еще до болѣе колоссальныхъ размѣровъ ¹⁾.

Александръ принималъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры для скорѣйшаго укомплектованія своей дѣйствующей арміи и для образованія резервовъ; онъ надѣялся также довести свои силы до 300,000 ч. ²⁾; но онъ не могъ скрывать ни отъ себя, ни отъ своихъ приближенныхъ, что его вооруженія ни въ какомъ случаѣ не могли идти такъ быстро и успѣшно, какъ вооруженія его могущественнаго противника. Наполеону способствовали не только его могучій военный геній и безпримѣрная энергія, но и другія, не менѣе важныя условія. Въ его распоряженіи было чрезвычайно плотное населеніе, сосредоточенное на сравнительно небольшомъ пространствѣ, тогда какъ, крайне рѣдкое населеніе Россіи разсѣяно было на неизмѣримомъ протяженіи. Наполеонъ могъ

¹⁾ По свѣдѣніямъ, полученнымъ въ русской главной квартирѣ, число Наполеоновыхъ войскъ въ Испаніи въ началѣ 1813 г. доходило до 163,000 пѣхоты и 17,000 конницы. Около этого-же времени во Франціи было сформировано 148 батальоновъ, а въ Италіи 66, что составляло 179,000 человекъ. Къ этой цифрѣ слѣдуетъ присоединить 88 когорты мобильной національной гвардіи, что составляетъ приблизительно 78,640 ч. Такимъ образомъ однихъ свѣжихъ войскъ у Наполеона готово было къ открытію кампаніи 258,000 ч. Рейнскій союзъ могъ дать ему 50,000 ч., а подъ начальствомъ вице-короля Евгенія въ восточной Германіи стояли 70,000 ч. стараго войска. См. Бернгарди, *Toll's Lenkwürdigkeiten*, Т. II, стр. 416.

²⁾ Этой цифры русскія войска достигли лишь осенью 1813 года.

собрать своихъ рекрутъ и отпускныхъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, Александръ не могъ справиться съ этимъ дѣломъ въ теченіи цѣлаго ряда мѣсяцевъ. У Наполеона была превосходно организованная администрація, работавшая съ быстротою и неутомимостью машины; русская бюрократія отличалась, какъ это было хорошо извѣстно императору Александру, совершенно противоположными качествами. Для обученія французскаго рекрута достаточно было, въ случаѣ крайности, двухъ, трехъ недѣль; для обученія русскаго требовалось столько-же мѣсяцевъ. Наполеонъ могъ собрать, наконецъ, въ самое короткое время всѣ припасы, необходимые для войны и въ его распоряженіи находились громадныя денежные средства; тогда какъ въ Россіи всякій подвозъ припасовъ сопряженъ былъ съ невѣроятными трудностями и потерей времени, а русскія бумажныя деньги падали, не смотря на побѣды, въ цѣнѣ съ каждымъ днемъ.

При такихъ обстоятельствахъ перспектива новой войны съ Франціею представлялась въ крайне незаманчивомъ видѣ. Можно было опасаться, что мы потерпимъ въ этой войнѣ такія-же неудачи, какъ въ 1805 и 1807 году; можно было предвидѣть, что Наполеонъ въ короткое время отброситъ насъ за Нѣманъ и западную Двину и, наученный опытомъ, поставитъ насъ въ болѣе опасное положеніе, нежели въ только что окончившейся кампаніи. Всѣ эти соображенія должны были склонить, повидимому, императора Александра на ту точку зрѣнія, на которой стоялъ нашъ престарѣлый главнокомандующій. Не слѣдовало-ли въ самомъ дѣлѣ, удовольствоваться достигнутыми успѣхами, остановиться на нашихъ границахъ и попытаться вступить въ мирную сдѣлку съ Наполеономъ? Александръ не могъ, однако-же, по многимъ причинамъ стать на точку зрѣнія Кутузова и его единомышленниковъ, не могъ даже ни на одинъ моментъ отнестись серьезно къ возможности мирнаго соглашенія съ Наполеономъ. Все его внутреннее существо возмущалось при одной мысли о примиреніи съ человѣкомъ, который поставилъ его уже разъ на край гибели. Онъ не могъ окончить великую, подъятую имъ святую борьбу за восстановленіе божествен-

ной правды, за освобожденіе міра, новымъ постыднымъ Тильзитомъ. Чего могъ ожидать Александръ даже въ самомъ лучшемъ случаѣ отъ переговоровъ съ Наполеономъ? О, онъ хорошо изучилъ этого корсиканца, онъ заглянулъ глубоко въ его душу и понялъ разъ навсегда, что для нихъ обоихъ нѣтъ мѣста на землѣ! Можно было допустить, что Наполеонъ заключить миръ съ Россіею, что онъ бросить ей въ видѣ вознагражденія часть восточной Пруссіи, но не подлежало также сомнѣнію, что онъ будетъ смотрѣть на этотъ миръ, лишь какъ на кратковременное перемиріе, что возстановивъ свое потрясенное владычество на западѣ, онъ повторитъ въ скоромъ времени свое нашествіе на Россію и съумѣетъ избѣжать тѣхъ ошибокъ, которыя погубили его великую армію. Но могло случиться и такъ, и эта послѣдняя возможность была самая вѣроятная, что Наполеонъ приметъ наши мирныя предложенія только для виду, что онъ воспользуется переговорами, для того, чтобы окончить беспрепятственно свои вооруженія и нападетъ на насъ въ тотъ самый моментъ, когда мы утратимъ весь нравственный ореолъ, купленный нашими успѣхами, когда мы скомпрометируемъ себя въ глазахъ всего свѣта постыдною уступчивостью предъ побѣжденнымъ противникомъ, и оттолкнемъ отъ себя государей и народы Европы, готовыхъ теперь стать подъ наши знамена.

Какъ ни ясны и вѣрны казались на первый взглядъ всѣ эти соображенія, но большинство нашихъ дипломатовъ, государственныхъ людей и даже генераловъ не въ состояніи были проникнуться ими въ то время, когда судьба Россіи и Европы поставлены были вновь на карту. Ослѣпленные неожиданнымъ и небывалымъ успѣхомъ, совѣтники императора Александра столь-же мало стояли на высотѣ своей задачи, какъ и въ началѣ грознаго кризиса 1812 года. Если тогда они потеряли голову, отуманенные страхомъ и убѣжденіемъ въ непобѣдимости Наполеона, то теперь они были ослѣплены окончательно колоссальностью нашихъ успѣховъ. Тогда они трепетали передъ Наполеономъ и его полчищами и сомнѣвались въ народѣ русскомъ; теперь они считали Наполеона и его силы уничтоженными въ конецъ и полагали, что

гордый властелинъ полуміра преклонится безусловно передъ всѣми нашими требованіями. Какъ тогда, такъ и теперь императоръ Александръ стоялъ совершенно одиноко съ своими убѣжденіями и надеждами; какъ тогда, такъ и теперь одинъ Штейнъ понималъ великодушныя намѣренія русскаго императора и раздѣлялъ вполнѣ его соображенія и взгляды. И Александръ, поддерживаемый этимъ желѣзнымъ человѣкомъ и вдохновляемый свѣтомъ, озарившимъ его въ пламени Москвы, далъ волю великодушнымъ влеченіямъ своего сердца и, не колеблясь ни минуты, отдалъ приказъ своимъ побѣдоноснымъ войскамъ переступить черезъ предѣлы имперіи и внести свободу и миръ въ порабощенную Европу.

Въ тотъ самый моментъ, когда императоръ Александръ принялъ уже свое безповоротное рѣшеніе, совершилось событіе, оправдавшее самымъ блестящимъ образомъ его соображенія и доказавшее, что Россія найдетъ на своемъ новомъ пути самага могущественнаго союзника,—духъ европейскихъ народовъ, пробудившійся, наконецъ, изъ своего постыднаго усыпленія. Прусскій генераль Йоркъ, командовавшій вспомогательнымъ прусскимъ корпусомъ въ арміи Наполеона, отложился самовольно отъ французовъ ¹⁾.

Императоръ Александръ сразу понялъ и оцѣнилъ смыслъ этого факта. Онъ понялъ, что это была та лавина, которая

¹⁾ Однакожъ мы вовсе не думаемъ придавать дѣлу Йорка того значенія, которое усматриваютъ въ немъ нѣкоторые германскіе историки. Увлекаемые своимъ патріотизмомъ, стараясь умалить заслуги русскихъ въ великомъ дѣлѣ освобожденія Европы, они хотятъ увѣрить насъ, что поступокъ Йорка былъ тѣмъ рѣшительнымъ толчкомъ, который положилъ конецъ послѣднимъ сомнѣніямъ и колебаніямъ Александра и подвинулъ его на новый подвигъ освобожденія Германіи. Уже одни хронологическія данныя противорѣчатъ подобному воззрѣнію Йоркъ подписалъ свою знаменитую конвенцію съ генераломъ Дибичемъ, въ которой онъ отрекся отъ союза съ французами и занялъ съ своимъ корпусомъ нейтральное положеніе 18 декабря 1812 года, тогда какъ рѣшеніе императора Александра перенести войну за предѣлы Россіи принято было гораздо ранѣе, уже въ то время, когда государь рѣшился отправиться въ Вильну.

Объ Йоркѣ и его конвенціи см. кромѣ спеціальнаго сочиненія Дройзена, *Jork's Leben*, т. I,—Перцъ, *Stein's Leben*, т. 3, стр. 243—260. Сношенія Йорка съ русскими генералами начались уже въ октябрѣ мѣсяцѣ 1812 года. См. также Богдановича, „Исторію отечественной войны“, т. 3, стр. 372—384, гдѣ дѣло Йорка изложено, главнымъ образомъ, на основаніи русскіхъ документовъ.

должна была въ своемъ паденіи увлечь за собою всю Пруссію. „Спѣшу, генераль“, писалъ императоръ Іорку, „изъявить вамъ мое удовольствіе: отнынѣ—двѣ націи, взаимно соединенныя чувствами уваженія и пріязни, не будутъ истреблять одна другую въ угоду ненасытному властолюбію притѣснителя Европы. Моя преданность къ королю осталась неизмѣнною, а живое участіе къ Прусской монархіи еще болѣе усилилось. вмѣстѣ съ тѣмъ прошу васъ, генераль, быть увѣрену въ моему уваженіи къ вамъ и къ состоящимъ подъ вашимъ начальствомъ храбрымъ войскамъ, которымъ прошу васъ передать мои чувства“¹⁾.

Самъ Іоркъ въ такихъ словахъ доносилъ королю Фридриху Вильгельму III о своемъ роковомъ шагѣ: ²⁾ „Шагъ, на который я рѣшился, совершенъ помимо воли Вашего Величества, но обстоятельства и важныя открытія должны будутъ оправдать его даже въ томъ случаѣ, если-бы стѣсненіе политическихъ обстоятельствъ повело къ осужденію моему. Положеніе моего корпуса было таково, что онъ могъ-бы пробиться на Вислу, да и то въ разстроенномъ состояніи лишь послѣ усиленныхъ переходовъ и отчаянной борьбы. Отступленіе маршала Макдональда, походившее на полное бѣгство, послѣднія сраженія, данныя французскими генералами, подтверждаютъ истину моихъ словъ и ясно указываютъ на участь, ожидавшую насъ“.

„Подданные Вашего Величества должны-бы были проливать свою кровь на отечественной землѣ ради спасенія полчищъ, опустошавшихъ отечество и въ качествѣ враговъ и въ качествѣ союзниковъ, и для чего-же? Для того, чтобы еще безпомощнѣе нести оковы высокоумнаго до безумія непріятеля. До тѣхъ поръ пока Наполеонъ сохранитъ свое могущество въ Германіи, высокая династія Вашего Величества бу-

¹⁾ Письмо императора помѣчено: Вильна 25 дек. новаго ствля. См. Богдановичъ, Т. III, стр. 512.

²⁾ Письмо, часть котораго приводимъ мы въ текстѣ, было вторымъ, посланнымъ Іоркомъ королю; оно помѣчено 3 января 1813 г. Первое краткое письмо, въ которомъ доносилъ Іоркъ королю о заключенной имъ конвенціи, помѣчено 30 декабря 1812 г. Оба письма см. у Церца. Steins Leben. Т. III, стр. 256—259.

деть подвержена опасности, ибо его ненависть къ Пруссіи не можетъ угаснуть никогда. Перехваченныя письма Наполеона покажутъ Вашему Величеству, чего слѣдовало ожидать отъ подобнаго союзника. Если-бы французская армія была еще на столько сильна, что могла-бы бросить въ случаѣ переговоровъ хотя малѣйшую тяжесть на вѣсы, то владѣнія Вашего Величества должны-бы были сдѣлаться жертвою мирнаго договора. Но судьба рѣшила иначе. Хотя монархія Вашего Величества значительно ограничена въ своихъ предѣлахъ въ сравненіи съ границами 1805 г., но ей суждено явиться спасителемъ и защитникомъ всего германскаго народа. Ясно, что само Провидѣніе руководить симъ великимъ дѣломъ. Надо пользоваться минутою. Теперь или никогда; наступилъ моментъ возвратить свободу, независимость и величіе, не принося для сего слишкомъ великихъ и кровавыхъ жертвъ ¹⁾. Отъ рѣшенія Вашего Величества зависитъ судьба міра. Переговоры, быть можетъ, уже предпринятые мудростью Вашего Величества, пойдутъ успѣшнѣе, если Ваше Величество отважитесь на рѣшительный могучій шагъ. Боязливый ожидаетъ примѣра, и Австрія пойдетъ по пути, открытому Вашимъ Величествомъ.

„Ваше Величество знали меня за спокойнаго, холоднаго, никогда не мѣшавшагося въ политику человѣка. До тѣхъ поръ пока все шло своимъ обычнымъ ходомъ, каждый вѣрный слуга государя долженъ былъ подчиниться обстоятельствамъ: это былъ его долгъ. Но обстоятельства создали нынѣ совершенно иныя отношенія, — и пользоваться этими не повторяющимися обстоятельствами повелѣваетъ тотъ же долгъ. Я говорю языкомъ стараго испытаннаго слуги; этотъ языкъ есть языкъ всей націи. Слово Вашего Величества оживитъ и одушевитъ всѣхъ; всѣ будутъ драться, какъ подобаетъ старымъ, настоящимъ пруссакамъ, и тронъ Вашего Величества пріобрѣтетъ въ будущемъ твердыя незыблемыя основы“.

„Если мои мнѣнія ошибочны, то таковы же были, безъ

¹⁾ Изъ этихъ словъ Юрка видно, что и онъ, подобно многимъ русскимъ, считалъ силы Наполеона окончательно потрясенными.

сомнѣнія, и мои дѣйствія; но ни тѣ, ни другія, ни въ какомъ случаѣ не могутъ стѣснить свободной воли Вашего Величества“.

„Съ нетерпѣніемъ ожидаю я рѣшенія Вашего Величества: долженъ-ли я выступить противъ дѣйствительнаго врага, или же политическія обстоятельства осудятъ меня. И то и другое встрѣчу я съ одинаковою вѣрнопоподанною покорностію. Клянусь, Ваше Величество, что я столь же спокойно буду ожидать пули у столба, какъ и на поляхъ битвъ, на коихъ посѣдѣлъ я. Прошу Ваше Величество, какъ милости, не принимать во вниманіе моей прежней службы при произнесеніи приговора надо мною. Какимъ бы то ни было образомъ, но я умру, оставаясь вѣрнѣйшимъ подданнымъ Вашего Величества“.

Поступокъ Горка произвелъ повсемѣстно неописанное впечатлѣніе. Берлинскія офіціальныя сферы поражены были, какъ громомъ. Король Фридрихъ-Вильгельмъ III не принадлежалъ къ числу героическихъ натуръ, а положеніе его въ моментъ отпаденія Горка было таково, что могло смутить и поколебать самаго смѣлаго и рѣшительнаго человѣка. Вся Пруссія была наводнена французскими войсками; во всѣхъ крѣпостяхъ стояли французскіе гарнизоны. Сильные отряды занимали Берлинъ и Шпандау подъ начальствомъ энергическаго маршала Ожеро. Король находился совершенно въ рукахъ своихъ страшныхъ, способныхъ на всякое насиліе, союзниковъ ¹⁾. Кто могъ поручиться, что Наполеонъ не повторитъ съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ того-же, что продѣлалъ онъ съ другимъ своимъ союзникомъ, Фердинандомъ Испанскимъ въ Баіонѣ? ²⁾ Кто могъ помѣшать французскому императору схватить прусскаго короля и отвезти его плѣнникомъ во Францію? Населеніе? Оно, правда, было предано до энтузіазма своему государю, но оно было безоружно и безсиль-

¹⁾ О положеніи короля и Пруссіи въ этотъ моментъ см. Перцъ Stein's Leben. Т. III, 267—268.

²⁾ Извѣстно, что Наполеонъ пригласилъ Фердинанда на свиданіе въ Баіону, измѣнически схватилъ его, заставилъ отречься отъ престола и заточилъ въ замкѣ Валансье въ южной Франціи.

но передъ французскими массаами. Прусскія войска? Но они были разсѣяны въ Силезіи и Помераніи, и при Фридрихъ-Вильгельмѣ находилась лишь его крайне малочисленная гвардія. Что-же удивительнаго, что первое движеніе, овладѣвшее душою короля, его министровъ и приближенныхъ при неожиданной вѣсти о поступкѣ генерала Йорка, былъ страхъ. Подъ вліяніемъ этого страха, а равно и благоразумнаго разсчета, король не только отказался подтвердить конвенцію, заключенную Йоркомъ, но и смѣстилъ генерала, назначилъ на мѣсто его генерала Клейста и даже отдалъ приказъ арестовать своевольнаго полководца. Въ то же время король послалъ въ Парижъ одного изъ искреннѣйшихъ сторонниковъ французскаго союза, князя Гацфельда. Князь долженъ былъ объявить императору Наполеону, что король осуждаетъ поступокъ Йорка, что онъ принялъ уже самыя рѣшительныя мѣры для наказанія мятежнаго генерала, что онъ намѣренъ остаться вѣрнымъ союзу съ Франціею, что онъ готовъ увеличить свой вспомогательный корпусъ до 30,000 человекъ и что онъ проситъ императора оказать ему въ этомъ свое содѣйствіе, уменьшивъ количество военной контрибуціи, причитающейся еще на долю Пруссіи.

Такъ дѣйствовали въ силу обстоятельствъ король и министры Пруссіи, такъ откликнулись они на первый призывъ къ возстанію противъ своихъ тирановъ. Совершенно иначе отозвалась Таурогенская конвенція въ умахъ населенія, взволнованнаго уже до самой глубины души неслыханною катастрофою, постигшею великую армію на снѣжныхъ поляхъ Россіи. Народъ, доведенный до раззоренія и отчаянія неслыханною тираніею Наполеона, вразумленный небывалыми страданіями,—народъ, познавшій вновь Бога и Его праведную, карающую десницу, встрепенулся при вѣсти, что старѣйшій и преданнѣйшій слуга государства разорвалъ постыдныя цѣпи рабства, не дожидаясь разрѣшенія свыше. Первый проблескъ свѣта прорѣзалъ тьму рабства, застилавшую глаза всѣхъ и cadaго. Всѣ поняли сразу, что пора безмолвной покорности поработителямъ миновала, что настало время воспрянуть и дѣйствовать. Народъ не сомнѣвался ни на минуту въ

успѣхѣ возстанія; онъ замѣтилъ, что его высококомѣрные притѣснители вдругъ перемѣнили тонъ, что чередъ паники наступилъ теперь для нихъ. Еще въ концѣ декабря французы продолжали разыгрывать роль всемогущихъ властелиновъ въ Пруссіи; теперь они начали помышлять лишь о своемъ собственномъ спасеніи. Французскіе маршалы и генералы, мечтавшіе остановить побѣдоносное шествіе русскихъ войскъ съ помощью пруссаковъ, почувствовали, что почва колеблется подъ ихъ ногами, что ихъ союзники и рабы ждуть лишь появленія первыхъ казаковъ, чтобы броситься на нихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Макдональдъ забылъ о своемъ твердомъ намѣреніи защищать линію Нѣмана и поспѣшно отступилъ передъ первыми разѣздами Витгенштейна. Мюратъ быстро оставилъ Кенигсбергъ ¹⁾ съ своими полузамороженными героями, услыхавъ что казаки Чернышева показались въ окрестностяхъ города.

Французскіе отряды, какъ-бы гонимые бурей, удалялись, пораженные страхомъ, на западъ. Проклятія, угрозы и насмѣшки сопровождали ихъ каждый шагъ. „Прочь съ дороги! великая армія идетъ“, кричали уличные мальчишки и провожали съ гримасами и свистомъ батальоны, предъ которыми дрожали еще такъ недавно всѣ народы Европы ²⁾.

¹⁾ „Если-бы не измѣна Гюрка“, объявилъ Мюратъ спустя нѣсколько дней послѣ своего бѣгства изъ Кенигсберга, „то мы удержались-бы на Нѣманѣ и принудили бы русскихъ заключить миръ“. Въ этой хвастливой фразѣ Мюрата скрывается, быть можетъ, указаніе на тогдашніе планы Наполеона. Императоръ французовъ видимо рассчитывалъ ударить вмѣстѣ съ пруссаками на русскую армію при наступленіи весны.

²⁾ Въ одномъ изъ тогдашнихъ повременныхъ русскихъ изданій читаемъ между прочимъ слѣдующее: „Не задолго передъ симъ появилась въ сѣверной Германіи удивительная перемѣна въ образѣ мыслей. Повѣритъ-ли кто? Нѣмцы начали думать, что возможно побить полчища Наполеона; есть люди, которые осмѣлились вообразить, что это въ самомъ дѣлѣ случилось. Между тѣмъ французскіе губернаторы стараются вывести народъ изъ сего пагубнаго заблужденія. Стральзундскій и гамбургскій градоначальники, въ родительской бесѣдѣ съ народомъ, обѣщали разстрѣлять всѣхъ тѣхъ, которые будутъ вѣрить этому вадору и разглашать оный; но сіе, къ несчастію, не помогаетъ. Всѣ страшатся, что господа градоначальники, если это сумасшествіе будетъ продолжительно, рѣшатся предоставить неисцѣлимо больныхъ судьбѣ ихъ ожидающей и отправят-

А тамъ, на восточной границѣ происходили восторженные, небывалыя во всемирной исторіи сцены. Русскія знамена показались на порабощенной прусской землѣ. Народъ, оцѣнѣвшій отъ радости, слѣшилъ отовсюду толпами на встрѣчу своимъ освободителямъ. Каждый казакъ дѣлался предметомъ самыхъ бурныхъ восторженныхъ овацій. Всѣ отъ мала до велика старались протѣсниться къ нему, пожать его руку, осыпать его поцѣлуями, украсить цвѣтами его самого и его коня. Не было конца привѣтственнымъ рѣчамъ, радостному ура, радушному угощенію. И какъ скромно, безпритязательно вели себя эти побѣдители, эти неиспорченные сыны народа, слышшаго до тѣхъ поръ у высоко цивилизованныхъ европейцевъ за дикую, грубую варварскую орду. Какая разница между ними и французскими цивилизаторами! Французы грабятъ и воруютъ и теперь все, что попадаетъ имъ подъ руку по пути бѣгства; они захватываютъ повсюду припасы, угоняютъ скотъ, крадутъ лошадей. Въ ихъ безпорядочныхъ толпахъ исчезли, повидимому, навсегда послѣдніе проблески порядка и дисциплины. Русскіе, напротивъ, соблюдаютъ величайшій порядокъ и строгую дисциплину. Населеніе и королевскіе чиновники не могутъ надивиться скромности, добродушію, непритязательности русскаго солдата. Русскіе генералы и офицеры соперничаютъ въ предупредительности, въ любезностяхъ въ отношеніи къ населенію. Они оставляютъ на своихъ мѣстахъ прусскихъ чиновниковъ и обращаются къ нимъ не съ приказаніями, а съ просьбами. Они не трогаютъ королевскихъ кассъ, запасныхъ магазиновъ и арсеналовъ; они нигдѣ и ни съ кѣмъ не говорятъ тономъ высокоумныхъ побѣдителей, а являются искренними и равноправными друзьями освобождаемаго ими народа ¹⁾).

Такой образъ дѣйствій русскихъ войскъ въ Пруссіи не могъ быть результатомъ одной суровой и беспощадной дис-

ся во свояси. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ примѣчены уже къ сему приготовленія“ „Сынъ Отечества“ 1813 г. № 7, стр. 49.

¹⁾ О примѣрномъ поведеніи русскихъ войскъ въ Пруссіи свидѣлствуютъ официальные донесенія президентовъ Ауерсвальда, Шена и Висмана. См. Перцъ, Stein's Leben. Т. III. стр. 261.

циплины, господствовавшей тогда во всѣхъ европейскихъ арміяхъ. Дисциплина могла предупредить, и то лишь до известной степени, мародерство, грабежъ и открытое насиліе; но она не могла внушить офицеру и солдату того благороднаго, честнаго и добродушнаго настроенія, которое влекло имъ на встрѣчу всѣ сердца. Было-что то иное, высшее и духовное, что поднимало на такую недосягаемую нравственную высоту этихъ закаленныхъ въ столькихъ бояхъ, лишеніяхъ и страданіяхъ воиновъ,—и не трудно было догадаться, что такое было именно это нѣчто. Событія только что закончившагося непримѣрнаго похода отразились неизгладимымъ образомъ въ сердцахъ каждаго послѣдняго солдата и отразились приблизительно также, какъ и въ душѣ его царственнаго вождя. Всѣ сознавали глубокую истину словъ, произнесенныхъ императоромъ, всѣ съ умиленнымъ сердцемъ повторяли вслѣдъ за нимъ: „не намъ, не намъ, а имени Твоему даждь славу!“¹⁾ Одновременно въ умахъ нѣсколькихъ лицъ мелькнула мысль, что эта война должна быть увѣковѣчена въ потомствѣ не обычными памятниками и монументами тщеславія, а храмомъ, воздвигнутымъ во имя Того, Кто былъ настоящимъ верховнымъ вождемъ нашимъ въ сію слышанно тяжкую и великую годину. Никто не отрицалъ, что дѣло Россіи и всего человѣчества погибло-бы безвозвратно, если-бы твердость монарха не обратила всѣ бѣдствія наши

¹⁾ Какимъ духомъ одушевлены были наши войска въ моментъ перехода своего черезъ границу, видно изъ отрывка слѣдующаго современнаго письма, писаннаго русскимъ офицеромъ изъ Кенигсберга. „Благословенъ Господь Богъ нашъ во брани противъ враговъ, дерзнувшихъ разорять горнихъ сердцемъ ко Господу! Ужасъ объемлетъ каждаго при видѣ наказанія нечестивыхъ! Тысячи труповъ отъ голоду и стужи умершихъ покрываютъ землю, и тысячи умирающихъ со скрежетомъ зубовъ проклинаятъ бытіе свое! Вотъ участь сообщниковъ тщеславнаго злодѣя, который и самъ едва избѣгъ смерти, и для того единственно, чтобы еще постыднѣе скончать жизнь свою! Не стану исчислять всѣхъ бѣдствій, претерпѣнныхъ французами и еще имъ предстоящихъ; скажу только: благословенъ Господь Богъ нашъ! Русскіе унизили кичливость тирана рода человѣческаго. Русскіе одни съ вѣрою въ Бога, съ преданностію къ государю и съ любовію къ отечеству, сразились съ цѣлою почти Европою, побѣдили враговъ—и Россія, вмѣсто мщенія, даетъ миръ и спокойствіе всему свѣту“. „Сынъ Отечества“ 1813 г. № 9, стр. 131.

въ источникъ спасенія нашего и славы. Всѣ признавали съ благодарностью великія, безсмертныя заслуги нашего полководца,—и никто не рѣшался отрицать, что мужество арміи и самоотверженіе народа превзошли всѣ даже самыя высокія ожиданія. Но соглашаясь со всѣмъ этимъ ¹⁾, люди, пережившіе всѣ ужасы и повороты этой борьбы, приходили къ убѣжденію, что война эта не можетъ быть приравниваема къ войнамъ обыкновеннымъ и что, какъ таковая, она должна быть увѣковѣчена и необычнымъ памятникомъ. „Провидѣніе Божіе“, писалъ одинъ изъ участниковъ войны государственному секретарю А. С. Шишкову ²⁾, „помощію вѣры и народнаго усердія спасло насъ; Ему благодарность. Боже упаси насъ содѣлаться несмысленными обезьянами древнихъ, забывъ, что мы не идолопоклонники. Обелиски, пирамиды и тому подобное льстятъ падменности и гордости человѣческой, но ни мало не удовлетворяютъ благородному, благодарности преисполненному сердцу христіанина. И такъ, сердце и умъ мой согласно требуютъ воздвигнуть храмъ Спасителю въ Москвѣ, который одинъ можетъ удовлетворить во всѣхъ отношеніяхъ ожиданія каждаго. Я говорю въ Москвѣ, ибо тамъ въ сердцахъ Россіи, надменный врагъ чаялъ нанести смертельный ударъ народу русскому; тамъ дерзнулъ онъ на святотатство; тамъ Провидѣніе положило предѣлъ пагубнымъ замысламъ его на

1) „Безпристрастный историкъ, конечно, выведетъ ужасныя послѣдствія, которыя война сія долженствовала имѣть для Россіи, если-бъ твердость монарха ея не обратила всѣ бѣдствія оной въ источникъ будущаго ея благоденствія. Важность войны сей, великія дарованія противника, совершенное истребленіе всѣхъ силъ его и спасеніе отечества помѣстили уже предводителя нашего на ряду съ первѣйшими полководцами въ мірѣ. Наконецъ мужество арміи и понесенныя ею труды, равномѣрно участіе, которое имѣли всѣ сословія гражданъ въ сей незабвенной войнѣ, должны обратить на себя вниманіе“. Изъ письма Кикина отъ 17-го декабря 1812 г.

2) Флигель-адъютантъ П. А. Кикинъ, которому, по общепринятому мнѣнію, принадлежитъ первая мысль о построеніи храма Спасителя въ Москвѣ. Не оспаривая этого мнѣнія, я укажу лишь на слѣдующее обстоятельство. Кикинъ написалъ свое письмо Шишкову 17-го декабря, а уже 25-го декабря изданъ былъ Высочайшій манифестъ о построеніи храма. Отсюда можно заключить, что государь имѣлъ эту мысль гораздо ранѣе, хотя и не высказывалъ ее официально.

родъ человѣческій; тамъ началась гибель несмѣтныхъ силъ вражескихъ“¹⁾).

Мысли, высказанныя въ этомъ письмѣ, были присущи тысячамъ и милліонамъ сердецъ. Они наполняли собою прежде всего всецѣло душу и сердце великодушнаго монарха, стоявшаго тогда во главѣ Россіи. Выступая на новый великій подвигъ освобожденія Европы, собираясь переступить границы своей имперіи, императоръ спѣшилъ прежде всего воздать должную дань благоговѣйной благодарности Тому, передъ чьимъ мановеніемъ исчезли съ лица земли несмѣтные легіоны враговъ. Настало 25 декабря, великій день Рождества Спасителя міра, и въ этотъ день завершилось спасеніе и торжество Россіи. Мѣжно было сказать съ увѣренностью, что на землѣ русской не оставалось уже болѣе ни одного вооруженнаго непріятельскаго солдата. Царское слово, произнесенное въ самомъ началѣ войны: „мы не положимъ оружія, доколѣ хотя единый изъ враговъ будетъ оставаться въ предѣлахъ земли нашей,“—слово, казавшееся многимъ столь неосуществимымъ въ моментъ своего произнесенія,—было исполнено самымъ блистательнымъ образомъ. Какой, повидимому, справедливый поводъ къ гордости и надменному самовосхваленію! Вообразимъ себѣ на одинъ моментъ Наполеона на мѣстѣ Александра. Какими трескучими фразами разразился-бы онъ въ этотъ моментъ, до какой степени самообожанія, самовозвеличенія вознесся-бы онъ. Но Александръ не былъ и не могъ быть Наполеономъ. Въ великій моментъ неувядаемой славы и торжества, навсегда

¹⁾ Въ письмѣ находимъ еще слѣдующее мѣсто: „Воздавъ Боже Богу тѣснѣ сопряжемся съ вѣрою и потомствомъ; навсегда будемъ имѣть передъ глазами памятникъ признательности нашей къ Нему, а не киченія, приписывая все себѣ. Киченіе недостойное, непростительное и совершенно несправедливое въ сей войнѣ. Конецъ XVIII столѣтія довольно ознаменованъ ложными умствованіями, потрясшими вѣру въ большей части Европы. Пожаръ сей, распространяясь, доходилъ до насъ; но къ счастью нашему, одинѣ искры успѣли закрасться въ головы мнимо просвѣщенныхъ. Ужасныя послѣдствія онаго, угрожающія намъ самимъ, не должны-ли вразумить насъ? Не само-ли Провидѣніе доставляетъ намъ удобный случай сей, дабы неоспоримо и разительнѣе убѣдить каждаго изъ насъ и воиновъ въ томъ, что можетъ въ народѣ вѣра“. См. „Русскій Архивъ“ 1880 г. кн. II стр. 229—230.

увѣковѣчившихъ его имя, онъ съумѣлъ забыть совершенно самого себя и обратиться къ народу своему съ такими словами:

„Богъ и весь свѣтъ тому свидѣтель, съ какими желаніями и силами непріятель вступилъ въ любезное наше отечество. Ничто не могло отвратить злыхъ и упорныхъ его памѣреній. Твердо надѣющійся на свои собственные и собранныя имъ противъ насъ, почти со всѣхъ европейскихъ державъ, страшныя силы, и подвигаемый алчностью завоеваній и жаждою крови, спѣшилъ онъ ворваться въ самую грудь великой имперіи нашей, дабы излить на нее всѣ ужасы и бѣдствія, не случайно порожденной, но издавна уготованной имъ, всеопустошительной войны. Предузнавая, по извѣстному изъ опытовъ безпредѣльному властолюбію и наглости предпріятій, его приготовляемую отъ него намъ горькую чашу золь, и видя уже его съ неукротимою яростью вступающаго въ предѣлы наши, принуждены мы были съ болѣзненнымъ и сокрушеннымъ сердцемъ, призвавъ на помощь Бога, обнажить мечъ нашъ и обѣщать царству нашему, что мы не опустимъ оный во влагалище, доколѣ хотя единъ изъ непріятелей оставаться будетъ вооруженъ въ землѣ нашей. Мы сіе обѣщаніе положили твердо въ сердцѣ своемъ, надѣясь на крѣпкую доблесть Богомъ ввѣреннаго намъ народа, въ чемъ и не обманулись. Какой примѣръ храбрости, мужества, благочестія, терпѣнія и твердости показала Россія! Вломившійся въ грудь ея врагъ всѣми неслыханными средствами лютости и неистовства не могъ достигнуть до того, чтобы она, хотя единожды, о нанесенныхъ ей отъ него глубокихъ ранахъ воздохнула. Казалось съ пролитіемъ крови ея умножался въ ней духъ мужества; съ пожарами градовъ ея восплалялась любовь къ отечеству, съ разрушеніемъ и поруганіемъ храмовъ Божіихъ, утверждалась въ ней вѣра и возникало непримиримое мщеніе. Войско, вельможи, дворянство, духовенство, купечество, народъ,—словомъ, всѣ государственныя чины и состоянія, не щадя ни имуществъ своихъ, ни жизни, составили единую душу, душу вмѣстѣ мужественную и благочестивую, толико же пылающую любовью къ отечеству, колико любовью къ Богу. Отъ сего всеобщаго

согласія и усердія вскорѣ произошли слѣдствія едва-ли имовѣрныя, едва-ли когда слыханныя. Да представляютъ себѣ собранныя съ двадцати царствъ и народовъ, подъ едино знамя соединенныя, ужасныя силы, съ какими властолюбивый, надменный побѣдами, свирѣпый непріятель вошелъ въ землю нашу! Полмилліона пѣшихъ и конныхъ воиновъ и около полуторы тысячи пушекъ слѣдовали за нимъ. Съ симъ толико огромнымъ ополченіемъ проникаетъ онъ въ самую середину Россіи, распространяется и начинаетъ разливать огонь и опустошеніе. Но едва проходитъ шесть мѣсяцевъ отъ вступленія его въ предѣлы наши, — и гдѣ онъ? Здѣсь прилично сказать слова священнаго прѣснопѣвца: „видѣхъ нечестиваго, превозносящася и высящася, яко кедры ливанскіе, и мимо идохъ, и се не бѣ, и взыскахъ его, и не обрѣтется мѣсто его“. По истинѣ сіе высокое изрѣченіе совершилось во всей силѣ смысла своего надъ гордымъ и нечестивымъ непріателемъ нашимъ. Гдѣ войска его, подобныя тучѣ нагнапныхъ вѣтрами черныхъ облаковъ? Разсыпались какъ дождь. Великая часть ихъ, напоивъ кровью землю, лежитъ покрывал пространство московскихъ, калужскихъ, смоленскихъ, бѣлорусскихъ и литовскихъ полей. Другая, великая часть, въ разныхъ и частыхъ битвахъ, взята со многими военначальниками и полководцами въ плѣнъ и такимъ образомъ, что послѣ многократныхъ и сильныхъ пораженій, на послѣдокъ цѣлыя полки ихъ, прибѣгая къ великодушію побѣдителей, оружіе свое передъ ними преклоняли. Остальная, столь-же великая часть, въ стремительномъ бѣгствѣ своемъ, гонимая побѣдоносными нашими войсками, и встрѣчаемая мразами и голодомъ, устлала путь отъ самой Москвы до предѣловъ Россіи трупами, пушками, обозами, снарядами, такъ что оставшаяся отъ всей ихъ многочисленной силы самамалѣйшая, ничтожная часть изнуренныхъ и безоружныхъ воиновъ, едва-ли полумертвая можетъ придти въ страпу свою, дабы, къ вѣчному ужасу и трепету единосемцевъ своихъ, возвѣстить имъ, коль страшная казнь постигаетъ дерзающихъ съ бранными намѣреніями вступить въ нѣдра могущественной Россіи. Нынѣ, съ сердечною радостью и горячею къ Богу благодарностью, объяв-

лиемъ мы любезнымъ нашимъ вѣрноподаннымъ, что событіе превзошло даже самую надежду нашу, и что объявленное нами, при открытіи войны сей, свыше мѣры исполнилось: уже нѣтъ ни единого врага на лицѣ земли нашей, или лучше сказать, всѣ они здѣсь остались, но какъ?—мертвые, раненые и плѣнные. Самъ гордый повелитель и предводитель ихъ едва съ главнѣйшими чиновниками своими отселѣ ускорить могъ, растерявъ все свое воинство и всѣ привезенныя съ собою пушки, которыхъ болѣе тысячи, не считая зарытыхъ и потопленныхъ имъ, отбиты у него и находятся въ рукахъ нашихъ. Зрѣлище погибели войскъ его невѣроятное! Едва можно собственнымъ глазамъ своимъ повѣрить. Кто могъ сіе сдѣлать?!... Не отнимая достойной славы ни у главнокомандующаго надъ войсками нашими, знаменитаго полководца, ни у другихъ искусныхъ и мужественныхъ вождей, и военачальниковъ, ознаменовавшихъ себя рвеніемъ и усердіемъ, ни вообще у всего храбраго воинства нашего, можемъ сказать, что содѣянное ими есть превыше силъ человѣческихъ. И такъ, да познаемъ въ великомъ дѣлѣ семъ промыслъ Божій! Повергнемся предъ святымъ его престоломъ, и видя ясно руку Его, поразившую гордость и злочестіе, вмѣсто тщеславія и киченія о побѣдахъ нашихъ научимся изъ сего великаго и страшнаго примѣра быть кроткими и смиренными законовъ и воли Его исполнителями, не похожихъ на сихъ отпадшихъ отъ вѣры осквернителей храмовъ Божіихъ, враговъ нашихъ, которыхъ тѣла въ несмѣтномъ количествѣ валяются пищею псамъ и вранамъ! Великъ Господь нашъ Богъ въ милостяхъ и во гнѣвѣ своемъ! Пойдемъ благостію дѣлать и чистотою чувствъ и помышленій нашихъ,—единственнымъ ведущимъ къ нему путемъ—въ храмъ святости Его, и тамо, увѣнчанные отъ руки Его славою, возблагодаримъ за изліяныя на насъ щедроты и припадемъ къ Нему съ теплыми молитвами, да продлитъ милость свою надъ нами и, прекратя брани и битвы, ниспошлетъ къ намъ побѣду побѣду—желанный миръ и тишину“ 1).

1) Текстъ манифеста мы заимствуемъ у Шишкова. См. Записки. Т. I, стр. 170—172.

Таковъ былъ побѣдный манифестъ императора русскаго! Памятникъ, единственный, безпримѣрный, можемъ сказать мы, не уклоняясь отъ истины, на страницахъ всемирной исторіи. Благовѣйное, высокое чувство вѣры во всеспасающій промыслъ Божій выражается въ немъ во всей своей ясной, величественной и въ то же время смиренной простотѣ. Еще въ манифестѣ отъ 3 ноября императоръ, воздавая хвалу Всевышнему, ставилъ, однакоже, еще неизмѣримо высоко доблесть своего воинства и народа, усматривалъ въ ней главную причину пораженія своего противника. Еще по пріѣздѣ въ Вильну онъ сказалъ своимъ генераламъ: „Господа! Вы спасли Россію и Европу!“ Теперь, въ день Рождества Спасителя міра, божественный свѣтъ окончательно озарилъ и просвѣтилъ его внутреннія очи. Онъ не колеблется уже болѣе. Сопоставляя неслыханный исходъ войны съ первоначальною слабостью силъ нашихъ, онъ исповѣдуетъ громко: „въ семъ великомъ дѣлѣ, превышающемъ силы человѣческія, познаемъ мы единственно промыслъ Божій“. И какіе уроки извлекаетъ изъ сего великаго и страшнаго примѣра царь русскій для самого себя, для своего народа! Прежде всего да будетъ далека отъ нихъ всякая мысль кичиться своими побѣдами. Мы не должны, мы не въ правѣ присваивать себѣ славу и заслуги, подобающіи Самому Творцу, Промыслителю міра. Не возгордимся, да не внидемъ въ пасть! Не послѣдуемъ примѣру враговъ нашихъ, не вознесемъ, подобно имъ, дабы не впасть въ бездну, поглотившую ихъ. Научимся быть кроткими и смиренными исполнителями велѣній и заповѣдей Предвѣчнаго! Возблагодаримъ Господа нашего не внѣшними только дѣлами благочестія, а прежде всего чистотою чувствъ и помысловъ нашихъ. Увѣнчанные отъ руки его нетлѣнною славою, потечемъ въ храмъ Его и припадемъ съ молитвою передъ лицомъ Его, да даруетъ Онъ намъ конечную и высочайшую побѣду: миръ и тишину!

Христіанинъ можетъ молиться вездѣ и на всякомъ мѣстѣ; но молитва общественная, молитва во храмѣ наиболѣе способна возвысить и очистить сердца. Въ какомъ-же храмѣ будутъ молиться и благодарить Всевышняго за чудесное из-

бавленіе отечества отдаленнѣйшіе потомки побѣдоносныхъ россіянъ! Безъ сомнѣнія, благодарственныя моленія будутъ возноситься къ престолу Предвѣчнаго во всѣхъ безчисленныхъ храмахъ, разсѣянныхъ по лицу земли русской, но одинъ изъ сихъ храмовъ долженъ особенно привлекать къ себѣ вѣрныхъ христіанъ и сыновъ отечества. Храмъ сей воздвигнуть будетъ въ Москвѣ, онъ явится единственнымъ памятникомъ величайшаго изъ событій русской исторіи. Храмъ сей долженъ быть воздвигнутъ во имя Спасителя, искупившаго праведною кровію Своею весь родъ человѣчскій и избавившаго насъ такъ чудесно въ тотъ моментъ, когда мы были оставлены и попраны всѣмъ міромъ.

Въ тотъ-же самый день 25-го декабря, когда Россія услышала изъ устъ своего царственнаго вождя великую и радостную вѣсть о конечномъ изгнаніи врага, государь обратился еще и съ другимъ воззваніемъ къ своему вѣрному народу 1):

„Спасеніе Россіи отъ враговъ столь-же многочисленныхъ силами, сколь злыхъ и свирѣпыхъ намѣреніями и дѣлами, совершенное въ шесть мѣсяцевъ ихъ истребленіе, такъ что при самомъ стремительномъ бѣгствѣ едва самамалѣйшая токмо часть оныхъ могла уйдти за предѣлы наши, есть явно изліянная на насъ благодать Божія, есть по истинѣ достопамятное происшествіе, которое не изгладятъ вѣки изъ бытописаній. Въ сохраненіе вѣчной памяти того безпримѣрнаго усердія, вѣрности и любви къ вѣрѣ и отечеству, какими въ сіи трудныя времена превознесъ себя народъ россійскій, и въ ознаменованіе благодарности нашей къ промыслу Божію, спасшему Россію отъ грозившей ей гибели, вознамѣрились мы въ первопрестольномъ градѣ нашемъ—Москвѣ создать церковь во имя Спасителя Христа, подробное о чемъ постановленіе возвѣщено будетъ въ свое время. Да благословитъ Всевышній начинаніе наше! Да совершится оно! Да простоятъ храмъ сей многіе вѣки, и да курится въ немъ предъ святымъ престоломъ Божіимъ кадило благодарности

1) См. Шишковъ, Записки, приложение XXXVI, т. III, стр. 460.

до позднѣйшихъ родовъ вмѣстѣ съ любовью и подражаніемъ къ дѣламъ ихъ предковъ!“

И такъ проектируемый храмъ имѣеть двоякую великую цѣль. Онъ долженъ напоминать до позднѣйшихъ вѣковъ народу русскому и о великой милости, ниспосланной ему свыше, и о бессмертныхъ дѣяніяхъ и подвигахъ предковъ, возвратившихъ свободу и миръ человѣчеству. Храмъ сей будетъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ и единственнымъ памятникомъ героямъ, положившимъ жизнь свою за спасеніе отечества. Имена падшихъ за вѣру и отечество будутъ начертаны на стѣнахъ его, какъ-бы для вѣчнаго назиданія и примѣра потомства.

Дни пребыванія государя въ Вильнѣ были сочтены. Уже передовые отряды наши перешли во многихъ мѣстахъ границу и вступили съ одной стороны въ предѣлы герцогства Варшавскаго, съ другой — въ предѣлы Пруссіи. Государь собирался слѣдовать за своими вѣрными воинами. Послѣдніе дни пребыванія въ Вильнѣ прошли для него въ лихорадочной дѣятельности. Онъ самъ руководилъ непосредственно всѣми нашими дипломатическими и военными дѣйствіями. Неумоимо работалъ онъ въ своемъ кабинетѣ съ княземъ Волконскимъ, съ государственнымъ секретаремъ А. С. Шишковымъ, съ Нессельроде и другими дипломатами. Всѣ распоряженія, всѣ бумаги, выходившія въ это время съ его подписью, проникнуты были его духомъ, направлены были къ достиженію одной и той-же великой цѣли. Одною рукою разсыпалъ онъ великія щедроты на жертвы только что окончившейся кампаніи, другой организовалъ и приводилъ въ движеніе силы, предназначенныя къ открытію новой борьбы. Въ Вильнѣ были приняты новыя энергическія мѣры для поддержанія населенія областей имперіи, особенно тяжело пораженныхъ войною. Отсюда были посланы соотвѣтствующія распоряженія калужскому губернатору и министру финансовъ объ оказаніи возможно скорѣйшей помощи населенію. Отсюда-же былъ посланъ рескриптъ рижскому военному губернатору, объявлявшій Высочайшую благодарность жителямъ Курляндіи за оказанную ими вѣрность и даровавшій про-

щеніе тѣмъ изъ нихъ, кои вступили въ отправленіе должностей, порученныхъ имъ непріателемъ, но дѣлавшихъ это по неволѣ, изъ страха передъ угрозами и насиліями 1).

Одновременно съ этими мѣропріятіями, императоръ спѣшилъ поставить въ извѣстность жителей странъ, куда собирались вступать наши побѣдоносныя войска, на счетъ нашихъ настоящихъ намѣреній и цѣлей. Князь Кутузовъ Смоленскій въ прокламаціи, изданной имъ къ пруссакамъ, объявлялъ отъ имени своего государя, что переходъ нашихъ войскъ черезъ границы Пруссіи есть лишь неизбѣжное слѣдствіе предшествующихъ военныхъ операцій. Государь русскій и въ настоящій моментъ послѣ великихъ успѣховъ, ниспосланныхъ Божественнымъ провидѣніемъ нашему оружію, крайне далекъ отъ всякихъ завоевательныхъ намѣреній и неизмѣнно одушевленъ тѣми-же чувствами умѣренности, которыя искони характеризовали его политику. Независимость и миръ должны явиться результатами такой политики. Его Величество императоръ предлагаетъ эти блага вмѣстѣ съ своею помощію всѣмъ тѣмъ народамъ, которые оставляютъ дѣло Наполеона и возстанутъ за свой истинный интересъ. „Я приглашаю всѣхъ такихъ народовъ воспользоваться счастливыми видами, открытыми для нихъ русскими арміями и соединиться съ ними въ преслѣдованіи непріателя, безсиліе котораго доказывается его поспѣшнымъ бѣгствомъ. Пруссаки! къ вамъ въ особенности обращаюсь я. Государь императоръ намѣренъ положить предѣлъ несчастію, тяготѣющему надъ вашею страной, дать королю вашему доказательства питаемой имъ къ нему дружбы и возвратить монархіи Фридриха ея блескъ и ея прежніе предѣлы“ 2).

Совершенно въ иномъ тонѣ составлена была прокламація къ жителямъ герцогства Варшавскаго. Въ ней слышались не дружескія увѣщанія, обращенныя къ націи, искони союзной намъ, но отвлеченной отъ насъ на время силою обстоя-

1) См. Шишковъ, Записки. Т. I, приложение XXXVII, XXXVIII, XXXIX, стр. 460—461.

2) См. Церць, Stein's Leben. Т. III, стр. 251—253.

тельство, а слова монарха, который смотрѣлъ на Польшу, какъ на свое законное достояніе, который кротко и милостиво, но въ тоже время рѣшительно призывалъ своихъ польскихъ подданныхъ покинуть чужеземнаго соблазнителя и слиться во едино съ единоплеменнымъ имъ русскимъ народомъ. „Тщетно и неблагоразумно“ 1), говорилось въ прокламаціи, „надѣялись вы на французовъ. Чѣмъ вознаградили они васъ за вашу службу? Обѣщая вамъ покровительство, пощадили ли они землю вашу? Вы отъ нихъ ограблены, они отъ насъ побиты. Единоплеменный съ вами народъ, россіяне, желалъ дѣлать вамъ добро, принуждены были по неволѣ и съ сожалѣніемъ убивать васъ и брать въ плѣнъ, яко невольниковъ и рабовъ, служащихъ чуждому для васъ пришельцу! Какъ могли вы впасть въ такую слѣпоту ума, что тотъ дастъ вамъ свободу и возстановитъ державу вашу, кто явнымъ и главнымъ образомъ хочетъ всякую державу разорить и покорить подъ иго свое? Заблужденіе ваше достойно жалости! Не ужъ-ли не повѣрите вы и нынѣ, что войска его почти до послѣдняго человѣка сокрушены и побиты? Подите и посмотрите сами! Побѣдоносное воинство наше, не имѣя предъ собою ни единаго непріятеля, идетъ въ ваше герцогство. Вы опасаетесь мщенія. Не бойтесь! Россія умѣетъ побѣждать, но никогда не мститъ. Вы можете спокойно оставаться въ домахъ вашихъ. Жизнь, имущество и свобода ваша безопасны, когда вы сами не захотите, чтобы висящая надъ главами вашими туча пустила на васъ молнію и громы. Избирайте любое!“

Обращаясь такъ благосклонно къ своимъ сосѣдямъ, призывая однихъ къ возвращенію своей независимости и гарантируя другимъ ихъ свободу и національныя права подъ могучимъ покровомъ своей державы, Александръ обратился въ тоже время къ своимъ воинамъ и напомнилъ имъ торжественно, какъ подобаетъ имъ, поборникамъ свободы и идеи христіанства, вести себя въ чужеземныхъ, но дружественныхъ намъ краяхъ.

1) Шишковъ, Записки. Т. I, стр. 459, приложение XXXV.

„Воины!“ говорилось въ Высочайшемъ приказѣ, отданномъ по войскамъ въ 25 день декабря 1812 г. 1): „храбрость и терпѣніе ваши вознаграждены славою, которая не умретъ въ потомствѣ. Имена и дѣла ваши будутъ переходить изъ устъ въ уста, отъ сыновъ ко внукамъ и правнукамъ вашимъ, до самыхъ позднихъ родовъ. Хвала Всевышнему! Рука Господня съ нами и не оставитъ насъ. Уже нѣтъ ни единого непріятеля на лицѣ земли нашей. Вы по трупамъ и костямъ ихъ пришли къ предѣламъ имперіи. Остается еще вамъ прейти за оныя, не для завоеванія или внесенія войны въ земли сосѣдей нашихъ, но для достиженія желанной и прочной тишины. Вы идете доставить себѣ спокойствіе, а имъ—свободу и независимость. Да будутъ они друзья наши! Отъ поведенія вашего будетъ зависѣть ускореніе мира. Вы—русскіе! вы христіане! Нужно-ли при сихъ именахъ напоминать вамъ, что должность воина быть храбру въ бояхъ и кротку во время переходовъ и пребыванія въ мирныхъ земляхъ. Я не угрожаю вамъ наказаніями; ибо знаю, что никто изъ васъ не подвергнется онымъ. Вы видѣли въ землѣ вашей грабителей, расхищавшихъ дома невинныхъ поселянъ. Вы праведно кипѣли на нихъ гнѣвомъ и наказали злодѣевъ! Кто-жъ захочетъ имъ уподобиться? Если же кто, паче чаянія, таковой сыщется, да не будетъ онъ русскій! да исторгнется изъ среды васъ!... Воины! сего требуютъ и ожидаютъ отъ васъ ваша православная вѣра, ваше отечество и Царь вашъ“.

Александръ сказалъ свое послѣднее слово съ Вильнѣ, въ предѣлахъ своей имперіи. Новый великій подвигъ неотложно призывалъ его за рубежъ русскій. 25-го декабря государь горячо молился въ Виленскомъ православномъ соборѣ; тотчасъ же по окончаніи Божественной литургіи, онъ выѣхалъ изъ города по направленію къ прусской границѣ. Онъ покидалъ Вильну почти одинъ, безъ всякой свиты, лишь въ сопровожденіи немногихъ приближенныхъ. Онъ не бралъ съ собою никакого конвоя, хотя вся окрестная страна опусто-

1) Шишковъ. Записки. Т. I, стр. 173.

шена была войною, хотя повсюду бродили шайки мародеровъ, грабителей, бѣглыхъ. Кто-то замѣтилъ, что государю слѣдовало-бы путешествовать съ большими предосторожностями въ такое безпокойное время. „Ради Самаго Христа!“ воскликнулъ престарѣлый фельдмаршалъ, услышавъ это замѣчаніе, „да у кого-же подыметя рука на этого ангела“ 1). И въ самомъ дѣлѣ, всѣ безъ изъятія, и враги и друзья, благоговѣли въ этотъ моментъ передъ вѣнчаннымъ поборникомъ свободы европейскаго человѣчества.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

1) Мемуары Шуазель-Гуфье, 1-е изданіе, стр. 606.

НАШИ НОВЫЕ „ФИЛОСОФЫ И БОГОСЛОВЫ“.

(Продолженіе *).

Теорія развитія догматовъ г. Соловьева можетъ-ли привести къ возстановленію союза между церквами восточною и западною?

I.

Иисусъ Христосъ въ своей первосвященнической молитвѣ звалъ къ Отцу Небесному: *Отче, свяжи ихъ во истиннѣ Твоей! Да вси едино будутъ, якоже Ты во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тѣи въ насъ едино будутъ* (Іоан. XVII ст. 21). Изъ этихъ словъ Его открывається, что усвоеніе себѣ истины Отца Небеснаго, дарованной намъ Его божественнымъ Сыномъ, производитъ на вѣрующихъ не только освящающее дѣйствіе, но и вводитъ ихъ въ тѣснѣйшее единеніе съ Трѣипостаснымъ Божествомъ и даетъ бытіе крѣпкому, неразрывному человѣческому союзу. Изъ этихъ-же словъ открывається еще, что кто ищетъ неразрывнаго союза, полнаго единенія съ Божествомъ и съ людьми, тотъ первую задачу своей жизни долженъ поставить для себя: 1) знаніе именно богооткровенной истины, иначе союзъ окажется для него невозможнымъ; 2) усвоеніе истины въ томъ объемѣ, въ какомъ она открыта намъ Божествомъ; иначе самый союзъ окажется неполнымъ, и наконецъ 3) усвоеніе истины безъ всякихъ искаже-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 8.

ній, безъ всякой сторонней примѣси, а тѣмъ болѣе ошибочныхъ мнѣній; иначе союзъ легко превратится въ раздоръ и вражду. Эти требованія равно относятся какъ къ индивидуальнымъ людямъ, такъ и къ цѣлымъ обществамъ или отдѣльнымъ церквамъ и ко всему человѣческому роду. Уже эти одни соображенія показываютъ, что г. Соловьевъ ошибается, когда ближайшею задачею жизни русскихъ и вообще православно-славянскихъ народностей признаетъ исканіе союза съ римскою церковію, не смотря ни на какія препятствія, а не безошибочное знаніе или усвоеніе себѣ богооткровенной истины. Предположимъ, что славянскія народности еще не знаютъ этой истины, или знаютъ ее не вполне, или же знаютъ ее въ какомъ-либо искаженномъ видѣ. Въ такомъ случаѣ первою и ближайшею задачею ихъ жизни должно быть исканіе этой единой, полной и чистой истины и затѣмъ уже, на основаніи найденной истины, установленіе или возобновленіе союза хотя-бы то и съ римскою церковію, если только этотъ союзъ окажется для нихъ возможнымъ; но отнюдь не наоборотъ. Можно-бы указывать православно-славянскимъ народностямъ на союзъ съ римскою церковію, какъ на главную или ближайшую задачу ихъ жизни, если-бы напередъ было извѣстно и доказано, что римскіе католики обладаютъ такимъ полнымъ и чистымъ познаніемъ и исповѣданіемъ богооткровенной истины, какихъ православные славяне не имѣютъ. Но этого положенія православнымъ славянамъ г. Соловьевъ еще не доказалъ, да и едва-ли когда-нибудь и докажетъ. Напротивъ того, мы сохраняемъ ясное, вошедшее въ плоть и кровь нашей славянской природы, убѣжденіе, что обладаемъ полною богооткровенною истиною, безъ всякой человѣческой примѣси и безъ всякихъ искаженій, а потому мы не можемъ ставить для себя первою и ближайшею задачею нашей жизни исканіе союза съ римскою церковію во что-бы то ни стало. Надобно прежде разрушить наше убѣжденіе, надобно прежде доказать, что именно латинская церковь, а не восточная обладаетъ полною и несомнѣнною истиною, и только тогда этотъ союзъ представится православнымъ славянамъ не только возмож-

нымъ, но и обязательнымъ. Безъ этого же условія имъ всегда будетъ казаться, что г. Соловьевъ крайне несправедливъ къ славянамъ, безпричинно пристрастенъ къ римско-католикамъ и готовъ пожертвовать дорогою для славянъ правдою ради очень сомнительныхъ и маловѣроятныхъ выгодъ отъ союза съ латинянами. Если-же г. Соловьевъ совѣтуетъ православнымъ славянамъ установить церковный союзъ, сначала предварительный и, слѣдовательно, неполный, основанный на полужнаніи откровенной истины или на неясномъ, неотчетливомъ и неопредѣленномъ знаніи ея съ обѣихъ сторонъ, со стороны восточной и западной церкви, предоставляя обѣимъ сторонамъ полное познаніе истины лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, то его совѣтъ представляется намъ крайне непрактичнымъ и совершенно неосуществимымъ. Не говоря уже о томъ, что неясное, неотчетливое и неопредѣленное знаніе истины вообще не можетъ служить основою для какого-либо, и тѣмъ болѣе церковнаго союза,—напротивъ того, пзвѣстныя свойства полужнанія скорѣе всего способны вызвать споры, несогласіе и рознь въ средѣ церквей, заключающихъ союзъ,—не говоря объ этомъ, можно навѣрное утверждать, что никакая уважающая себя церковь, ни восточная, ни западная, не можетъ допустить мысли о подобномъ союзѣ, основанномъ не на убѣжденіи въ необходимости устранить разность воззрѣній и убѣжденій въ настоящее время, а на надеждѣ, что при дальнѣйшемъ познаніи истины (развитіи догматовъ) они устранятся сами собою. Да въ сущности это такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Церковная рознь между востокомъ и западомъ происходитъ именно отъ того, что одна церковь, именно западная, признаетъ необходимымъ включить свои частныя богословскія мнѣнія въ составъ несомнѣнно богооткровенныхъ истинъ, хочетъ усвоить имъ характеръ абсолютный, божественный; между тѣмъ какъ другая Церковь, именно восточная, этого допустить не можетъ, и почитаетъ себя обязанной оставаться при одной только вѣрѣ въ несомнѣнно богооткровенныя истины. Г. Соловьева не спасаетъ то обстоятельство, что допущенное нами полужнаніе

или какое-либо ошибочное и неотчетливое знаніе истины со стороны той или другой церкви онъ признаетъ явленіемъ временнымъ, переходнымъ, которое вслѣдъ за заключеніемъ союза, или одновременно съ нимъ должно разсѣяться или прекратиться дѣятельностію епископовъ на новомъ вселенскомъ соборѣ; и не спасаетъ потому, что собранные на соборѣ епископы, какъ-бы ихъ много ни было собрано, въ дѣлѣ ожидаемаго развитія догматовъ не будутъ выше всѣхъ въ совокупности церквей, или лучше выше единой, святой и апостольской Церкви; и слѣдовательно, не могутъ обладать и знаніемъ истины болѣе яснымъ, болѣе отчетливымъ, совершеннымъ, чѣмъ всѣ остальные церкви; или говоря его собственными словами, „изъ простаго сложенія многихъ погрѣшимостей не выйдетъ одной непогрѣшимости, даже при полномъ единомысліи всѣхъ“. Итакъ надобно предварительно знать и съ убѣжденіемъ принимать единую, несомнѣнную, богооткровенную истину, и уже на основаніи этого знанія искать церковнаго союза или мира; а отнюдь не наоборотъ. Безъ сомнѣнія, эти-то затрудненія и заставили нашего почтеннаго теософа обратиться къ спекулятивному богословію; онъ хочетъ помочь нашему славянскому горю, т. е. хочетъ достигнуть славянскаго единомыслія и единенія въ вѣрѣ съ латинскою церковію своею спекулятивною теоріею догматическаго развитія въ связи съ вѣроисповѣднымъ вопросомъ разрозненныхъ церквей. Онъ устанавливаетъ новыя понятія о догматахъ вселенской Церкви, какъ о спекулятивныхъ религіозныхъ истинахъ и думаетъ, что въ этихъ понятіяхъ скрывается тайна примиренія церквей, что именно изъ этихъ понятій можно устроить ключъ, которымъ легко уже будетъ отпереть двери въ святилище всеобщаго церковнаго мира. Разсмотримъ-же его новыя спекулятивныя понятія о догматахъ и сопоставимъ ихъ для большей ясности дѣла съ восточно-эмпирическими богословскими воззрѣніями на тотъ-же самый предметъ.

Что такое догматы, по ученію восточныхъ богослововъ? Намъ нѣтъ надобности создавать какихъ-либо своихъ понятій по поводу этого вопроса. Мы займствуемъ эти понятія готовыми у

лучшихъ отечественныхъ богослововъ-догматистовъ. Вотъ ихъ ученіе объ этомъ предметѣ. „Подъ именемъ христіанскихъ догматовъ, говоритъ, напримѣръ, преосвященный Макарій, разумѣются откровенныя истины, преподаваемые людямъ Церковію, какъ непререкаемыя и неизмѣнныя правила спасительной вѣры“. Установивши это общее понятіе о догматахъ, онъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „изъ представленнаго понятія о догматахъ открывается, что они всѣ имѣютъ происхожденіе божественное. Слѣдовательно ни умножать, ни сокращать ихъ въ числѣ, ни измѣнять, ни превращать, какимъ-бы то ни было образомъ, никто не имѣетъ права: сколько ихъ открыто Богомъ въ началѣ, столько должно оставаться ихъ на всѣ времена, пока будетъ существовать христіанство. Но, пребывая неизмѣнными въ самомъ откровеніи какъ по числу, такъ и по существу своему, догматы вѣры тѣмъ не менѣе должны раскрываться и раскрываются въ Церкви по отношенію къ вѣрующимъ (то есть, подлежать субъективному, а не объективному развитію“ *). Эти-же самыя понятія о догматахъ развиваетъ и преосвященный Филаретъ Черниговскій. „Предметъ догматическаго богословія, говоритъ онъ, составляютъ догматы или созерцательныя истины откровенной религіи, иначе все то, что созерцаетъ вѣра въ Богѣ, благоволившемъ вступить въ общеніе съ человѣкомъ, тогда какъ отношенія человѣка къ Богу, опредѣляемыя Самимъ-же Богомъ, составляютъ предметъ богословія дѣятельнаго“. Сказавши затѣмъ, что догматы Слова Божія, какъ мысли ума Божія, сами по себѣ тверды и непреложны, но что они легко могутъ подвергаться различнымъ толкованіямъ, онъ отсюда выводитъ слѣдующее заключеніе: „слѣдовательно не догматы для своей твердости, но люди для своего убѣжденія имѣютъ нужду въ томъ удостовѣреніи, что предлагаемое ученіе есть точно ученіе Божіе, догматъ божественный, непреложный, а не мнѣніе,—имѣютъ нужду въ голосѣ Церкви,

*) См. его „Православно-догматическое богословіе“. Т. 1, 1849 г., стр. 1, 11 - 12.

въ согласіи вселенской Церкви“ *). Преосвященный Филаретъ тоже говоритъ, какъ это очевидно, о субъективномъ, а не объективномъ развитіи догматовъ. Наконецъ эти-же самыя понятія о догматахъ высказываетъ и преосвященный Сильвестръ въ своемъ „Опытѣ православнаго догматическаго Богословія“, только развиваетъ ихъ нѣсколько подробнѣе. Для насъ, въ виду спекулятивнаго пониманія догматовъ, особенно замѣчательны слѣдующія его сужденія. „Называя догматы христіанскіе истинами вѣры, говоритъ онъ, мы этимъ не только отдѣляемъ для нихъ свою особенную и самостоятельную область истинъ, но вмѣстѣ съ симъ указываемъ и на характеристическую особенность этой области, а именно на ту ея особенность, что она стоитъ выше разума и опыта, и что, поэтому, можетъ составлять и дѣйствительно составляетъ достояніе одной вѣры. Разумъ можетъ только подняться и приблизиться къ ней своими предположеніями или умозаключеніями и судить о ея внутреннемъ содержаніи только гадательно и колебательно“. „Одинъ Богъ, говоритъ онъ далѣе, знаетъ Самого Себя (Мѡ. 11, 27), Онъ одинъ и можетъ открыть и дѣйствительно открываетъ Себя въ Словѣ, которое, какъ непререкаемая истина, бывъ принято вѣрою, и нашимъ свѣдѣніямъ о Немъ сообщаетъ значеніе несомнѣнныхъ и непререкаемыхъ истинъ“. Вообще-же вотъ его полное понятіе о догматѣ. „Догматъ, говоритъ онъ, есть истина вѣры. Но истина вѣры не потому есть догматъ, что она относится къ области вѣры; ее дѣлаетъ догматомъ то, что она по своему происхожденію и характеру божественна. Догматъ, поэтому, не есть прямо только истина вѣры, а истина вѣры богооткровенная. Но это еще не все нужное для того, чтобы истинѣ вѣры быть догматомъ. Нужно еще, чтобы Церковь признала и объявила ее божественною истиною; тогда только она можетъ взойти на степенъ догмата въ строгомъ смыслѣ сего слова и явиться въ силѣ непререкаемаго и безусловно-обязательнаго для всѣхъ вѣрующихъ правила вѣры. Догматъ, слѣдовательно, не есть только богооткровенная

*) См. его „Православное догматическое Богословіе“. Ч. I. 1865 г. стр. 1 и 5.

истина и не есть только также *истина определяемая и предлагаемая Церковію*, но есть вмѣстѣ то и другое, въ своемъ внутреннемъ соединеніи представляющее нераздѣльное единство“. Таковы понятія о христіанскихъ догматахъ православныхъ богослововъ. Извлечемте-же изъ этихъ понятій черты, наиболѣе характерныя при выясненіи нашего спора съ г. Соловьевымъ. Догматъ, по ученію восточныхъ богослововъ, есть 1) истина вѣры богооткровенная, 2) истина признанная и объявленная всею Церковію, т. е. повѣдуемая вездѣ, всеми на пространствѣ всѣхъ временъ, и наконецъ 3) истина созерцательная, а не практическая или дѣятельная. Такъ-ли смотритъ на догматы вѣры г. Соловьевъ? Совершенно нѣтъ. Параллельное сопоставленіе его воззрѣній на этотъ предметъ съ только что указанными нами эмпирическими понятіями, легко убѣдитъ насъ въ этомъ.

Что такое догматъ, по мнѣнію г. Соловьева? Въ чемъ состоитъ легальный характеръ догматической истины? „Легальный характеръ вселенскаго догмата, говоритъ онъ, есть только признакъ истины *опознанной и определенной*, и потому ставшей обязательной и безспорной, не допускающей возможности *перерушенія*“. Встрѣчаясь съ этимъ опредѣленіемъ, на первыхъ порахъ можно подумать, что г. Соловьевъ высказываетъ ученіе какъ будто-бы рождественное съ ученіемъ эмпирическаго богословія. Но не должно обманываться. Достаточно спросить, кто и что сообщаетъ легальный характеръ догмату, и сейчасъ-же можно видѣть все различіе ученія о догматахъ у спекулятивнаго и эмпирическаго богословія. По мнѣнію г. Соловьева, легальный характеръ сообщаетъ догмату, за исключеніемъ лишь первоdogмата, вселенскій соборъ и только вселенскій соборъ. Вселенскіе соборы суть разумъ Церкви. Что не высказано этимъ *разумомъ* на вселенскихъ соборахъ того и нѣтъ для *вѣры* церковной, по крайней мѣрѣ, нѣтъ какъ опознаннаго, опредѣленнаго и общеобязательнаго. Таково основное или коренное ученіе о догматахъ г. Соловьева. А мы, согласно съ ученіемъ православной Церкви, признаемъ, что вселенскіе соборы вовсе не задавались цѣлію опознавать и опредѣлять

догматы, неизвѣстные во вселенской Церкви со временъ апостольскихъ, а имѣли лишь въ виду охранить отъ еретическихъ искаженій общеобязательныя религіозныя истины, искони извѣстныя ей чрезъ наставленіе отъ самихъ апостоловъ,—что объемъ и составъ догматовъ дарованъ вселенской Церкви вмѣстѣ съ божественнымъ откровеніемъ, извѣстенъ былъ ей гораздо раньше вселенскихъ соборовъ, хранится ею со временъ апостольскихъ, непрерывно и безусловно обязательенъ былъ для всѣхъ ея чадъ какъ до вселенскихъ соборовъ, такъ и послѣ нихъ; такъ что на соборахъ отцы собора только *свидѣтельствовали* о своей традиціонной вѣрѣ, общеобязательной и для нихъ самихъ и для всѣхъ вѣрующихъ, и свидѣтельствовали въ виду мудрствованій еретиковъ, желавшихъ подорвать обязательный характеръ богооткровенной истины, *общепринятой съ Церкви со временъ апостольскихъ*. Но продолжимъ нашу параллель.

Изъ высказаннаго г. Соловьевымъ положенія слѣдуетъ еще, что онъ готовъ исключить изъ состава догматовъ не только помѣстной, но и вселенской Церкви все то, что еще не получило догматическаго опредѣленія на вселенскихъ соборахъ, хотя-бы оно несомнѣнно было возвѣщено намъ Богомъ и принимаемо всею Церковію, какъ, напримѣръ, догматъ о *пресуществленіи* *) въ евхаристіи хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову. Съ другой стороны, г. Соловьевъ готовъ включить въ составъ своихъ догматовъ все то, что будущая Церковь опознаетъ и опредѣлитъ, какъ несомнѣнно догматическое, но чего она еще не признаетъ догматомъ въ настоящее время, а, можетъ быть, и совершенно не знаетъ, каковъ, напримѣръ, догматъ о *Filioque*. Почему-же такъ? Потому, что на соборахъ вселенскихъ и только на нихъ однихъ,

*) Извѣстно, что слово *пресуществленіе* (transsubstantiatio) явилось только въ XII столѣтіи у западнаго писателя Гильдеберта, архіепископа Турскаго (+1134), и было затѣмъ принято восточною Церковію, какъ *точно и опредѣленно* выразившее ея всегдашнее и тождественное съ западною церковію ученіе по этому предмету. До этого-же времени восточная Церковь употребляла не вполнѣ точное слово: μεταβάλλω, μεταποιέω.

по миѣнію г. Соловьева, прямо дѣйствуетъ живой организмъ Церкви, вырабатывающій свои формы и извергающій изъ себя (?!) вредныя для его цѣлости элементы“. Безъ вселенскихъ-же соборовъ, безъ этого, такъ сказать, пищеварительнаго органа Церкви вредныя элементы могутъ наполнять собою организмъ Церкви и разрушать его цѣлостность!.. А мы согласно съ православною Церковію признавали и признаемъ, что въ живомъ организмѣ истинной Церкви Божіей и безотносительно къ вселенскимъ соборамъ могутъ существовать и существуютъ одни только животворныя элементы, напимѣръ, одно только божественное ученіе, что въ этотъ организмъ не могутъ попадать вредныя элементы, что святая Церковь „всегда извергаетъ изъ себя“, или правильнѣе—*отвергаетъ отъ себя* вредныя элементы и не можетъ заключать въ своемъ организмѣ никакой *скверны или порока, или нѣчто отъ таковыхъ!*... Но пойдѣмъ дальше.

Спросимъ еще г. Соловьева: какую цѣнность онъ усволяетъ содержанію догмата до его опознанія или опредѣленія на вселенскомъ соборѣ? Очень сомнительную. Содержаніе будущаго догмата во весь дособорный періодъ онъ поставляетъ на одной степени съ отрицавшею его ересью. Онъ говоритъ напр.: „Несторій до Ефесскаго собора не былъ еретикомъ: онъ только заблуждался, дѣлая невѣрные выводы изъ *неопредѣленныхъ* положеній; лишь съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ сопротивляться *опредѣленной* истинѣ и Церкви, ее опредѣлившей, онъ сдѣлался дѣйствительнымъ еретикомъ, каковымъ и былъ признанъ. Очевидно, по миѣнію г. Соловьева, до опредѣленія вселенскихъ соборовъ нѣтъ догматическихкихъ истинъ, а существуютъ только неопредѣленные положенія; лишь послѣ соборныхъ опредѣленій эти неопредѣленные положенія превращаются въ опредѣленные истины, общеобязательныя и несомнѣныя. Почему-же такъ? Отъ чего это зависитъ? Прежде всего отъ правильности логическихкихъ выводовъ, но главнымъ образомъ отъ содѣйствія Духа Святаго епископамъ, присутствовавшимъ на соборахъ. А мы, слѣдуя ученію православной Церкви, думали и продолжаемъ думать, что въ Св. Церкви

нѣтъ неопредѣленныхъ положеній, а существуютъ только одни богодарованныя истины. Эти истины люди вѣрующіе, покорные Церкви, всегда понимали правильно, а непокорные еретики всегда извращали или даже совершенно отрицали. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ предполагать, что до соборовъ Церковь лишена была правильнаго логическаго мышленія. Что-же касается Духа Святаго, то, Онъ Духъ истины, не лишаетъ своей благодатной помощи какъ тѣхъ епископовъ, которые присутствуютъ на вселенскихъ соборахъ, такъ и тѣхъ, которые жили до соборовъ, или почему-либо не могли присутствовать на этихъ соборахъ. Мы даже думаемъ, что въ дѣлѣ учительства отцы собора отнюдь не стоятъ выше вселенскаго учительства Церкви, а потому соборныя опредѣленія ихъ тоже подлежатъ контролю или признанію вселенской Церкви. Будемъ однакоже продолжать нашу параллель.

Г. Соловьевъ говоритъ еще, что догматическія опредѣленія отцевъ вселенскихъ соборовъ „не были простыми снимками со старыхъ, издавна открытыхъ положеній, ибо каждое изъ этихъ опредѣленій пресокупляло что-нибудь къ предыдущимъ; съ другой стороны эти догматическія опредѣленія, по присущему имъ общезобязательному характеру, не могли быть простыми толкованіями или субъективными изъясненіями данной истины, идущими отъ лица церковныхъ пастырей, собравшихся вмѣстѣ“. Почему-же такъ? Потому что въ пастыряхъ этихъ проявлялось особое *содѣйствіе Духа Святаго*. Опровергая насъ, г. Соловьевъ говоритъ: „если въ актахъ вселенской Церкви пастыри ея являлись лишь простыми свидѣтелями о фактической вѣрѣ своей паствы, то для этого не было-бы никакой надобности ни въ какомъ особомъ *содѣйствіи Духа Святаго*, ибо для того, чтобы засвидѣтельствовать извѣстный фактъ, достаточно было-бы обыкновенной человѣческой честности“. Мы-же думаемъ, что на соборахъ епископы не получали *особаго* содѣйствія Духа Святаго, хотя и были наставляемы и руководимы духомъ истины; а потому догматическія опредѣленія вселенскихъ соборовъ были лишь простыми снимками со старыхъ, издавна открытыхъ положеній. И это до

такой степени вѣрно, что напр., весь вселенскій символъ выраженъ словами самаго Св. Писанія, а потому въ него не внесены слова, несомнѣнно новыя, какъ-то: Троица, Богочеловѣкъ, Богородица и т. п. Соборъ Никейскій допустилъ въ своемъ символѣ одно только новое слово: *единосущный*; но именно потому, что слово это было новое, оно и вызвало различныя недоразумѣнія въ послѣднейшей періодъ времени. Богомудрые отцы заимствовали все содержаніе своихъ догматовъ готовымъ изъ божественнаго откровенія, и только сообщали этому содержанію особенную форму, что зависѣло уже отъ историческихъ, чисто случайныхъ причинъ. Но это не значитъ присовокуплять или прибавлять что-нибудь къ абсолютному содержанію, къ абсолютной истинѣ. Понятнѣе богомудро поэтому говорить Св. Иринея: „какъ солнце... во всемъ мірѣ ;одно и то же, такъ проповѣдь истины вездѣ сіяетъ и просвѣщаетъ всѣхъ людей, желающихъ придти въ познаніе истины. И не весьма сильный въ словѣ изъ предстоятелей церковныхъ не скажетъ ничего въ сравненіи съ симъ ученіемъ, потому что никто не выше Учителя, ни слабый въ словѣ не умалитъ *преданія*. Ибо такъ какъ вѣра одна и та же, то и тотъ, „кто многое можетъ сказать о ней, не прибавляетъ; и кто—малое, не умаляетъ“ *). Согласимся однакоже, что на вселенскихъ соборахъ, какъ думаетъ г. Соловьевъ, богомудрые отцы во всякомъ случаѣ прибавляли-же „что-нибудь“ къ прежнимъ догматамъ. Но это „что-нибудь“, о которомъ говоритъ нашъ оппонентъ, какъ о присоединяемомъ вновь, то есть, та форма, въ которой является прежнее положеніе, содержала и содержитъ въ себѣ лишь *относительное* разъясненіе абсолютной религіозной истины, примѣнительно лишь къ случайнымъ потребностямъ живущей во времени Церкви, но отнюдь не разъясненіе—абсолютное, адекватное, тождественное съ абсолютною истиною. Адекватное пониманіе откровенной истины существуетъ въ Св. Церкви силою вѣры непрерывно, со временъ апостольскихъ, и рѣшительно не

*) Contr. haeres. Lib. 1, cap. 10 п. 2 и 3.

можетъ быть въ зависимости отъ соборныхъ опознаній и опредѣленій. Соборное опредѣленіе догмата имѣетъ значеніе лишь историческое, оно необходимо и совершенно достаточно для испроверженія ереси, противъ которой направлено. Но завтра-же можетъ явиться другая ересь противъ спорнаго догмата, болѣе глубокая, или болѣе обширная, и прежнее опредѣленіе истины можетъ оказаться уже недостаточнымъ; между тѣмъ какъ истина, содержащаяся въ догматѣ, сильна для испроверженія всѣхъ возможныхъ отрицающихъ ее ересей, да и самое пониманіе этой истины во вселенской Церкви существуетъ всегда, непрерывно и неизмѣнно со временъ апостольскихъ и оттуда износится епископами на соборы. „Должно замѣтить, говоритъ преосвященный Макарій въ своей догматикѣ, что догматы одни могутъ назваться раскрытыми (т. е. разъясненными), другіе — нераскрытыми (т. е. неразъясненными) только *относительно*; потому что какъ нѣтъ догматовъ, которые были-бы совершенно не раскрыты въ Церкви (о каждомъ непремѣнно существуетъ въ ней какое-либо ясное ученіе), такъ точно нѣтъ догматовъ раскрытыхъ до малѣйшихъ подробностей: о каждомъ (даже о догматѣ Св. Троицы) всегда можно предложить такіе вопросы, на которые отвѣта не найдемъ въ положительномъ ученіи Церкви, и надобно будетъ ограничиться только частными мнѣніями, своимъ-ли, или древнихъ знаменитыхъ пастырей“ *).

Но самый существенный пунктъ различія между спекулятивнымъ и эмпирическимъ богословіемъ состоитъ въ ученіи о развитіи догматовъ. Въ чемъ-же состоитъ это развитіе, по мнѣнію г. Соловьева? Въ логическомъ подведеніи религіозныхъ *мнѣній* къ критерию несомнѣнныхъ догматовъ и въ логическомъ-же оправданіи ихъ этимъ критеріемъ. Подобно тому какъ видовыя понятія могутъ быть подведены или выведены изъ своего родового, такъ точно и всѣ религіозныя вѣрованія должны быть подведены или выведены изъ первоdogмата, этого „мѣрила“ истины,

*) „Православно-догмат. Богословіе“. Т. I, 1849 г. стр. 23—24.

высочайшаго ихъ критерія. Правильность этого вывода или поведенія религіозныхъ вѣрованій, удостовѣренная или совершенная на вселенскихъ соборахъ, и превращаетъ эти вѣрованія въ истины абсолютныя, догматическія, общеобязательныя. Г. Соловьевъ говоритъ напр.: „истина Христова воскресенія есть начало и основаніе для истины нашего воскресенія. Обѣ истины одинаково достовѣрны, но порядокъ ихъ удостовѣренія различенъ. Первая безспорна для вѣрующихъ изначала и сама по себѣ, какъ дѣйствительное событіе, засвидѣтельствованное избранными на то отъ Бога свидѣтелями; вторая истина становится для вѣрующаго неоспоримою лишь тогда, когда признанный учитель вѣры обнаружитъ внутреннюю связь съ тѣмъ первоначальнымъ даннымъ откровенія, покажетъ, что она содержится подразумѣвательно въ томъ безспорномъ откровеніи, выведетъ ея оттуда“. Такъ говоритъ г. Соловьевъ. Читатель видитъ, что приведенный нашимъ оппонентомъ примѣръ указываетъ на истину безсмертія ясную, существующую въ родѣ человѣческомъ издревле. Но кромѣ подобныхъ, такъ сказать, древнихъ религіозныхъ истинъ, по мнѣнію г. Соловьева, существуетъ еще или, по крайней мѣрѣ, можетъ существовать въ христіанскомъ сознаніи безчисленное множество вѣрованій чаемыхъ, зачаточныхъ, предощущаемыхъ пока, положеній неразчлененныхъ и неопредѣленныхъ, лишь постепенно принимающихъ характеръ ясной истины, когда они стоятъ во внутренней, неразрывной связи съ „перводогматомъ“, „даннымъ первоначальнаго откровенія“, или принимаютъ характеръ яснаго заблужденія, когда у нихъ нѣтъ этой внутренней связи съ „перводогматомъ“. Все это Церковь, руководимая на вселенскихъ соборахъ своимъ перводогматомъ, опознавательною логикою и Духомъ Святымъ, тоже можетъ превращать или въ общеобязательныя догматы, или въ несомнѣнныя ереси. Задача Церкви на вселенскихъ соборахъ, какъ видитъ читатель, состоитъ, по мнѣнію г. Соловьева, въ развитіи и опознаніи своихъ религіозныхъ мнѣній и въ превращеніи ихъ либо въ догматы, либо въ ереси. Съ этой точки зрѣнія надобно даже удивляться, почему Церковь

не занята соборно-опознавательною дѣятельностію религіозныхъ мнѣній постоянно, непрерывно, во все дни своего существованія. Какое богатство догматовъ мы имѣли-бы теперь!... Неужели этому мѣшаетъ недостатокъ ересей? Чего добраго; впрочемъ въ этомъ, кажется, недостатка нѣтъ. Однимъ философскимъ ересямъ, посягающимъ на христіанскіе догматы, и счету нѣтъ!... Совершенно иначе смотрятъ на это дѣло богословы-эмпирики. По ихъ мнѣнію, разъясненіе или даже развитіе догматовъ совершается въ строго очерченныхъ границахъ каждаго догмата, не можетъ увеличивать или уменьшать его объема и содержанія и касается лишь историческаго его выраженія во времени. Та сторона догмата, которая пріемлется вѣрою и одною только *вѣрою* остается неизмѣнною, абсолютною, къ ней нельзя ничего ни прибавить, ни убавить; но та сторона этого догмата, которая доступна нашей *разсудочной дѣятельности*, можетъ уясняться, усовершенствоваться и, если хотите, развиваться. „Что сказать вообще о значеніи этого развитія или раскрытія догматовъ въ Церкви?“—спрашиваетъ преосвященный Макарій, и отвѣчаетъ: „Оно не есть какое-либо умноженіе числа догматовъ; нѣтъ: догматовъ и теперь остается въ православной Церкви столько, сколько ихъ *открыто Самимъ Богомъ въ началѣ*. Не есть также какое-либо измѣненіе догматовъ, которые и теперь православная Церковь соблюдаетъ и преподаетъ во всей ихъ неизмѣняемости. Все это развитіе есть собственно одно только точнѣйшее опредѣленіе и объясненіе однихъ и тѣхъ же неизмѣнныхъ въ существѣ своемъ догматовъ, совершающееся постепенно въ продолженіе вѣковъ, по поводу разныхъ заблужденій и ересей, возникавшихъ и не перестающихъ существовать въ нѣдрахъ христіанства“ *). Такова въ общихъ чертахъ сущность православно-эмпирическихъ богословскихъ воззрѣній на развитіе догматовъ. Съ этой точки зрѣнія мы, согласно съ Ѡ. Г. Тернеромъ, полагаемъ **), что Церковь даетъ намъ свои догмати-

*) Тамъ-же, стр. 19—21.

***) „Православ. Обзор.“ 1884 г. май—іюнь, стр. 216.

ческія опредѣленія не какъ адекватное опредѣленіе сущности предмета, а какъ установленіе границъ, предупреждающихъ вторженіе въ нѣдра Церкви ложнаго толкованія христіанской истины; а потому догматическія опредѣленія эти имѣютъ значеніе болѣе отрицательное (мы даже думаемъ, исключительно отрицательное), чѣмъ положительно-объяснительное. На догматическія опредѣленія въ области религіозной мысли надобно смотрѣть такъ-же, какъ Апостоль Павель смотритъ на нравственный законъ въ области практической жизни. *Чесо ради бысть законъ?* спрашиваетъ онъ, и отвѣчаетъ: *беззаконій ради приложися*. Также точно и соборныя догматическія опредѣленія появились въ Церкви вслѣдствіе несовершенствъ и заблужденій разума въ области мысли. Не будь этихъ несовершенствъ и заблужденій разума, не было-бы никакой надобности въ соборныхъ опредѣленіяхъ догматовъ; тогда достаточно было-бы одного общецерковнаго ученія вѣры, и субъективная вѣра каждаго въ союзѣ съ общецерковнымъ ученіемъ могла-бы освѣщаться полнымъ свѣтомъ и имѣть полный объемъ богооткровенной истины, со всѣми ея частными догматами. „Догматизація, говоритъ Ѡ. Г. Тернеръ, является исторически въ Церкви не самостоятельно, а въ видѣ отпора противъ ложныхъ мнѣній, какъ-бы именно для того, чтобы показать преобладающее значеніе и высшее достоинство *непосредственности* въ пониманіи религіозномъ надъ аргументивною, логическою работою человѣческаго ума на этомъ поприщѣ“. Отсюда уже открывается, что общеобязательный характеръ догматовъ въ соборныхъ опредѣленіяхъ зависитъ не отъ какихъ-либо новыхъ положительныхъ разъясненій религіозной истины, до соборовъ неизвѣстныхъ во вселенскомъ сознаніи Церкви и недоступныхъ для вѣры живой, сильной и благодатной, а отъ абсолютности или божественности исповѣдуемыхъ Церковію истинъ и отъ присущей ей обязательности охранить эти истины въ виду тѣхъ или другихъ еретическихъ заблужденій. Въ соборныхъ опредѣленіяхъ полагаются границы не вѣрѣ, идущей въ истинныхъ сынахъ Церкви отъ свѣта къ свѣту, *отъ силы вѣры къ силѣ вѣры*, а ра-

зуму, выпадающему въ тѣ или другія еретическія заблужденія. Кто силою вѣры можетъ идти дальше догматическихъ опредѣленій соборовъ въ уразумѣніи истины, тому это не запрещается; тотъ въ этихъ опредѣленіяхъ не найдетъ предѣловъ или ограниченій для своего познанія божественнаго откровенія; надобно только, чтобы все это совершалось въ полномъ согласіи съ общецерковнымъ ученіемъ. Но кто силою своего разума, во имя тѣхъ или другихъ его началъ, захотѣлъ-бы давать произвольное и тѣмъ болѣе ложное освѣщеніе догматамъ, искони принятымъ, возвѣщаемымъ и охраняемымъ въ Церкви; кто усвоитъ своему разуму право толковать богооткровенные догматы въ смыслѣ или духѣ той или другой ереси: тотъ въ догматическихъ опредѣленіяхъ соборовъ найдетъ неодолимую преграду для своей преступной дѣятельности. Совершенно иначе смотритъ на догматы г. Соловьевъ. У него во весь дособорный періодъ, какъ солнце, сіяетъ одинъ только первоdogматъ, всѣ же остальные догматы не имѣютъ самостоятельнаго свѣта; они или темны, или свѣтятся блѣднымъ, отраженнымъ отъ первоdogмата свѣтомъ, какъ свѣтитъ луна ночью; они не возвѣщены и не заповѣданы Церкви Іисусомъ Христомъ и Его апостолами раздѣльно, ясно, отчетливо, а потому не имѣютъ общеобязательнаго характера. Этотъ общеобязательный характеръ они пріобрѣтаютъ лишь со времени вселенскихъ соборовъ. Такимъ образомъ г. Соловьевъ лишаетъ весь дособорный періодъ Церкви яснаго догматическаго свѣта и превращаетъ всѣ ея богооткровенные догматы, за исключеніемъ лишь миссіонерской проповѣди о явившемся, пострадавшемъ и воскресшемъ Богочеловѣкѣ (первоdogматъ г. Соловьева), въ какія-то неопредѣленные положенія, въ полусознаваемые догматическіе зачатки, и даже въ смутныя, безотчетныя предощущенія догматовъ, которыя лишь со времени вселенскихъ соборовъ являются способными освѣщать общецерковное сознаніе полнымъ или, по крайней мѣрѣ, достаточно яснымъ свѣтомъ. Наконецъ, онъ думаетъ, что силою соборнаго опознанія можно превращать частныя богословскія мнѣнія, по поводу тѣхъ или другихъ догматовъ,

въ несомнѣнныя богооткровенныя истины, непрерывно возвѣщаемая Церковію со временъ апостольскихъ и открытыя намъ Самимъ Божественнымъ нашимъ Учителемъ. Намъ представляются всѣ эти спекулятивныя мнѣнія г. Соловьева совершенно ошибочными или прямо ложными съ точки зрѣнія православно-эмпирическаго богословія.

Прежде чѣмъ приступимъ къ подробному теоретическому разбору спекулятивныхъ воззрѣній г. Соловьева на догматы, обратимся къ исторіи и спросимъ ее: какъ смотрѣли на свою дѣятельность сами отцы вселенскихъ соборовъ? Признавали-ли они свои догматы общеобязательными, непререкаемыми въ Церкви въ силу своихъ *опознаній и опредѣленій*, или-же дѣлали это въ силу дошедшаго до нихъ *церковнаго преданія*, непрерывнаго церковнаго ученія *со временъ апостольскихъ* и, слѣдовательно, *несомнѣнной богооткровенности ихъ*? Укажемъ нѣкоторые изъ историческихъ фактовъ. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ Евсевій Кесарійскій, выдающійся дѣятель на первомъ вселенскомъ соборѣ, въ своемъ посланіи къ кесарійской паствѣ, по окончаніи Никейскаго собора: „Мы содержимъ и исповѣдуемъ вѣру такъ, какъ приняли ее отъ предшествовавшихъ намъ епископовъ при первоначальномъ оглашеніи и при крещеніи, какъ научились ей изъ божественнаго писанія, какъ соблюдали и исповѣдывали ее въ пресвитерствѣ и потомъ въ епископствѣ“. И затѣмъ, изложивши никейскій догматъ, говоритъ далѣе: „Все это мы возчувствовали *сердцемъ и душою*, сколько знаемъ самихъ себя, все это *чувствуемъ* и теперь; а что говоримъ искренно, свидѣтельствуемъ Богомъ всемогущимъ и Господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ, и готовы доказать и убѣждать васъ доводами, что мы такъ вѣровали, такъ проповѣдывали и во всѣ времена прошедшія“ *). Мы очень хорошо знаемъ, что церковные историки заподозриваютъ искренность этихъ словъ епископа и видятъ въ нихъ лишь защиту своего православія. Но для насъ важно то, что Евсевій

*) См. „Дѣянія вселенскихъ соборовъ“. Т. 1. Казань. 1859, стр. 192—193.

защищаетъ свое правомысліе въ данномъ случаѣ *церковнымъ преданіемъ*, перешедшимъ къ нему отъ предшествовавшихъ епископовъ и далѣе своимъ ощущеніемъ догмата „сердцемъ и душою“ во все прошедшія времена. Самая защита епископа есть уже доказательство общеобязательности въ Церкви догмата до Никейскаго собора. Это еще яснѣе открывается изъ слѣдующихъ словъ привѣтственной рѣчи императору Константину отъ лица отцевъ собора предъ началомъ соборныхъ засѣданій. „Прославляется Отець, говорятъ они въ этой рѣчи, почитается и Сынъ, возвѣщается и Духъ Святой,—Троица единосущная; едино Божество въ трехъ Лицахъ или Упостасяхъ всюду проповѣдуется. На семь ученій, государь, утверждается величіе твоего благочестія. Сохрани его для насъ *цѣлымъ и ненарушимымъ*,—да никто изъ еретиковъ, проникнувъ въ Церковь, не расторгнетъ единства троичнаго Бога, и не подвергнетъ нашей вѣры поруганію“. Ясно, что отцы собора говорятъ о цѣлости и ненарушимости и, слѣдовательно, общеобязательности такихъ догматовъ, которые были общепринятыми въ Церкви еще до созванія собора и о которыхъ пока еще не было никакихъ разсужденій на соборѣ. Да и сами отцы Никейскаго собора говорятъ о себѣ: „Причиною настоящаго собранія и разсужденій нашихъ (не опознаніе или опредѣленіе указанныхъ догматовъ, а)—неистовый Арій, который... не признаетъ (Сына Божія) единосущнымъ и равнымъ Отцу, и почитатель твари — хочетъ сопричислить Творца къ творенію. Повели, государь, чтобы онъ, оставивъ свое заблужденіе, не возставалъ противъ ученія *апостольскаго* *), (или какъ другіе переводятъ съ греческаго: противъ ученій апостольскихъ)“.—Когда называютъ все свое ученіе (а не одинъ только никейскій догматъ) *цѣлымъ, ненарушимымъ, апостольскимъ*; когда во имя этихъ свойствъ „своего вѣроученія, для сохраненія его, какъ драгоценнаго имущества, цѣлымъ и неприкосновеннымъ прибѣгаютъ къ покровительству и защитѣ императора: тогда

*) См. тамъ-же, стр. 87.

можно-ли думать, что вселенскіе свидѣтели истины не считаютъ ученія своего въ полномъ его объемѣ общеобязательнымъ, хотя оно не было еще опознано и опредѣлено ни на одномъ вселенскомъ соборѣ? Можно-ли думать, что до появленія вселенскихъ опредѣленій въ теченіи цѣлыхъ трехъ столѣтій, вѣрующіе были лишены точнаго познанія несомнѣнной, богопреданной и потому общеобязательной истины? Правда, отцы Никейскаго собора не называютъ ученія, перешедшаго къ нимъ отъ временъ апостольскихъ, *догматами*, а называютъ его только ученіемъ вѣры или просто вѣрою: но что и никейскіе отцы усвояютъ ему догматическое значеніе, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Тотъ же самый епископъ Александръ, который первый возсталъ противъ Арія и его единомышленниковъ, въ посланіи своемъ къ епископу Константинопольскому, изложивши основныя истины христіанскаго вѣроученія, въ духѣ никейскаго вѣроопредѣленія, говоритъ: „такъ мы учимъ, такъ проповѣдуемъ, *таковы апостольскіе догматы въ Церкви*, за которые готовы мы и умереть нисколько не обращая вниманія на тѣхъ, которые нудятъ насъ отречься отъ нихъ“ *). А въ своемъ окружномъ посланіи, на основаніи этого-же ученія еще до созванія вселенскаго собора онъ отлучаетъ Арія и его александрійскихъ единомышленниковъ отъ Церкви и предаетъ ихъ анаѳемѣ. „Глубоко скорбимъ о погибеліи ихъ, говоритъ св. отецъ, тѣмъ болѣе, что иѣкогда они сами назидали Церковь, а теперъ отпали отъ нея; но не удивляемся, ибо то же самое было и съ Именеемъ и съ Филитомъ (еретиками временъ апостольскихъ), а еще прежде съ Іудою, который изъ послѣдователя сдѣлался предателемъ Спасителя и отступникомъ“ **). А намъ говорятъ, что до Никейскаго собора, или вообще до опредѣленій вселенскихъ соборовъ, не было догматовъ, не было ересей и никто не вправѣ былъ отлучать еретиковъ отъ церковнаго общенія. Какое странное спекулятивное заблужденіе!.. Во имя

*) Тамъ-же, „Посланіе къ Александру епископу Константиноп.“ Стр. 62.

**) Тамъ-же, „Окружное посланіе его“, стр. 38.

традиціонной вѣры, во имя общецерковнаго преданія учили, дѣйствовали и управляли паствами св. отцы Никейскаго собора, до появленія на соборъ. Прекрасно говоритъ профессоръ Барсовъ о св. Аѳанасіи (самомъ видномъ и самомъ выдающемся дѣятелѣ этого собора), что точкою отправленія этого отца въ борьбѣ съ еретиками „былъ церковный авторитетъ, преданіе, та церковная *πίστις*, которая была вѣрою мучениковъ и всей Церкви первенствующей, которая содержалась въ словѣ Божіемъ и въ писаніяхъ первыхъ отцевъ Церкви и въ единомысленномъ исповѣданіи всего народа церковнаго,—которую защищали Иринеи и Тертуліанъ. Въ своихъ превосходныхъ разсужденіяхъ Аѳанасій не создаетъ новой доктрины, а лишь выясняетъ ученіе Церкви, формулируетъ его въ подробностяхъ, чтобы укрѣпить православно-церковное ученіе въ вѣрующихъ; умною и уточненною діалектикою онъ лишь *опровергаетъ возраженія еретиковъ*“ *). Не хотимъ приводить многихъ другихъ выдержекъ изъ дѣяній послѣдующихъ вселенскихъ соборовъ, несомнѣнно подтверждающихъ, что св. отцы, непосредственные участники и дѣятели этихъ соборовъ, лишь защищаютъ свою традиціонную *πίστις*, что все ученіе свое, дошедшее къ нимъ по преданію, считаютъ несомнѣнно божественнымъ, апостольскимъ, а потому общеобязательнымъ или догматическимъ. Кто знакомъ съ дѣяніями вселенскихъ соборовъ, тотъ ни на минуту не будетъ сомнѣваться въ этомъ. Отцы вселенскихъ соборовъ ничего больше не желаютъ, какъ только сохранить во всей цѣлости первоначальную, богодарованную, апостольскую вѣру. Отсюда во всякомъ случаѣ открывается, что не отцы собора сообщали религіознымъ истинамъ догматическій характеръ, а самыя истины эти предносились сознанію отцевъ собора, какъ догматическія, апостольскія, божественныя, а потому общеобязательныя и для нихъ самихъ, и для всѣхъ вѣрующихъ и при томъ какъ до редактированія соборныхъ опредѣленій, такъ и послѣ этого времени. Ихъ сознаніе было только голосомъ, толь-

*) См. „Вѣра и Разумъ“, 1886 г. Апр. кн. I стр. 457 и слѣд.

ко эхомъ вселенскаго сознанія Церкви, а потому богомудре отцы были свидѣтелями и *только свидѣтелями* вселенскаго сознанія и вселенской истины.

Да и можетъ-ли быть иначе? Богооткровенное ученіе, эти глаголы абсолютной истины, въ исторической жизни народовъ подвергаются всякой, и спекулятивной и неспекулятивной логической обработкѣ; но они не могутъ и не должны быть отождествляемы ни съ какими научными опознаніями. Разумъ можетъ только возвышаться къ этимъ истинамъ, но безъ предварительной вѣры въ ихъ истинность понять ихъ не можетъ. *Сердцемъ втруется въ правду*, говоритъ Апостоль, и этимъ даетъ намъ ясно уразумѣть, что усвоеніе божественной правды зависитъ отъ сердца и что вѣра предваряетъ логическую работу человѣческаго ума въ сферѣ видѣнія этой правды. Когда душа, дѣйствіемъ предваряющей благодати Духа Святаго, открывается для принятія божественной правды, для усвоенія себѣ свѣта, духа и жизни глаголовъ Божіихъ, изреченныхъ Иисусомъ Христомъ, пророками и Апостолами, въ такъ называемомъ божественномъ откровеніи, тогда между этими глаголами и требованіями сердца устанавливается внутренняя, неразрывная и органическая связь; тогда душа находитъ въ глаголахъ Божіихъ эту правду и эту жизнь, этотъ свѣтъ и этотъ духъ не во имя какого-либо внѣшняго авторитета, не во имя логической принудительности и даже соборныхъ опредѣленій, но во имя внутренняго сознанія правды, во имя благодатнаго проникновенія души человѣческой въ свѣтъ, духъ и жизнь глаголовъ Божіихъ. Это актъ души творческой, жизнедательный, потому что имъ полагается начало новой жизни, начало всему строю этой жизни и рождается въ насъ новый, таинственный, благодатный человѣкъ. Очевидно, что такая вѣра, отличаясь отъ разсудочнаго знанія съ его характеромъ логической вынужденности и необходимости, проникнутая вполне нравственною свободою, можетъ быть даромъ только благодати Божіей. Она не только даруется человѣку туне, вслѣдствіе благодатной, евангельской вѣсти, или, какъ говоритъ Слово Божіе, *отра*

отъ слуха, слухъ-же глаголомъ Божиимъ (Рим. 11, 13), но и виѣдряется, укрѣпляется и вполне разцвѣтаетъ при дѣйствіи Духа Святаго на сердце человѣка и при благодатномъ вліяніи таинствъ Св. Церкви, такъ что христіанинъ, по мѣрѣ принятія Духа Святаго и участія своего въ св. таинствахъ, постепенно восходитъ отъ силы вѣры въ силу вѣры (Еф. 3, 16—17) и можетъ достигать даже здѣсь, на землѣ, нѣкотораго предначинательнаго боговидѣнія. Христіанство есть *небо отверзтое* (Іоан. I, ст. 51). И съ тѣхъ поръ, какъ это небо открылось для первомученика Стефана, созерцаніе неба силою вѣры доступно стало для всѣхъ искренныхъ христіанъ. Тамъ эти вѣрующіе, говоря словами краснорѣчиваго архіепископа Иннокентія (Борисова), созерцаютъ Сына человѣческаго, *за пріятіе смерти* вѣнчаннаго славою и честію (Евр. 11, ст. 9), сидящаго одесную силы Божіей (Лук. XXII, ст. 69), видятъ двѣнадцать старцевъ, повергающихъ вѣнцы свои предъ Агнцемъ закланнымъ (Апок. IV, ст. 10), видятъ сонмы Ангеловъ не *восходящихъ* уже и *нисходящихъ* на Сына человѣческаго, а закрывающихъ лица свои отъ неприступной славы Его лица; тамъ они находятъ удостовѣреніе, укрѣпленіе и разъясненіе въ вѣрѣ, возвышающееся надъ всякимъ сомнѣніемъ и недоступное ни для какой разсудочной дѣятельности. Хотя вѣра, такъ понимаемая, есть даръ Св. Духа, но въ то же время она есть и наша личная добродѣтель, потому что она есть актъ нашей души добровольно, внутренно, а не по какому-либо виѣшнему, стороннему, а тѣмъ болѣе логическому вынужденію воплощающей въ себѣ глаголы вѣчной истины, потому что она свидѣтельствуетъ о возвышенныхъ, благодатию Святаго Духа предочищенныхъ, добрыхъ, сердечныхъ расположеніяхъ нашей души, при посредствѣ которыхъ только и можетъ вселяться въ насъ, укрѣпляться и разцвѣтать, пока въ будущей жизни замѣнится *боговидѣніемъ*; потому наконецъ, что она, какъ проявленіе нашей нравственной свободы, какъ высшая движущая сила духа, втекаетъ во всѣ сферы нашей жизни, во всю нашу уметвенную, сердечную и нрав-

ственную жизнь, вполне освѣщая, согрѣвая и озаряя ее. Что мы говоримъ объ индивидуальномъ сознаниіи вѣрующаго христіанина, тоже должны сказать, и при томъ въ высшей степени, о вселенскомъ сознаниіи св. Церкви. Очищаемая, наставляемая и просвѣщаемая Духомъ Святымъ, св. Церковь знаетъ богооткровенную истину не во имя внѣшняго авторитета, не во имя своихъ соборныхъ опредѣленій, и тѣмъ менѣе во имя какихъ-либо логическихъ операций разума, а во имя непосредственныхъ наставленій Духа Святаго, сплюю своего непосредственнаго сознаниа и ощущенія божественной истины, — сознаниа непрерывно яснаго, благодатнаго, адекватнаго съ дарованнымъ ей откровеніемъ. Ея знаніе богооткровенной истины не есть только ощущеніе или мышленіе, но, какъ говоритъ Хомяковъ, оно есть ощущеніе и мышленіе вмѣстѣ, или лучше — оно есть нѣкоторое предназначительное боговидѣніе. Догматы суть духъ и жизнь вселенской Церкви, поэтому не возможно себѣ представить, чтобы Церковь не обладала этимъ духомъ и этою жизнію въ какой-либо моментъ своего существованія, и притомъ не обладала-бы всецѣло, вполне и непрерывно. „Слово Божіе, говоритъ преосвященный Амвросій, есть основаніе Церкви, Церковь есть осуществленіе Слова Божія въ жизни. Тамъ и тутъ неотлучно пребываетъ Христосъ по данному Имъ обѣтованію (Мѡ. XXVIII, 20); тамъ и тутъ мы у Него Самого учимся, отъ Него почерпаемъ жизнь, подъ Его руководствомъ воспитываемся для царствія Божія“ *). И вотъ на этихъ-то основаніяхъ мы вполне согласны съ профессоромъ Барсовымъ, когда онъ говоритъ: „Богороддохновенные писатели, сохранившіе для насъ ученіе Іисуса Христа, не дали этому ученію какого-либо терминологическаго обозначенія, и въ названіи, усвоенномъ Церковію Писаніямъ, передающимъ это ученіе *Ἐυαγγελίον* — благая вѣсть, выражено лишь впечатлѣніе его, а не родовые или видовые признаки его, которыми оно поставлялось бы въ рядъ обычныхъ произведеній человѣческаго слова“. Поче-

*) Журн. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. Январь, кн. 2, стр. 81.

му-же такъ? Потому что „ученіе Ісуса Христа (διδαχή), какъ всецѣло ученіе божественное, несоизмѣримо ни съ какимъ учительствомъ (διδασκαλία) не только людей обыкновенныхъ, каковы напр. люди ученые, но и людей богомудрыхъ, каковы св. отцы Церкви, и даже людей боговдохновенныхъ, каковы Апостолы“ *). Приведемъ еще нѣкоторыя мысли по этому предмету преосвященнаго Амвросія. Онъ говоритъ: „у насъ есть понятіе о духѣ, въ какомъ говорится слово, и о жизни въ словѣ, но только въ смыслѣ направленія мысли и облаченія ея въ образы и картины, сообщающія ей ясность и силу впечатлѣнія; но мысль въ словѣ, по требованіямъ человѣческаго знанія, должна имѣть главное, преобладающее значеніе. Между тѣмъ въ словахъ Христа Спасителя мы должны, по Его указанію, видѣть преобладающими духъ и жизнь; мысли какъ будто ставятся въ тѣни. Должно сказать даже больше: самое слово здѣсь представляется не органомъ только мысли, а самою силою, духомъ, жизнью“ **). Именно вслѣдствіе этихъ необычайныхъ свойствъ глаголовъ Божіихъ, вслѣдствіе ихъ несоизмѣримости съ человѣческимъ учительствомъ, и съ собственными мыслями, даже людей богопросвѣщенныхъ, божественное ученіе предносилось и предносится вселенскому сознанію Церкви и богопросвѣщенному сознанію индивидуальныхъ христіанъ, какъ ученіе всецѣло, во всемъ своемъ объемѣ, высочайше авторитетное, высочайше обязательное, или аксіоматически-догматическое. Апостолы совершенно ясно отличаютъ его, какъ слово Самого Бога, отъ собственныхъ богопросвѣщенныхъ сужденій. Апостолъ Павелъ говоритъ, напр.: *относительно дѣвства я не имѣю повелѣнія Господня, а даю совѣтъ, какъ получившій отъ Господа милость быть Ему вѣрнымъ*“ (1 Кор. VII ст. 25) и такимъ образомъ ясно отличаетъ собственную мысль, собственный совѣтъ, отъ ученія божественнаго. На этомъ-же основаніи Апостолъ требуетъ отъ пророковъ первен-

*) „Исторія первобытной христіанской проповѣди“. С. П. Б. 1885, стр. 57.

**) „Вѣра и Разумъ“, тамъ-же, стр. 73—74.

ствующей Церкви или толкователей писанія, чтобы они разумѣли его посланіе, потому что въ немъ онъ возвѣщаетъ имъ *повелѣнія Господни* (1 Кор. XIV, 37). На этомъ-же основаніи божественное ученіе Іисуса Христа и сами Апостолы называютъ догматами, говоря на примѣръ, что Іисусъ Христосъ: *законъ заповѣдей ветхозавѣтныхъ ученъми (δόγμασι) упразднилъ* (Еф. 2, 15), или что Онъ *истребилъ еже на насъ рукописаніе ученъми (δόγμασι—Кол. 2, 14 *)*. Для изложенія и сохраненія именно этихъ догматовъ и сообщены были первенствующей Церкви чрезвычайныя, благодатныя дарованія Духа Святаго. Именно согласно съ этими исторически достовѣрными фактами, богословы - эмпирики полагаютъ, что чрезвычайныя благодатныя дарованія въ томъ видѣ, какъ они изображаются въ книгѣ Дѣяній и въ первомъ посланіи къ Коринѣянамъ, прекратились, когда Церковь получила полный канонъ новозавѣтнаго писанія и когда Апостолы передали божественное ученіе своимъ преемникамъ въ устномъ и письменномъ преданіи всецѣло, то есть, къ концу перваго или началу втораго вѣка. Священное писаніе и священное преданіе вполнѣ замѣнило собою первоначальное чрезвычайное наставленіе отъ Духа Святаго. Такимъ образомъ безусловно обязательное, аксіоматически-догматическое значеніе этого ученія основывается не на логической или разсудочной дѣятельности отцевъ Церкви, не на опознаніи и догматическихъ опредѣленіяхъ соборовъ, а на премірной несоизмѣримости божественнаго ученія съ ученіями человѣческими, на чрезвычайныхъ дарованіяхъ Духа Святаго первенствующей Церкви, на непосредственномъ ясномъ сознаніи Церковію божественности этого ученія во всѣ времена, и наконецъ, на непрерывномъ руководствѣ къ уразумѣнію этого ученія истинно вѣрующими отъ Духа Святаго и въ наше время; такъ что мы должны согласиться

*) Мы приводимъ эти мѣста по славянской библіи; въ русскомъ переводѣ они читаются нѣсколько иначе. Но за славянское чтеніе этихъ мѣстъ стоятъ такіе авторитеты, какъ Златоустъ, блажен. Теодоритъ, св. Теофилактъ и пр. и нѣкоторые отечественные богословы, на примѣръ, митрополитъ московскій Макарій.

съ убѣжденіемъ нашихъ богослововъ, что „начало христіанскаго учительства характеризуется полнымъ отсутствіемъ личной самодѣятельности человѣческаго духа, полнымъ тождествомъ преподаваемаго ученія съ божественнымъ откровеніемъ“ *). Это-то тождественное съ божественнымъ откровеніемъ ученіе, *разчлененное* силою вѣры и религіознаго, а не логическаго или разсудочнаго разумѣнія, и завѣщано было первенствующей Церковію всѣмъ послѣдующимъ вѣкамъ. Его вполне можно сравнить съ видимымъ нами свѣтомъ. Какъ свѣтъ нашего жилища тождественъ съ свѣтомъ наружнымъ или внѣшнимъ, такъ точно и религіозный свѣтъ нашего индивидуальнаго сознанія тождественъ съ свѣтомъ вселенскаго религіознаго сознанія. Различіе получается только тогда, когда нами созерцаемый свѣтъ, т. е. свѣтъ нашего жилища, проникаетъ къ намъ или чрезъ нарочито окрашенное стекло, или чрезъ малопрозрачную оконную занавѣсь, или при болѣзненномъ состояніи нашего зрѣнія, дальтонизмѣ и т. п. Въ Церкви вселенской сіяетъ полный свѣтъ богооткровенной истины, и этотъ свѣтъ освѣщаетъ храмину нашего духа, когда мы дѣлаемъ ее способною къ принятію этого свѣта, или достаточно открываемъ ее для этой цѣли. Но пойдѣмъ дальше.

Сопоставляя далѣе изложенное нами эмпирически-православное ученіе о догматахъ съ спекулятивными положеніями о томъ-же предметѣ г. Соловьева, не трудно видѣть, на сколько правъ нашъ оппонентъ, когда съ одной стороны отказываетъ въ догматическомъ значеніи тѣмъ созерцательнымъ религіознымъ истинамъ, которыя не были опредѣлены на вселенскихъ соборахъ,—а съ другой, когда думаетъ, что вселенскіе соборы могутъ превращать силою своего опознанія частныя богословскія мнѣнія, латинскія или восточныя—это все равно, въ несомнѣнныя догматическія положенія. Согласно съ спекулятивною теоріею г. Соловьева надобно признать, что первенствующая Церковь обладала первоначально единымъ догматомъ, или лучше—перводогматомъ; всѣ

*) „Странникъ“. 1886 г. Февраль, стр. 388—9.

остальные догматы ея выведены впоследствии путемъ вселенскаго опознанія и опредѣленія. Вѣрный теоріи спекулятивнаго развитія догматовъ, г. Соловьевъ ищетъ первоначальнаго, единаго догмата, выступая изъ котораго можно было-бы начать нахожденіе или развитіе остальныхъ; нельзя-же развивать что-нибудь изъ ничего; иначе мы должны будемъ признать уже не развитіе, а творчество. Путемъ длинныхъ спекулятивныхъ соображеній, изложенныхъ имъ въ „Чтеніяхъ о богочеловѣчности“, онъ приходитъ наконецъ къ тому заключенію, которое и высказываетъ въ разбираемой нами теперь статьѣ. „Истина откровенія, говоритъ онъ, одна и недѣлима“ (?!). Эта-то истина и имѣла первоначально общеобязательный, догматическій характеръ. Въ чемъ-же состоитъ она? „Отъ первыхъ главъ Бытія, объясняетъ г. Соловьевъ, и до послѣднихъ главъ Апокалипсиса, отъ Эдема на востокѣ и до Новаго Іерусалима, сходящаго съ небесъ, эта истина состоитъ въ одномъ и томъ-же, ей принадлежитъ одно и тоже названіе—богочеловѣчество, сочетаніе Бога съ человѣкомъ“. Пусть пока будетъ такъ! Въ чемъ-же однако проявляется само это сочетаніе Бога съ человѣчествомъ? Не есть-ли оно восточное поглощеніе человѣка Божествомъ? Не похоже-ли оно на пантеистическую Гегельянскую *Gottmenschlichkeit*? Не возникаетъ-ли оно путемъ тяжелой премірной борьбы Шеллинговыхъ божественныхъ потенцій, изъ коихъ наконецъ одна продолжаетъ торжествовать свою побѣду въ видимой Церкви? Г. Соловьевъ чувствуетъ всю неопредѣленность, всю туманность этой спекулятивной истины для христіанскаго сознанія, и спѣшитъ прибавить: „истина Богочеловѣка уже *пришедшаго во плоти* и еще *грядущаго въ славу*, эта единая истина содержитъ въ себѣ всю полноту новозавѣтнаго откровенія (какъ въ самомъ Христѣ обитаетъ вся полнота Божества тѣлесно)“. Читатель видитъ, что здѣсь мы имѣемъ не одну, а, по крайней мѣрѣ, двѣ общеобязательныя истины, именно истину пришедшаго, и истину грядущаго во славу Богочеловѣка. Но мы останавливаемся въ недоумѣніи; мы не можемъ сдѣлать и шагу, не можемъ совсѣмъ начать изъ двухъ этихъ истинъ, по

слѣдамъ нашего почтеннаго теософа, величественнаго догматическаго развитія, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ оно произошло исторически во вселенской Церкви. Г. Соловьевъ не меньше нашего, а можетъ быть гораздо болѣе нашего, сознаетъ это и потому спѣшитъ прибавить: „единственный догматъ, единая истина, заключающая въ себѣ всѣ остальные—это истина *Богочеловѣка, воскресшаго, вознесшагося и излившаго Духа Святаго на учениковъ своихъ*“. Гдѣ-же тутъ единая истина? Здѣсь, какъ видитъ читатель, въ немногихъ словахъ высказано уже множество догматическихкихъ истинъ. Въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія! Но и этого мало. „Значеніе Иисуса Христа, какъ *Мессіи* или *Христа*, продолжаетъ г. Соловьевъ, какъ *Сына Божія, пришедшаго во плоти для спасенія людей*—это было единственнымъ догматомъ христіанской вѣры, опредѣлительно утвержденнымъ и безусловно обязательнымъ для всѣхъ правоувѣрующихъ“. Вотъ и еще единая истина, единственный догматъ христіанской вѣры!... Помилуйте, г. Соловьевъ, ваша единая истина совершенно произвольно повторяетъ чуть-ли не весь никео-константинопольскій символъ, со всѣми его двѣнадцатью членами! Въмѣсто единой истины, вы говорите о многихъ истинахъ... Что-же доказываютъ эти очевидныя противорѣчія, въ которыя вы впадаете? Что означаютъ они? По нашему мнѣнію то, что спекулятивное богословіе не можетъ сдѣлать ни шагу безъ предварительнаго признанія общеобязательными, аксіоматически-истинными, по крайней мѣрѣ, многихъ (пока скажемъ такъ) христіанскихъ догматовъ, дошедшихъ къ нему по преданію отъ временъ апостольскихъ. Развитіе догматовъ не мыслимо безъ предварительнаго признанія самыхъ догматовъ. Прежде долженъ быть взятъ готовый тотъ или другой догматъ, и только въ границахъ даннаго догмата можетъ совершаться его развитіе. Безъ этого-же условія или самое развитіе будетъ невозможно, такъ какъ нечего будетъ развивать, или оно будетъ прибавленіемъ одного догмата къ другому, новаго къ старому, и приметъ произвольныя до неузнаваемости формы. Но согласимся на время съ г. Со-

ловьевымъ и будемъ думать, что на первыхъ порахъ христіанское сознаніе имѣло лишь одинъ догматъ, въ чемъ-бы ни состоялъ этотъ догматъ: признаемъ на время это спекулятивное положеніе истиннымъ, исторически вѣрнымъ. Кто-же однако сообщалъ этому единому догмату общеобязательный, догматическій характеръ? Субъективное сознаніе оглашаемаго? Но допустить эту мысль значитъ впасть въ крайній, протестантскій субъективизмъ. Досто вѣрные свидѣтели, или Апостолы? Но почему-же эти достовѣрные свидѣтели открыли вѣрующимъ одинъ только перво-догматъ, когда, по повелѣнію Спасителя, они должны были научить вѣрующихъ всему, что Онъ заповѣдалъ Имъ (Матѣ. XXVIII, 21, 22), и Духъ Божій съ тѣмъ и ниспосланъ былъ на нихъ, чтобы напомнить имъ все, что было сказано имъ отъ Господа (Іоан. XIV, 26) и наставить ихъ на всякую истину (замѣтьте это) и даже грядущее возвѣстить имъ (Іоан. XVI, 13)? Это должны были уже сдѣлать наслѣдовавшіе Апостоламъ учителя или катихизаторы? Но по какому праву послѣдніе могли свидѣтельствовать о догматическомъ, безусловно-обязательномъ значеніи того религіознаго мнѣнія (да, мнѣнія, а не истины), которое еще не было опознано и опредѣлено на вселенскомъ соборѣ? Или эти проповѣдники кромѣ соборовъ, признавали еще другое, высшее начало въ дѣлѣ опознанія и опредѣленія общеобязательнаго характера догматовъ, признавали вселенскую Церковь, какъ непогрѣшимую учительницу истины? Тогда не понятно, почему эта непогрѣшимая учительница сама знала только одинъ догматъ, признавала только его общеобязательнымъ и не знала всѣхъ остальныхъ своихъ догматовъ несомнѣнно спасительныхъ, несомнѣнно святыхъ и благодарованныхъ и во всякое время нужныхъ? А въ такомъ случаѣ, какое значеніе для оглашаемыхъ могло имѣть ученіе проповѣдниковъ? Какъ немощна и беспильна была-бы проповѣдь этихъ проповѣдниковъ въ глазахъ вѣрующихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ какія открылись-бы странныя, противорѣчивыя и унижительныя для откровенія и Церкви понятія!... Когда г. Соловьевъ говоритъ, что христіанское человѣчество изъ начала обязано было держаться лишь

одной истины и „не могло (по свойству человѣческаго естества) сразу обнять во всей полнотѣ ея частныхъ опредѣленій (курсивъ въ подлинникѣ), которыя и должны были въ борьбѣ съ заблужденіями постепенно раскрываться для ума Церкви по мѣрѣ усвоенія имъ ума Христова“, то по истинѣ мы не знаемъ, чему больше удивляться, этому-ли (измышленному г. Соловьевымъ) откровенію, которое однако-же закрыто для ума даже вселенской Церкви, или этому (имъ-же изобрѣтенному) уму Церкви, который стоитъ въ такой глубокой зависимости отъ еретическихъ заблужденій въ дѣлѣ своего развитія, и при всемъ томъ заявляетъ притязаніе имѣть умъ Христовъ!...

Г. Соловьевъ хочетъ объяснить все это свойствами человѣческаго естества, которое не могло сразу обнять во всей полнотѣ спекулятивной, какъ полагаетъ онъ, идеи богочеловѣчности. Удивительныя свойства человѣческаго естества, оказавшагося способнымъ къ усвоенію себѣ спекулятивныхъ соображеній Платона и Аристотеля и позже соображеній Филона и Александрійцевъ и остановившагося неподвижнымъ предъ спекулятивною-же идеею богочеловѣчности!... И это почтенный оппонентъ говоритъ даже о тѣхъ людяхъ, которые, по свидѣтельству Апостола, имѣли помазаніе отъ Святаго и знали все! (1 Іоан. II, 20, 27),—т. е., какъ объясняютъ наши богословы, обладали „полнѣйшимъ знаніемъ предметовъ вѣры, не логическимъ пониманіемъ ихъ только, но особаго рода постиженіемъ, такимъ, при которомъ, отдаваясь всецѣло, всѣмъ своимъ разумомъ, волею и сердцемъ, всѣмъ своимъ существомъ, ученію Іисуса Христа, учитель обладаетъ способностію, слѣдуя единственно таинственному внутреннему голосу (то самое помазаніе учитъ вы о всемъ), опредѣлять и предметы ученія въ мѣру потребности и разумѣнія пасомыхъ, и внутреннія душевныя состоянія ихъ!“ *). И это г. Соловьевъ утверждаетъ далѣе о тѣхъ учителяхъ вѣры, которымъ, по свидѣтельству

*) „Исторія первобытной христ. проповѣди“. Тамъ-же, стр. 65. Объ этомъ же предметѣ см. прекрасное разсужденіе Я. К. Амфитеатрова въ его Гомилетикѣ. Т. II, стр. 55--84.

другаго Апостола, даровано было слово разума— $\gamma\upsilon\omega\sigma\tau\epsilon\omega\varsigma$ (1 Кор. XII, 8) и которые дѣйствительно всё имѣли разумъ— $\gamma\upsilon\omega\sigma\iota\varsigma$ (1 Кор. 8, 1), а потому способны были „къ изложенію христіанскаго ученія, соединенному съ всестороннимъ и глубочайшимъ, какое возможно на землѣ, проникновеніемъ въ смыслъ тайнъ и требованій вѣры!“ *)... Нѣтъ г. Соловьевъ! Божественное ученіе есть историческій, а не спекулятивный фактъ; оно преподано Церкви ея божественнымъ Учителемъ всецѣло и вполнѣ, безъ всякой утайки, намековъ и гипотетическихъ догадокъ, и, какъ историческій фактъ, оно хранится во вселенской Церкви неизмѣнно и непрерывно отъ начала апостольскихъ временъ до нашихъ дней. Конечно, какъ и всякій историческій фактъ, оно могло и можетъ подвергаться всякимъ, и спекулятивнымъ и неспекулятивнымъ и даже еретическимъ толкованіямъ; но именно поэтому надобно было имѣть удостовѣреніе несомнѣннаго свидѣтеля для принятія его; надобно было, чтобы этотъ достовѣрный свидѣтель обладалъ полною возможностью знать фактъ вполнѣ и могъ износить несомнѣнное, непререкаемое свидѣтельство въ подтвержденіе его; словомъ, надобно было, чтобы первенствующая Церковь и затѣмъ вся послѣдующая Церковь до вселенскихъ соборовъ знала божественныя догматы несомнѣнно въ полномъ объемѣ и съ полнымъ разумѣніемъ ихъ смысла. Достовѣрность историческихъ фактовъ основывается не на нашихъ догадкахъ и предположеніяхъ, какъ-бы ни были они вѣроятны, а на свидѣтельствѣ и только свидѣтельствѣ достовѣрныхъ очевидцевъ или свидѣтелей. Это общее требованіе или общій законъ для всѣхъ историческихъ или фактическихъ наукъ. Но и этого мало; божественное ученіе не есть только историческій фактъ, но въ то же время есть фактъ чрезвычайный, сверхъестественный, несоизмѣримый ни съ какими естественно-научными фактами,—фактъ, совершающій величайшій переворотъ въ индивидуальной и общественной жизни человѣчества. Поэтому и свидѣтели этого факта

*) „Истор. первоб. христ. проповѣди“, тамъ-же, стр. 83.

должны были быть людьми особенными, боговдохновенными или богосвѣщенными, способными понять его во всей полнотѣ и непререкаемой истинности и сообщить о немъ свѣдѣнія другимъ съ возможною полнотою, ясностію и опредѣленностію. Такихъ свидѣтелей мы дѣйствительно и имѣемъ прежде всего въ лицѣ Апостоловъ, затѣмъ мужей апостольскихъ и, наконецъ, богомудрыхъ отцевъ Церкви, и имѣемъ непрерывно, во все время, какъ въ дособорный, такъ и въ послѣсоборный періодъ жизни Церкви. Ихъ непререкаемое свидѣтельство неизмѣнно существуетъ во вселенской Церкви въ божественномъ откровеніи, т. е. въ свящ. писаніи и свящ. преданіи, хранимыхъ и передаваемыхъ Церковію при помощи непрерывнаго наставленія и живаго руководства изъ рода въ родъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію. Между тѣмъ г. Соловьевъ не даетъ никакого, или, по крайней мѣрѣ, не даетъ надлежащаго значенія божественному откровенію, хранимому въ Церкви и содержащемуся въ священномъ писаніи и священномъ преданіи совместно. Мы представимъ на это доказательства.

М. Стояновъ.

(Продолженіе будетъ).

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО

къ

ГРОТУ ЛУРДСКОЙ БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

Достопочтенный издатель журнала *L'union Chretienne*“, священникъ русской церкви въ Парижѣ, отецъ Владиміръ Гэтте, сочиненія котораго мы, въ первой февральской книжкѣ нашего журнала этого года, сочли долгомъ рекомендовать вниманію отечественной публики, какъ ревностнаго и сильнаго борца за православіе на предубѣжденномъ Западѣ, — слѣдя зоркимъ окомъ за всѣми движеніями католичества за границей, нерѣдко рассказываетъ въ своемъ изданіи о такихъ явленіяхъ въ области папскаго вѣдѣнія, которыя своею дикостію и противорѣчіемъ истинному духу христіанства поражаютъ всякаго православнаго. Мы, время отъ времени, будемъ сообщать о нихъ нашимъ читателямъ вѣрныя, непреувеличенныя свѣдѣнія на основаніи рассказовъ ближайшаго и не рѣдко непосредственнаго ихъ свидѣтеля, о. Гэтте. На этотъ разъ мы сообщимъ рассказъ о мнимо-чудесномъ явленіи Божіей Матери, — рассказъ, основанный на полученной о. Гэтте программѣ (*Prospectus*) при газетѣ *L'univers*, которой онъ состоитъ неизмѣннымъ подписчикомъ.

Четверть вѣка тому назадъ во Франціи, въ департаментѣ Верхнихъ Пириней, недалеко отъ главнаго города департамента Тарбъ (*Tarbes*), въ одномъ углубленіи въ скалѣ или гротѣ, именуемомъ Лурдскимъ (*Grotte de Lourdes*), будто-бы явилась

одной благочестивой католичкѣ, по имени Бернардеттѣ, Божія Матерь въ качествѣ (!!) „Непорочнаго Зачатія“ и повелѣла себя чествовать всему міру. Слухъ объ этомъ явленіи, при посредствѣ мѣстнаго духовенства, скоро распространился по католическимъ стравамъ, и многое множество вѣрующихъ приходило на поклоненіе къ пещерѣ.

Въ прошломъ 1885 году, мѣстный епископъ, не довольствуясь частными и случайными, хотя и весьма многочисленными приходами поклонниковъ, вздумалъ, съ разрѣшенія папы Льва XIII, учредить формальное богомолье къ Лурдскому гроту, и вотъ какую, по этому поводу, обнародовалъ онъ программу:

Лурдская Богоматерь, — епископія Тарвская.

ДУХОВНОЕ ХОЖДЕНІЕ

НА ПОКЛОНЕНІЕ Лурдской Божіей Матери.

25 марта, 10 іюля, 8 сентября и 8 декабря 1885 г.

I. Происхожденіе странствія.

„Непорочная Дѣва, явившись въ Лурдскомъ гротѣ, высказала такое требованіе: „Пускай идетъ сюда весь народъ... Пускай идутъ торжественной процессіей“.

„Этотъ призывъ Божіей Матери услышанъ былъ въ католическомъ мірѣ, и въ теченіе болѣе четверти вѣка безчисленныя толпы приходятъ въ Лурды изъ всѣхъ странъ свѣта, и всѣ католическія сердца, влекомыя къ таинственной скалѣ, обнимаютъ ее своими желаніями, полными любви.

„Два года тому назадъ, одинъ великій христіанинъ, котораго большое смиреніе заставляеть насъ умолчать объ его имени, возымѣлъ счастливую мысль организовать *духовное хожденіе* или паломничество сперва для Италіи, а потомъ и для всего свѣта. Его святѣйшество папа Левъ XIII благословилъ это дѣло и снабдилъ его богатыми индульгенціями.

„Благословенія Бога, самыя обильныя, послѣдовали за благословеніемъ Его намѣстника. Италія, Франція, Испанія, Швейцарія и католики другихъ разныхъ странъ усердно отвѣтили на этотъ истинно божественный призывъ. Кто могъ-бы исчи-

слить всѣ пламенные молитвы, всѣ святыя приобщенія, всѣ безконечныя милости, которыя были плодомъ этого? Пожертвованія участниковъ дали возможность даже начать, въ честь Лурдской Божіей Матери, большую церковь съ именемъ Четовъ, (du Rosaire) и дѣятельно подвинуть работы впередъ.

„Тарбскій епископъ, какъ охранитель чудодѣйственнаго грота, подвинутый мыслию о томъ благѣ, какое приобрѣтается *духовнымъ странствіемъ*, и, кромѣ того, побуждаемый многочисленными просьбами католиковъ, рѣшился, въ лѣто благодати 1885-е, возобновить и усилить это странствіе; для чего проектъ его почтительно представилъ на благоусмотрѣніе папы Льва XIII, прося его вновь отверзть сокровища индульгенцій въ пользу святаго предприемлемаго дѣла.

„Святой отецъ благоволилъ внять просьбѣ, на аудіенціи 24 января 1885 г.

II. Цѣль странствія.

„Матерь Иисусова Сама напередъ объяснила цѣль *духовнаго странствія*, когда сказала Бернардеттѣ: „Вы будете молиться здѣсь за грѣшниковъ; вы будете лобызать эту землю за грѣшниковъ“. Поэтому цѣлію странствія будетъ:

„Заботиться о спасеніи душъ и о доставленіи торжества церкви (католической), верховному первосвященнику и народамъ католическимъ (!).

„Стараться доставить міру всегда ожидаемый имъ миръ, каковой обѣщанъ былъ при провозглашеніи догмата о Непорочномъ Зачатіи.

„Приобщаться безчисленнымъ молитвамъ, которыми испрашиваются отъ непорочно-зачатой Дѣвы грота изцѣленіе больныхъ, утѣшеніе скорбящихъ и всякаго рода милости и вспомоствованія, въ какихъ непрестанно нуждается бѣдное человечество.

„Соединять всѣ молитвы католическаго міра съ моленіемъ *Непорочнаго Зачатія* грота, дабы подвинуть сердце Бога при всемогущемъ ходатайствѣ Его Матери.

„Таково есть *духовное странствіе*“.

III. Время поклоненія.

„Духовное странствіе совершается въ слѣдующіе четыре праздника:

„1. 25 марта, въ праздникъ Благовѣщенія Святой Дѣвы, какъ годовщины того дня, когда она рекла въ гротѣ: „Я—Непорочное Зачатіе“ (!)

„2. 16 іюля въ праздникъ Кармильской Божіей Матери, какъ годовщину 18-го явленія.

„3. 8 сентября, въ праздникъ Рождества Святой Дѣвы;

„4. 8 декабря, въ праздникъ Непорочнаго Зачатія.

„Эти праздники будутъ отправлены со всею торжественностію въ честь Лурдской Богоматери.

„Народы католическіе приглашаются являться къ празднованіямъ или въ личныхъ путешествіяхъ, или отправляя, по крайней мѣрѣ, делегаци, благочестивыя посольства къ Царицѣ Небесной.

IV. Порядокъ чествованія.

1. „Участники духовнаго странствія приготовятся къ этимъ празднествамъ девятидневной молитвой, прочитывая каждый день въ церкви или въ какой-нибудь общественной молельнѣ, ангельскій привѣтъ (*chapelet*) Святой Дѣвѣ, отдѣльно ли каждый, или вмѣстѣ съ другими.

„Эти молитвы будутъ воспроизведены у Лурдской Богоматери, а привѣтъ будетъ прочитанъ передъ Святымъ Приобщеніемъ.

„2. Участники, исповѣдавшись въ приличное время, причастятся въ день совершаемаго праздника, или въ одинъ изъ слѣдующихъ осьми дней.

„3. Они сдѣлаютъ пожертвованіе, *по крайней мѣрѣ, въ количествѣ десяти сантимовъ*, на построеніе храма, имени Четокъ, въ честь Лурдской Божіей Матери. Изъ суммы этихъ привошеній взята будетъ часть и на гробъ Пія IX.

V. Индульгенціи и выгоды.

„1. Полная индульгенція на одинъ изъ выше показанныхъ праздничныхъ, или послѣдующихъ дней.

„2. Индульгенція на 7 лѣтъ и 7, четырехдесятицъ за каждый день девятидневной молитвы (очень, почему-то, щедрое и широкое отпущеніе).

„3. Участники *духовнаго странствія* и ихъ родственники, живые и умершіе, имѣютъ часть на вѣчное время въ мессъ, отправляемой въ храмѣ Лурдской Богоматери каждодневно.

„4. Прекрасное изображеніе базилики и церкви во имя Лурдской Богоматери будетъ послано всѣмъ, которые подпишутся, или уже подписались въ списокѣ пилигримовъ.

VI. Призывъ къ поклоненію.

„Мы всѣ, католики всего міра, прійдемъ къ этому престолу милосердія, который божественному Провидѣнію угодно было, въ наши дни испытанія, открыть въ таинственномъ гротѣ Лурдскомъ, куда Непорочно-зачатая Дѣва зоветъ насъ сладкимъ и сильнымъ гласомъ.

„Если отдаленность или обстоятельства не позволяютъ явиться тѣломъ, то будемъ соприсутствовать мысленно горячностію нашихъ желаній и молитвъ.

„Мы придемъ съ больными, исцѣленными и страждущими, съ душами утѣшенными и еще стѣнящими,—придемъ благодарить и молить Ту, Которая являетъ себя здѣсь здоровіемъ немощныхъ, утѣшительницею скорбящихъ и виною нашей радости.

Мы придемъ испрашивать отъ Непорочно-зачатой Дѣвы, Матери божественной милости, побѣдоносной Жены, сокрушившей главу змія—спасеніе душамъ, торжество церкви (католической), верховному первосвященнику и всѣмъ народамъ католическимъ.

„Мы сдѣлаемъ пожертвованія на большую церковь, гдѣ Мать Иисуса явитъ безчисленнымъ поклонникамъ любовь своего Сына, въ таинствахъ Святыхъ Четокъ (du Saint Rosaire) и воспламенитъ ихъ своею любовію.

„И Непорочно-зачатая Дѣва, соединяя всѣ наши молитвы съ своею всемогущею молитвой и совокупляя всѣ ваши сердца въ своемъ матернемъ сердцѣ, благочестно положить ихъ въ

сердце Сына своего Иисуса, гдѣ они (сердца) обрѣтутъ миръ въ бореиныхъ житейскихъ и радость въ вѣчномъ упокоеніи.

ВОЕННЫЙ
ПЛАЦЪ.

† ПРОСПЕРЬ МАРІЯ,
Епископъ Тарбскій.

„Письма и требованія по почтѣ должны быть отправляемы *франкированными* по слѣдующему адресу:

„Почтенному отцу Начальнику Миссіонеровъ Непорочнаго Зачатія, въ Лурды (Верхніе Пиринеи).

„*Духовное странствіе* къ Лурдской Богоматери 25 марта, 16 іюня, 8 сентября и 8 декабря 1885 г

„*Списокъ* подписчиковъ и лицъ живыхъ и умершихъ, порученныхъ общимъ молитвамъ *духовнаго странствія*.

„Для того, чтобы приспособиться къ средствамъ всѣхъ, найдено умѣстнымъ постановить мѣру вклада опредѣленную, а именно: 10 сантимовъ

„Имена и фамиліи подписчиковъ или лицъ рекомендованныхъ.

„Къ *особенному замѣчанію*.—I. Настоящій списокъ можетъ быть завяты подписью одного или многихъ лицъ, смотря по усердію каждаго къ Лурдской Богоматери.

„Разъ списокъ закончился во всей-ли своей цѣлости, или въ части, онъ долженъ быть, вмѣстѣ съ подписною суммою, отправленъ по почтѣ *франкированнымъ* по вышеуказанному адресу.

„II. Все, что будетъ имѣть отношеніе къ духовному странствію, будетъ обнародовано въ Лѣтописяхъ Лурдской Божіей Матери, которыя издаются каждаго мѣсячно, цѣною 3 фр. въ годъ. Подписка на газету дѣлается чрезъ почту, отправляется по тому же адресу. Подпись должна быть четкая.

Почтвенный о Гэтте, всецѣло отдавшій себя, по отреченіи отъ католичества, православію, напечатавъ эту епископскую программу (Prospektus) въ своемъ журналѣ цѣликомъ, такой дѣлаетъ о ней приговоръ: „C'est honteux tout cela; mais c'est vrai que l'Eglise romaine est tombée aussi bas. Elle n'est plus chrétienne“: т. е. „все это стыдъ и срамъ: истинно, что церковь римская глубоко пала, и она болѣе не христіанская“.

Мы позволимъ себѣ пространнѣе войти въ сужденіе о характерѣ и достоинствѣ этого проявленія католическаго духа. (L'union Chretienne, 1885 г., № 8, стр. 250).

1. Очевидно, что этотъ фактъ явленія Божіей Матери въ Пиринейскомъ департаментѣ, въ Лурдахъ, выдуманъ или поддѣланъ, для того, чтобы убѣдить міръ въ пріятіи и угодности Небу ново-сфабрикованнаго, въ противность Св. Писанію и ученію Церкви, догмата о безгрѣшномъ зачатіи Святой Дѣвы,—выдуманъ вскорѣ послѣ обнародованія догмата, не безъ вѣдома и позволенія папы Пія IX, провозгласившаго тотъ догматъ, когда здравые и непредубѣжденные умы легко могли соблазниться нововведеніемъ, къ нарушенію мира и согласія Церкви (котораго, однако, не успѣли предотвратить — въ старокатоличествѣ),—выдуманъ на югѣ Франціи, въ Пиринейхъ, въ мѣстности, находящейся между Франціей, Испаніей и Италіей, чтобы тѣмъ удобнѣе изъ этихъ по преимуществу католическихъ странъ привлечь народъ на поклоненіе чудесному гроту.

2. Выдуманъ фактъ весьма неловко и, просто сказать, нелѣпо. Какимъ образомъ Божія Матерь могла себя нареци и олицетворить фактомъ или догматомъ Непорочнаго Зачатія? „Я есмь—Непорочное Зачатіе“. „Je suis l'Immaculée Conception“. Почему было не назвать себя просто „Непорочно-зачатою“, въ чемъ было-бы болѣе смысла? Но этотъ послѣдній образъ выраженія менѣе подтверждалъ-бы догматъ, чѣмъ первый, которымъ прямо усвоется и одобряется догматъ, олицетворяющійся въ Божіей Матери.

3. Выдуманъ совершенно противно природному свойству Божіей Матери, смиренной и смиреніемъ стяжавшей неизреченную благодать быть Матерію Сына Божія, и, конечно, и, по превознесеніи своемъ превыше ангель, сознающей себя и на небѣ, какъ на землѣ, рабою Господней (Лук. I, 34 и 48). Какимъ же образомъ она могла такъ горделиво проявить себя передъ бѣднымъ человѣчествомъ? Какъ могла она такъ говорить отъ себя, безъ всякаго отношенія къ божественному Сыну, въ ходатайствѣ передъ Которымъ вся ея мощь: „Пусть идетъ сюда весь міръ! Пускай идутъ сюда торжественной процессіей!... Вы будете лобызать эту персть, на которой стоятъ мои ноги?“ Не явно-ли здѣсь нетерпѣливое стремленіе какого-нибудь фанатика-іезуита такимъ рѣшительнымъ повелѣніемъ

Царицы неба подвигнуть всѣхъ противящихся и сомнящихся къ непрекословному принятію новаго догмата?..

4. Нужно-ли здѣсь говорить о нелѣпыхъ индульгенціяхъ, давно осужденныхъ здравымъ смысломъ и правою вѣрою, и о пожертвованіяхъ, хотя малыхъ, но многочисленныхъ, которыя каждый проходящій на поклоненіе долженъ сдѣлать въ честь или пользу грота? Кто не видитъ здѣсь корыстнаго расчета духовенства?

Благодареніе Господу Богу, православная Церковь не знала и не знаетъ подобныхъ обмановъ и ухищреній, подрывающихъ расположеніе и уваженіе къ святой вѣрѣ, а если гдѣ открываются подобныя чудесныя явленія Божіей Матери или святыхъ, то подвергаетъ ихъ тайному дознанію или формальному изслѣдованію, и, буде усматриваетъ въ нихъ дѣйствительное проявленіе или знаменіе божественной милости къ бѣдному человѣчеству, предоставляетъ молитвенно прибѣгать къ нимъ свободной вѣрѣ требующихъ, если-же находитъ ложными, на суевѣріи основанными, то воспрещаетъ и пресѣкаетъ чествованіе ихъ.

У. П—въ.

МЕТАФИЗИЧЕСКІЙ АНАЛИЗЪ ЭМПИРИЧЕСКАГО ПОЗНАНІЯ.

(Продолженіе *).

Первые опыты разграниченія и различенія чувственныхъ свойствъ вещей мы находимъ у Декарта и въ болѣе опредѣленномъ видѣ у Локка. Какъ извѣстно, послѣдній раздѣляетъ свойства вещей на первичныя и вторичныя и первыя почитаетъ объективными, вторыя — субъективными; къ числу свойствъ перваго рода онъ относитъ: фигуру (очертаніе), число, положеніе, движеніе и покой; къ послѣднимъ — всѣ остальные чувственныя свойства, — цвѣтъ, запахъ, вкусъ и пр. Намъ кажется, что мысль, лежащая въ основаніи этого дѣленія, совершенно правильна и что существуетъ дѣйствительно замѣтное различіе между представляемыми нами свойствами вещей по отношенію къ степени ихъ реальнаго значенія и которое позволяетъ намъ раздѣлить ихъ на два класса; одни изъ нихъ мы назовемъ объективными, другія — субъективными **).

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 года № 9.

**) Локково названіе: *первичныя* и *вторичныя* свойства вещей не можетъ быть признано правильнымъ и точнымъ. Прежде всего, неправомерность здѣсь въ томъ, что свойства вторичныя точно также, какъ и первичныя, онъ называетъ *свойствами вещей*. Но самъ Локкъ придаетъ имъ значеніе только субъективныхъ ощущеній; но ощущенія, которыя существуютъ не въ тѣлахъ, а только въ ощущающемъ субъектѣ, вообще не могутъ быть свойствами самихъ тѣлъ, производными точно также, какъ и первоначальными. Затѣмъ, нельзя признать вѣрнымъ и названія ихъ *вторичными* или *производными* въ томъ смыслѣ, въ какомъ допускаетъ это Локкъ. Онъ, какъ извѣстно, не признавая реальными самихъ этихъ свойствъ, признаетъ объективно существующими въ самихъ вещахъ только спо-

Это различіе состоитъ въ томъ, что объективныя, въ сущности основанныя на понятіяхъ пространства, времени и движенія, свойства составляютъ всеобщую и необходимую принадлежность всѣхъ предметовъ и представленій о нихъ безъ исключенія; они остаются неизмѣнными при всѣхъ перемѣнахъ предмета, при всѣхъ его состояніяхъ; съ уничтоженіемъ какого-либо изъ этихъ свойствъ, уничтожился-бы и самый предметъ. Между тѣмъ, тѣ свойства, которыя мы назвали субъективными, измѣнчивы, непостоянны, случайны и присутствіе или отсутствіе ихъ не уничтожаетъ самаго предмета. Такого или иного цвѣта предметъ, производитъ-ли онъ звукъ или нѣтъ, тепелъ-ли онъ или холоденъ,—все это можетъ имѣть значеніе для нашего ощущенія или представленія предмета, но самый предметъ остается, независимо отъ этихъ качествъ. Такъ мы можемъ представить существованіе вселенной и ея предметовъ, до происхожденія на землѣ человѣка и вообще живыхъ существъ, когда объ ощущеніяхъ свѣта, звука не могло быть и рѣчи; но за мыслимымъ отсутствіемъ этихъ ощущеній и основанныхъ на нихъ свойствъ, не уничтожится въ насъ понятіе о самомъ мірѣ. Напротивъ, не можетъ быть, да и представить мы не можемъ, никакого предмета, который не имѣлъ-бы никакого очертанія, не занималъ-бы никакого мѣста въ пространствѣ, который не пребывалъ-бы ни въ покоѣ, ни въ движеніи. Отсюда мы имѣемъ право какъ на основаніи анализа чувственнаго представленія, такъ и на основаніи требованій мышленія заключать, что послѣдняго рода свойства суть дѣйствительныя реальныя свойства вещей, тогда какъ первыя суть субъективныя состоянія нашего духа.

а) Объективный характеръ тѣхъ физическихъ свойствъ, которыя основаны на понятіяхъ пространства, времени и движе-

способности возбуждать или производить въ насъ ощущенія этихъ свойствъ: эти способности, по его мнѣнію, основываются на нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ намъ особенностяхъ и видоизмѣненіяхъ первичныхъ свойствъ и ими производятся иначе—то, что мы называемъ свѣтомъ, звукомъ, тепломъ и пр., въ дѣйствительности есть нѣкоторый продуктъ фигуры, положенія, движенія и пр. даннаго предмета. Но такое мнѣніе у него ни чѣмъ не обосновано и имѣетъ видъ произвольной гипотезы.

нія, и ихъ существенное отличіе въ этомъ отношеніи отъ свойствъ субъективныхъ подтверждается и научнымъ эмпирическимъ изслѣдованіемъ природы. Миѣнію Канта, что мы не знаемъ и не можемъ знать дѣйствительныхъ предметовъ въ ихъ отличіи отъ субъективнаго представленія, мы противопоставили тотъ несомнѣнный фактъ, что эмпирическая наука отличаетъ предметы, какъ они суть, отъ того, какъ они намъ кажутся по субъективнымъ условіямъ нашего чувственнаго познанія. Такъ напр. наука говоритъ намъ, что то, что кажется намъ свѣтомъ, есть колебательное движеніе ээира; то, что кажется намъ звукомъ,—колебаніе волнъ воздуха и проч. Если мы всмотримся въ эти и однородные факты и спросимъ: что собственно наука почитаетъ дѣйствительнымъ и что кажущимся, то легко замѣтимъ, что дѣйствительными она признаетъ именно тѣ самыя свойства, которыя мы назвали объективными, а кажущимися тѣ, которыя названы нами субъективными. Ибо очевидно, что дѣйствительнымъ она признаетъ напр. колебаніе, движеніе, — вообще движеніе матеріальныхъ тѣлъ или частицъ, имѣющихъ извѣстное очертаніе, протяженность, плотность (воздухъ, ээиръ, атомы); а кажущимся—наше ощущеніе этихъ свойствъ въ формѣ звука, свѣта, тепла. Въ правильности тѣхъ методовъ наблюденія и эксперимента, при помощи которыхъ наука пришла къ подобнаго рода заключеніямъ, сомнѣваться нѣтъ ни малѣйшаго повода. Достаточно того, что это различеніе субъективныхъ и объективныхъ свойствъ составляетъ общепризнанный наукою выводъ естествознанія *).

*) Такъ основатель теоріи „специфическихъ чувственныхъ энергій“,—теоріи, которая дала столь сильную естествознательную поддержку ученію о субъективности нашихъ представленій, Г. Миллеръ, примыкаетъ однакоже къ Локку въ различеніи первичныхъ и вторичныхъ качествъ и на той-же точкѣ зрѣнія въ существенномъ всегда стояло естествознаніе. На общія многимъ чувствамъ формы пространства и времени съ производными изъ нихъ современная физика смотритъ какъ на опредѣленія, которыя одинаково принадлежатъ какъ вещамъ, такъ и чувственнымъ образамъ ихъ. Напротивъ, всѣ особенности формъ сознанія, которыя принадлежатъ каждому чувству въ отдѣльности, она объявляетъ субъективными, хотя само собою разумѣется, что каждое изъ этихъ свойствъ имѣетъ свой объективный коррелятъ,—свойства и дѣятельности въ самыхъ вещахъ, которыя вызываютъ эти спеціальныя для каждаго чувства ощущенія и которыхъ они служатъ символамъ. Kroman, Unsere Naturerkenntnisse, 1883, 374, 375.

Кромѣ указанныхъ свойствъ предметовъ, наука справедливо утверждаетъ объективный характеръ и многихъ другихъ физическихъ свойствъ предметовъ, которыя не даны намъ въ нашихъ чувственныхъ ощущеніяхъ непосредственно, но къ признанію которыхъ приводитъ научное изслѣдованіе природы; таковы, напримѣръ, химическое сродство, непроницаемость, вѣсъ, электричество и пр. Основаніемъ къ признанію этихъ свойствъ реальными служитъ тотъ-же признакъ ихъ всеобщности, постоянства и независимости отъ нашихъ чувственныхъ ощущеній. Тогда какъ, такъ называемыя, вторичныя свойства, какъ цвѣта, запахи, вкусы и пр. суть феномены измѣнчивые, зависящіе отъ строенія нашихъ чувственныхъ органовъ, перваго рода свойства суть принадлежности самыхъ вещей и не имѣютъ ничего общаго съ измѣненіями нашей чувственной способности. Они будутъ существовать въ вещахъ и тогда, если не будетъ ощущающаго и познающаго субъекта; перваго-же рода свойства зависятъ отъ особенности нашего организма; съ уничтоженіемъ чувствъ или видоизмѣненіемъ строенія ихъ и эти свойства или не будутъ существовать, или совершенно измѣнятся.

Объективность указанныхъ нами свойствъ выражается и въ объективномъ характерѣ тѣхъ законовъ природы, которые установлены наукою на основаніи изученія этихъ свойствъ и ихъ отношеній. Эти законы совершенно независимы и отличны отъ тѣхъ субъективныхъ, психологическихъ законовъ, которымъ подчинена дѣятельность нашихъ чувствъ и ихъ специальныхъ ощущеній. Свѣтъ, напримѣръ, есть феноменъ совершенно условливаемый нашимъ зрительнымъ органомъ и о которомъ мы не можемъ составить ни малѣйшаго понятія независимо отъ нашего представленія. Но тѣ свойства вещей, которыя служатъ поводомъ и причиною этого представленія (колебательное движеніе ээира), тѣ законы, по которымъ происходятъ свѣтовые феномены, независимы отъ нашего зрительнаго органа, и понятіе, которое получаетъ о нихъ нашъ разумъ, такъ различно отъ субъективнаго ощущенія самаго феномена, что даже слѣпорожденный, какъ показываютъ опыты, можетъ изучить законы оптики и отдать въ нихъ отчетъ при помощи

одной геометріи ¹⁾. Тоже самое различіе существуетъ и между ощущеніями и законами звука, электричества, магнетизма, — вообще между субъективными феноменами и законами природы. Повсюду феноменъ есть нѣчто измѣнчивое, относительное, принадлежащее нашей чувственной способности; законъ, напротивъ, нѣчто постоянное, необходимое, принадлежащее реальному бытію вещей внѣ насъ находящихся, что поэтому и составляетъ предметъ объективнаго научнаго знанія, независимаго отъ чувствъ.

Установленное нами различіе объективныхъ и субъективныхъ свойствъ вещей, о которыхъ даетъ намъ знать чувственное представленіе, достаточно обезпечиваетъ для насъ возможность объективнаго познанія внѣшняго міра; потому что оказывается, что если не все, то многое въ нашемъ чувственномъ представленіи служитъ отображеніемъ подлиннаго бытія вещей и что поэтому міръ не можетъ быть названъ *только* нашимъ представленіемъ въ смыслѣ идеализма. Что касается до возраженій, которыя могутъ быть выставлены со стороны идеализма противъ такого различенія, то ихъ устранить не трудно.

Такъ по мнѣнію Берклея, установленное Локкомъ различіе первичныхъ и вторичныхъ свойствъ, несостоятельно потому, что наше сознаніе ничего не говоритъ о такомъ различіи, что въ немъ тѣ и другія свойства представляются вмѣстѣ и не раздѣльно; поэтому и невозможно допустить какое либо существенное между ними различіе по отношенію къ ихъ объективности. Это возраженіе, повидимому, имѣетъ нѣкоторое основаніе и въ томъ фактѣ, что и признаваемые нами объективными свойства мы не можемъ представить независимо и совершенно отдѣльно отъ субъективныхъ; напр. мы признаемъ объективнымъ колебаніе или движеніе ээира или воздуха, а субъективнымъ ощущеніе этого движенія въ формѣ свѣта или звука; но самое движеніе мы опять не можемъ иначе представить, какъ въ видѣ чего-либо движущагося; а это движущееся (ээиръ, воздухъ) опять должно имѣть свойства субъективнаго

¹⁾ Таковъ былъ напр. Сундерсонъ изъ Кембрѣджа, слѣпой съ дѣтства, изучившій математику, оптику и астрономію. Шопенгауеръ: „О четверномъ корнѣ закона достаточнаго основанія“. Пер. Фета, 1886 г., стр. 55.

характера, быть напр. или свѣтлымъ или темнымъ, имѣть тотъ или другой цвѣтъ. Но во всемъ этомъ возраженіи вѣрно только то, что для нашего *представленія* дѣйствительно первичныя и вторичныя свойства существенно и неразрывно связаны. Какъ не можемъ мы представить предмета не имѣющаго никакого очертанія, не находящагося ни въ покоѣ, ни въ движеніи, также не можемъ мы представить (за исключеніемъ случая отсутствія какого-либо чувства) никакого тѣла, которое не было-бы видимо, не имѣло-бы никакого цвѣта, не могло-бы при ударѣ издавать никакого звука, не имѣло-бы никакой температуры и пр. Но это не говоритъ нисколько, что перваго и втораго свойства были не раздѣлимы для нашего познанія, для *разсудка*, анализирующаго содержаніе нашихъ представленій; противное тому представляетъ, какъ мы видѣли, фактъ научнаго различенія въ представленіяхъ о вещахъ того, что кажется, и того, что есть на самомъ дѣлѣ. Этотъ фактъ совершенно необъяснимъ для идеализма; если всѣ свойства одинаково субъективны, то для насъ непонятно, почему мы противопологаемъ ихъ какъ субъективныя и объективныя, почему мы различаемъ въ вещахъ дѣйствительное и кажущееся. Возраженіе, выставленное Берклеемъ, доказываетъ только то, что представленіе, какъ таковое, не можетъ дать намъ истиннаго познанія о внѣшнемъ мірѣ, что для этого познанія необходима привходящая дѣятельность разсудка, которая по существу своему есть дѣятельность различающая.

Сейчасъ сказаннымъ нами устраняется и другое возраженіе противъ допущеннаго нами различія объективныхъ и субъективныхъ свойствъ вещей. Противъ такого различенія, повидимому, справедливо могутъ замѣтить, что и такъ называемыя нами объективныя свойства не выражаютъ однако-же дѣйствительныхъ свойствъ вещей потому самому, что представленіе о нихъ все-же получается въ субъектѣ, черезъ посредство нашего я. Никакія свойства вещей не могутъ отражаться въ нашемъ сознаніи такъ адекватно и точно, какъ въ зеркалѣ; наша воспринимающая способность, не будучи чисто пассивною, должна такъ или иначе вліять на ихъ усвоеніе, въ силу чего они и не могутъ быть названы безусловно объектив-

ными свойствами вещей. Съ этимъ замѣчаніемъ нельзя не согласиться и опытъ показываетъ, что на представленія, напр., движенія, положенія, фигуры предметовъ дѣйствительно имѣютъ вліяніе фізіологическіе и психологическіе законы дѣятельности нашихъ чувствъ, которые съ особенною ясностью выступаютъ въ такъ называемыхъ естественныхъ иллюзіяхъ; такъ, напримѣръ, солнце представляется намъ движущимся, а земля неподвижною, луна на краю горизонта—большихъ размѣровъ, чѣмъ когда она стоитъ высоко на небѣ; для ѣдущаго въ вагонѣ желѣзной дороги окружающая мѣстность кажется движущеюся и т. п. Въ этомъ отношеніи и представленія о первичныхъ свойствахъ вещей, въ строгомъ и точномъ смыслѣ, мы должны-бы назвать только относительно, а не безусловно объективными; такого рода названіе мы придаемъ имъ только сравнительно съ представленіями свѣта, звука, вкуса и проч. А такъ какъ и послѣднія, какъ увидимъ, не безусловно субъективны, то конечно мы должны-бы назвать первыя представленіями съ преобладающимъ объективнымъ, а послѣднія съ преобладающимъ субъективнымъ характеромъ. Но эта примѣсь субъективнаго элемента, какъ показываетъ опытъ, нисколько не служитъ для науки препятствіемъ къ составленію истиннаго и дѣйствительнаго понятія о вещахъ. Какъ могутъ быть отличены субъективныя и объективныя свойства въ представленіи вообще, также точно можетъ быть узнана и отдѣлена и въ самыхъ объективныхъ представленіяхъ примѣсь субъективнаго элемента.

Но главнымъ возраженіемъ противъ реальнаго значенія называемыхъ нами объективными, Ложкомъ первичными, свойствъ, какъ у Берклея, такъ и древнихъ скептиковъ и новѣйшихъ идеалистовъ, служатъ не столько эти естественныя иллюзіи, сколько то, что понятія объ этихъ свойствахъ не устойчивы, относительны и зависятъ отъ особенностей познающаго субъекта и потому не могутъ быть выраженіемъ чего-либо дѣйствительно сущаго въ вещахъ; таковы, напримѣръ, понятія малости, величины, покоя, движенія, измѣреній времени, пространства и т. п. Но всѣ эти факты, какъ-бы они остроумно скомбинированы ни были (напримѣръ у Гегеля), говорятъ только объ относительности нашего познанія и ничего болѣе. Но

этой относительности никогда и не отвергалъ реализмъ и не училъ, будто наше знаніе о природѣ есть знаніе абсолютное, чему противорѣчитъ очевидный фактъ различія нашихъ представлений о внѣшнихъ предметахъ и сужденій о нихъ. Но эта относительность нашего познанія, какъ показываетъ опытъ и существованіе общеобязательной науки и общепризнаваемыхъ ея истинъ, нисколько не говоритъ въ пользу его субъективности; и относительное познаніе можетъ быть относительно истиннымъ и объективнымъ. Возьмемъ, на примѣръ, понятіе о величинѣ; великану и карлику одинъ и тотъ-же предметъ можетъ показаться большимъ и малымъ; нога муравья, какъ говоритъ Берклея, для человѣка кажется чѣмъ-то ничтожно малымъ, для самага муравья довольно большимъ, для инфузоріи (прибавимъ) чѣмъ-то громаднымъ. Но какъ скоро всѣ эти существа могли-бы знать, что данный предметъ имѣетъ такое-то число футовъ, линій, то въ сущности ихъ понятія о величинѣ предмета стали-бы однородны и относительность ихъ субъективной оцѣнки величины не имѣла-бы ровно никакого значенія и не подрывала-бы объективной истины познанія. Точно тоже должно сказать и объ относительности понятій о движеніи и разстояніи. Для человѣка, на примѣръ, разстояніе солнца отъ земли кажется громаднымъ, движеніе свѣта—необычайно быстрымъ. Но представимъ въ нашей фантазіи существо въ миллионъ разъ большее человѣка или могущее совершать движенія въ десять разъ быстрѣйшія свѣта; первому разстояніе земли отъ солнца показалось-бы не особенно значительнымъ, а послѣднему движеніе свѣта очень медленнымъ. Но это громадное различіе въ относительности представленія имѣло-ли бы вліяніе на ихъ объективное познаніе о величинѣ солнца или о скорости движенія свѣта? Нисколько; и человекъ и воображаемое существо одинаково признали-бы, что солнце отстоитъ отъ земли на столько-то миллионовъ географическихъ миль, что свѣтъ движется съ такою-то, опредѣленною наукою, скоростью въ секунду. Можетъ быть только мѣра или единица измѣренія показалась-бы для нашего фантастическаго существа слишкомъ мизерною, въ родѣ того, на примѣръ, если-бы человекъ сталъ считать разстояніе солнца отъ земли

не милями, а вершками или дюймами; но это нисколько не повредило-бы точности его научнаго познанія и согласію его съ познаніемъ человѣческимъ. Если такимъ образомъ относительность нашего эмпирическаго познанія не сдѣлала-бы его субъективнымъ міражемъ, даже при томъ громадномъ различіи познающихъ субъектовъ, которое мы сейчасъ допустили, то могутъ-ли имѣть какое-нибудь серьезное значеніе тѣ сравнительно ничтожныя отличія въ сужденіяхъ о величинѣ, разстояніи и проч., на которыя указываютъ скептики и идеалисты? Совершенно согласны съ ними, что какъ нѣтъ двухъ людей совершенно сходныхъ, такъ и нѣтъ двухъ органовъ чувствъ безусловно тождественныхъ въ ихъ отправленіяхъ; одинъ и тотъ же видимый предметъ въ сущности отражается съ тысячью неуловимыхъ оттѣнковъ въ тысячѣ глазъ; тоже должно сказать и о другихъ чувствахъ. Но это несходство представленій подрываетъ-ли сколько-нибудь достовѣрность чувственнаго познанія о реальныхъ свойствахъ предмета? И въ сужденіяхъ о предметахъ и въ научныхъ понятіяхъ о нихъ и въ самомъ практическомъ отношеніи къ нимъ мы находимъ то единство познанія о внѣшнемъ мірѣ, которое достаточно ручается за его общеобязательность и достовѣрность; этой достовѣрности нисколько не могутъ поколебать тѣ субъективныя отличія, которыя составляютъ особенности чувственнаго воззрѣнія каждаго индивидуума, — особенности большею частію столь незамѣтныя, что ихъ не сознаетъ самъ индивидуумъ и которыя скорѣе могутъ быть теоретически предполагаемы, чѣмъ эмпирически указаны.

Но не на одну только зависимость нашего познанія отъ особенностей познающаго субъекта, но и на самую измѣнчивость и неуловимость для нашей мысли познаваемаго объекта указываетъ идеализмъ, какъ на возраженіе противъ достовѣрности эмпирическаго познанія. Эта измѣнчивость чувственнаго бытія со временъ Гераклита до Гегеля включительно всегда служила для доказательства той мысли, что все, что мы ни мыслимъ постояннаго въ бытіи и о бытіи эмпирическомъ, начпная отъ самаго представленія о конкретной вещи и кончая самыми общими понятіями о чувственныхъ предметахъ, принадлежитъ разуму и исключительно разуму и что поэтому на-

ше эмпирическое познаніе по существу не можетъ имѣть никакой объективной цѣнности. Въ самомъ дѣлѣ, если въ этомъ бытіи, какъ выражается Гераклитъ, все течетъ въ неуловимомъ потокѣ измѣненія, то, очевидно, нашъ разумъ не можетъ отразить въ себѣ этого потока въ его полной объективности, а тѣ формы, въ которыхъ онъ старается, такъ сказать, фиксировать это текучее бытіе,—представленія о вещахъ, понятія, формы, которыя и составляютъ все содержаніе нашего понятія о мірѣ, принадлежатъ только нашему субъекту; въ силу своего постоянства наше я старается придать и чувственному бытію то постоянство и устойчивость, которыхъ оно на самомъ дѣлѣ не имѣетъ и имѣть не можетъ въ силу своей текучей природы. Эта мысль, какъ мы видѣли, и составляетъ результатъ діалектической критики понятія о конкретной вещи у Гегеля. Что въ нашихъ представленіяхъ и понятіяхъ о внѣшнихъ предметахъ мы дѣйствительно получаемъ для нашего знанія постояннымъ и неизмѣннымъ то, что въ чувственныхъ ощущеніяхъ представляется, какъ неудержимый потокъ измѣнчивыхъ впечатлѣній,—это справедливо. Но несправедливо то, будто эти самыя формы, объединяющія впечатлѣнія и дающія имъ устойчивость въ нашихъ представленіяхъ и понятіяхъ, принадлежатъ исключительно познающему субъекту, и потому обозначаютъ не дѣйствительные внѣ насъ сущіе виды, а лишь феномены нашего сознанія. Прежде всего, если въ дѣйствительности все течетъ неуловимо и неудержимо для нашего сознанія, то для насъ совершенно непонятно, какимъ образомъ нашъ разумъ можетъ, такъ сказать, останавливать и объединять это текучее бытіе въ различныя субъективныя формы представленій и понятій и почему эти формы, не смотря на то, что по своему постоянству не имѣютъ ничего общаго и сходнаго съ дѣйствительнымъ текучимъ бытіемъ, онъ относитъ именно къ этому бытію, представляетъ свои субъективные акты, какъ отличные отъ себя и разнообразныя предметы. Если теперь вспомнимъ, что образованіе нашихъ представленій и понятій не есть дѣло субъективнаго произвола и не можетъ быть объяснено никакимъ чисто субъективнымъ закономъ, если вспомнимъ, что тѣ или другія представленія о вещахъ являются въ

нашемъ сознаніи принудительно, не смотря на участіе въ ихъ образованіи нашей познавательной способности, то должны придти къ несомнѣнному заключенію, что такъ называемая текучая измѣнчивость внѣшняго бытія не до такой степени текуча и неуловима, чтобы изъ нея безусловно ничто не могло отразиться и удержаться въ нашемъ сознаніи. Дѣйствительно, наше познаніе, не смотря на измѣнчивость чувственнаго бытія, опредѣляетъ однако-же различныя *степени* этой измѣнчивости. То оно называетъ извѣстное впечатлѣніе, извѣстный феноменъ мимолетнымъ и скоропреходящимъ; то устанавливаетъ различныя, и при томъ очень точныя, мѣры продолжаемости бытія частныхъ предметовъ и существъ; то говоритъ о постоянныхъ и неизмѣнныхъ законахъ природы, о пребываемости вещества, не смотря на измѣненія его формъ. Если-же, какъ мы сказали, эти опредѣленія не могутъ быть объяснены ни произволомъ, ни какимъ-либо психологическимъ закономъ дѣятельности самаго субъекта, то очевидно, что основанія, вынуждающія нашу мысль къ признанію такой или иной продолжаемости бытія, должны заключаться не въ насъ, а внѣ насъ, въ самомъ объективномъ бытіи и что поэтому измѣнчивость этого бытія далеко не такъ безусловна, какъ предполагаетъ идеализмъ. Именно, не смотря на то, что чувственное бытіе мы справедливо зовемъ измѣнчивымъ и непостояннымъ, мы необходимо должны отличать въ немъ различныя степени и мѣры измѣнчивости, признавая въ немъ одно болѣе, другое менѣе текучимъ. А сравнивая между собою эти степени и мѣры, мы слѣдовательно имѣемъ полное право говорить не только объ измѣнчивости, но и объ относительномъ *постоянствѣ* чувственнаго бытія въ томъ смыслѣ, что менѣе измѣнчивое сравнительно съ болѣе измѣнчивымъ можетъ быть названо постояннымъ, пребывающимъ, на примѣръ, законъ природы въ сравненіи съ явленіями, совершающимися по этому закону, родъ въ сравненіи съ индивидуумомъ его образующимъ, индивидуумъ въ сравненіи съ измѣнчивыми жизненными феноменами, въ которыхъ обнаруживается его хотя кратковременное, но по отношенію къ этимъ феноменамъ относительно постоянное бытіе. Эти-то различныя степени из-

измѣнчивости, которыя въ тоже время могутъ быть названы и степенями относительнаго постоянства бытія, и составляютъ то реально сущее и реально познаваемое въ чувственномъ бытіи, которое и обезпечиваетъ объективную истину нашего познанія о мірѣ. Неуловимая на своихъ крайнихъ предѣлахъ текучесть бытія дѣлается болѣе и болѣе доступною нашему познанію, въ какой мѣрѣ восходитъ по степенямъ большей и большей устойчивости и неизмѣнности, и этими реальными степенями опредѣляется вмѣстѣ достоинство и цѣнность нашего субъективнаго познанія. Смутное и недостаточное познаніе, получаемое въ мимолетныхъ и разрозненныхъ впечатлѣніяхъ и ощущеніяхъ, получаетъ болѣе устойчивости въ нашихъ представленіяхъ; но болѣе совершенное познаніе о внѣшнемъ мірѣ,— познаніе о находящемся въ немъ постоянномъ и относительно неизмѣнномъ, даетъ намъ разсудокъ въ своихъ общихъ понятіяхъ, при помощи которыхъ мы приобретаемъ раціональное, но въ тоже время реальное познаніе о мірѣ.

Такимъ образомъ, такъ называемая, текучесть и измѣнчивость чувственнаго бытія говоритъ въ сущности только объ относительности нашего познанія о внѣшнемъ мірѣ въ томъ смыслѣ, что нашему познанію доступно только менѣе измѣнчивое и болѣе постоянное въ немъ, что въ силу нашей субъективной ограниченности не все уловимо для насъ въ быстро несущемся мимо насъ потоцѣ бытія, но только болѣе, такъ сказать, цѣнное для насъ и по своему относительному постоянству болѣе приближающееся къ нашей духовной природѣ. Но такая относительность нашего познанія также мало свидѣтельствуетъ о его недостоверности, какъ и условливаемая тою-же субъективною особенностью его природы относительность въ сужденіяхъ о мѣрѣ, протяженіи, величинѣ предметовъ, о которой мы говорили выше.

В. Жудравцевъ.

(Окончаніе будетъ).

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ОТКРОВЕНІЮ

(Продолженіе *).

Г л а в а II.

Христіанское откровеніе и философія.

102. Откровеніе вообще.—103. Историческое существо откровенія.—104. Единство откровенія.—105. Главные моменты откровенія.—106. Отношеніе другъ къ другу.—107. Откровеніе во Христѣ, какъ средоточный пунктъ всего откровенія.—108. Сосредоточеніе христіанскаго откровенія въ исторической жизни Церкви.—109. Сознаніе откровенія въ церковномъ міросозерцаѣн.—110. Отношеніе разума къ откровенію вообще, какъ къ факту.—111. Выраженіе этого разума въ философскихъ понятіяхъ греко-римскаго міра.—112. Перечень понятій, прилагавшихся разумомъ къ усвоенію христіанскаго откровенія въ первые вѣка.—113. Основаніе къ такому употребленію въ провиденціальномъ значеніи философіи.—114. Различіе въ употребленіи этихъ понятій въ христіанской философіи и въ философіи тогдашняго времени.—115. Патристическое употребленіе понятій древней философіи.—116. Схоластическое.—117. Реализмъ, номинализмъ, скептической рационализмъ, скептицизмъ и пробаблизмъ.—118. Возрожденіе, Аристотелумахія, паденіе древней философіи.

102. Наше знаніе имѣетъ ограниченный кругозоръ. Въ немъ вмѣщается не все, что существуетъ, и оно только мало-по-малу расширяется въ своемъ объемѣ, захватывая все большую и большую сферу познаваемаго. Поэтому мы невольно предполагаемъ, что за предѣлами нашего сознанія лежитъ или можетъ лежать многое такое, что еще не сдѣлалось содержаніемъ нашего познанія, но что можетъ иногда становиться къ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 9.

нему въ отношеніе, на что оно можетъ невольно наталкиваться и что въ него можетъ невольно тѣсниться. Это подозрѣваемое нами неизвѣстное становится намъ извѣстнымъ черезъ открытіе, намѣренное, если мы отыскиваемъ это неизвѣстное, — или случайное, если мы наталкиваемся на него невольно. Въ этомъ случаѣ неопредѣленное неизвѣстное, ставшее предметомъ открытія, предстасть передъ нами, какъ опредѣлившійся фактъ. Прежде въ сознаніи было лишь неопредѣленное подозрѣніе о чемъ-то; теперь неопредѣленное подозрѣніе становится опредѣленнымъ знаніемъ факта. Но мы можемъ взять нѣчто абсолютно неизвѣстное, о существованіи чего мы сначала не имѣли никакого подозрѣнія, потому что въ сознаніи не имѣли никакихъ данныхъ или поводовъ для этого подозрѣнія. Неизвѣстное въ такомъ случаѣ совершенно не должно касаться нашего сознанія; мы не можемъ приписать ему никакого предиката, даже того, что оно неизвѣстно, ибо и этотъ предикатъ заимствуется нами только изъ нашего-же сознанія; мы не можемъ даже сказать, что оно есть просто несуществующее для сознанія, ибо оно не стоитъ къ нему ни въ какомъ отношеніи, а несуществующее стоитъ, какъ отрицаніе существованія. Представимъ себѣ теперь, что это абсолютно неизвѣстное и неподозрѣваемое въ извѣстный моментъ входитъ въ наше сознаніе. Повятно, что вошедшее въ сознаніе предстанетъ намъ, какъ совершенно новый и неожиданный фактъ, для предвидѣнія котораго мы не имѣли никакихъ основаній въ своемъ сознаніи и который поэтому можетъ стать въ такое или иное отношеніе къ другимъ извѣстнымъ намъ фактамъ лишь послѣ того, какъ онъ изъ области совершенно неизвѣстнаго перешелъ въ область извѣстнаго. Но въ чемъ состоитъ этотъ переходъ? Обыкновенно мы предполагаемъ дѣйствіе этого новаго факта на нашъ духъ, вслѣдствіе котораго этотъ фактъ становится намъ извѣстнымъ. Но это противорѣчіе; ибо невозможно говорить о дѣйствіи факта, когда самъ фактъ для сознанія возникаетъ только вслѣдствіе этого предполагаемаго дѣйствія. О дѣйствіи чего-либо на нашъ духъ можно говорить лишь послѣ того, какъ это что-либо уже познано, и поэтому дѣйствіе есть лишь отношеніе сознанныхъ уже фактовъ. Напро-

тивъ то, что еще не сознано, не можетъ дѣйствовать, какъ дѣйствуетъ какой-нибудь сознаный фактъ на другой фактъ, ибо это несознанное еще не стало такимъ фактомъ. Ни о какомъ другомъ дѣйствованіи мы *исворить не можемъ* ¹⁾. Такимъ образомъ мы рѣшительно не можемъ себѣ представить, вслѣдствіе чего и какъ что-либо абсолютно неизвѣстное переходитъ въ область извѣстнаго, ибо всѣ объясненія акта „первоначальнаго“ знанія уже предполагаютъ знаніе и потому вращаются уже въ сферѣ знанія совершившагося. Такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о томъ, что совершенно трансцендентно по отношенію къ нашему сознанію, то попытка опредѣлить условія знанія неизвѣстнаго, вслѣдствіе которыхъ оно становится извѣстнымъ, напоминаетъ попытку выучиться плавать, не прикасаясь къ водѣ, если употребить замѣчаніе Гегеля противъ критической попытки Канта изслѣдовать способность мысли прежде, чѣмъ приступить къ знанію ²⁾. Такъ какъ вновь сознаный фактъ возникаетъ въ сознаніи тамъ, гдѣ до того на его мѣстѣ не было ничего, то мы можемъ уподобить этотъ случай именно возникновенію изъ ничего. Если мы возьмемъ въ соображеніе то состояніе нашего сознанія, когда ему впервые становится извѣстно бытіе, то есть то мгновеніе его существованія, въ которое оно впервые наполняется какимъ-либо содержаніемъ, то мы, дѣйствительно, можемъ этотъ переходъ изъ неизвѣстнаго въ извѣстное сравнить съ непостижимымъ актомъ творчества, черезъ который какъ-бы изъ ничего предъ изумленнымъ взоромъ ума возникаютъ впервые факты и онъ самъ приходитъ къ сознанію себя самого. Этотъ непостижимый актъ однако составляетъ условіе всякаго познанія и мы можемъ по справедливости называть его откровеніемъ, черезъ которое факты возникаютъ въ нашемъ духѣ и намъ открываются. Такимъ образомъ, рассматриваемое съ формальной стороны или со стороны условій, откровеніе есть нѣчто непостижимое, о чемъ мы можемъ говорить лишь послѣ

¹⁾ Мы не можемъ говорить о дѣйствіи „вещи въ себѣ“, ибо этой „вещи въ себѣ“ можно приписать дѣйствіе только послѣ того, какъ мы уже ее мыслимъ, слѣдовательно, когда она уже стала фактомъ сознанія.

²⁾ Гегель, Энцикл. § 41, приб. 1.

того, какъ духъ нашъ вслѣдствіе его пережилъ извѣстныя состоянія, возбудившія наше сознаніе, а рассматриваемое со стороны содержанія или слѣдствій, оно всегда есть нѣчто фактически данное, что сознаніе наше находитъ въ себѣ и ассимилируетъ себѣ въ формѣ дѣйствительнаго факта.

103. Но всякій дѣйствительный фактъ есть фактъ во времени. Наше человѣческое сознаніе иначе не можетъ представить ни одного факта. Даже когда говорится о вѣчности, обыкновенно подразумѣвается существованіе во всякое время; слѣдовательно, самая вѣчность не можетъ быть представлена въ отношенія ко времени. Поэтому откровеніе, рассматриваемое со стороны своего содержанія, должно осуществляться, какъ рядъ фактовъ во времени, которые вступаютъ между собою въ связь въ извѣстные моменты и въ этой временной послѣдовательности и связи представляютъ собою процессъ или исторію. Всякое откровеніе, рассматриваемое со стороны своего вступленія въ факты, подлежащіе сознанію нашему, т. е. рассматриваемое послѣ своего осуществленія въ связи этихъ сознаваемыхъ фактовъ, есть, слѣдовательно, исторія, предыдущіе моменты которой уже есть достояніе прошедшаго и существуютъ, слѣдовательно, только въ сознаніи (въ воспоминаніи); настоящіе существуютъ или могутъ существовать въ нашемъ сознаніи въ связи сознаваемыхъ фактовъ въ данное настоящее мгновеніе, а будущіе могутъ быть сознаніемъ нашимъ предвидимы, насколько связь фактовъ откровенія, т. е. само откровеніе посредственно или же непосредственно, чрезъ особія знаменательныя указанія въ духѣ, даетъ возможность такого предвидѣнія обыкновенному, или чрезвычайно настроенному сознанію людей. Съ этой точки зрѣнія на откровеніе исторія природы есть откровеніе природы, исторія человѣчества есть откровеніе человѣческаго духа. Но обѣ эти исторіи представляютъ на нашъ взглядъ естественную исторію, которая содержитъ въ себѣ высшую исторію. Эта высшая исторія не можетъ быть понята ни изъ природы, ни изъ человѣческаго духа, потому что какъ въ отношеніи къ природѣ, такъ въ отношеніи къ духу, она представляется чистою случайностію и даже невозможностію. Факты этой исторіи таковы,

что хотя они и вступаютъ въ обширную связь фактовъ природы и духа, но не могутъ быть выведены ни изъ наличнаго состоянія природы, ни изъ даннаго состоянія духа. Они вступаютъ въ исторію природы и духа какъ-бы 'изъ-внѣ' этой исторіи, изъ области трансцендентной по отношенію къ природѣ и духу. Но однажды вступивъ въ общую связь вещей, они не только становятся *послѣ того*, ретроспективно, доступны пониманію въ этой связи, но совершенно необходимы для объясненія какъ самой исторіи природы, такъ и исторіи духа. Такая чрезвычайная исторія, развивающаяся въ ряду чрезвычайныхъ фактовъ, возможна только въ силу трансцендентальныхъ, непонятныхъ нашему уму, дѣятельностей и потому служитъ откровеніемъ трансцендентальной области бытія, для нашего разума, помимо этой исторіи, непонятной и совершенно непредставимой. Поэтому такая исторія выдѣляется всеобщимъ сознаниемъ людей въ особый видъ исторіи, которому присвоается названіе „священной“, или даже „божественной“ исторіи. Правда, каждый народъ передаетъ эту исторію по своему, но субъективное различіе въ ея содержаніи не препятствуетъ ей быть единственной исторіей, развивающейся въ средѣ объективныхъ фактовъ сознанія и лишь различно усвояемой этимъ сознаниемъ, смотря по мѣрѣ приближенія къ объективной достовѣрности и по способности усвоенія. Такимъ образомъ, будемъ-ли мы представлять откровеніе, какъ естественную исторію, или какъ сверхъестественную и священную исторію, во всякомъ случаѣ оно осуществляется, какъ процессъ историческій, входящій въ формы нашего сознанія и подлежащій ему объективно, какъ фактъ.

104. Но естественный и сверхъестественный моменты этой исторіи представляютъ однако одну и ту-же единственную исторію откровенія и въ этомъ откровеніи объединяются. Естественное можетъ быть понято только изъ сверхъестественнаго и въ немъ, слѣдовательно, находитъ свое дѣйствительное объясненіе. Въ самомъ дѣлѣ, пусть даже въ естественной исторіи природы и духа найдены не только естественные законы и формы процесса, пусть найдены послѣднія естественныя основанія этого процесса, насколько онъ на нихъ указываетъ и

поскольку они могутъ быть найдены въ сферѣ естественныхъ фактовъ, — во всякомъ случаѣ самый фактъ существованія этихъ основаній и законовъ указываетъ на нѣкоторую высшую трансцендентальную область. Если мы возьмемъ этотъ фактъ самъ по себѣ, онъ для насъ будетъ казаться чудомъ, ибо „намъ никогда не узнать образа происхожденія всего сущаго и бытія“, замѣчаетъ Лотце. „Мы не можемъ не видѣть того, что все существующее есть чудо и навсегда останется чудомъ. Относительно этого чуда мы можемъ знать только то, что оно существуетъ, какъ фактъ; что же касается самаго способа его происхожденія, то это навсегда останется для насъ неразгаданнымъ“¹⁾. Это чудо, слѣдовательно, вѣчно будетъ указывать на трансцендентальное чудодѣйственное бытіе и можетъ получить извѣстное уразумѣніе не изъ естественной области, а изъ области чрезвычайныхъ манифестацій этого трансцендентальнаго бытія, т. е. изъ священной исторіи, вступающей чудеснымъ образомъ въ факты естественной исторіи. Съ другой стороны сама священная исторія, вступая въ область естественныхъ фактовъ, какъ фактъ, вступаетъ чрезъ то самое въ связь съ этими естественными фактами. Изъ этой связи она и можетъ быть понимаема, насколько возможно. Существованіе и развитіе этой исторіи есть чудо. Оно не можетъ быть объясняемо изъ естественныхъ фактовъ, но чудо это вступаетъ въ естественное теченіе вещей, производитъ въ немъ измѣненія и черезъ то пріобрѣтаетъ значеніе и смыслъ. Именно къ такому ретроспективному указанію смысла и разумности сверхъестественныхъ фактовъ сводится такъ называемое „доказательство необходимости“ чрезвычайныхъ откровеній. Такимъ образомъ, и естественная и сверхъестественная область такъ входятъ одна въ другую, что въ сущности представляютъ одинъ процессъ откровенія, указывающій на высшую область, отъ которой онъ и получаетъ это свое единство. Вслѣдствіе этого единства вѣтъ независимыхъ другъ отъ друга, изолированныхъ фактовъ откровенія. Всѣ они находятся между собою въ связи и одинъ указываетъ на другой. Уразумѣвать эту связь, все глубже и

¹⁾ Lotze, Medicinische Psychologie. S. 152.

глубже проникать въ нее, есть задача человѣческаго сознанія. Выполненіе этой задачи есть теоретическое усвоеніе откровенія нашимъ разумомъ. Христіанское сознаніе и наука представляютъ постепенно развивающееся выполненіе именно этой задачи.

105. Эта единственная исторія или это единственное откровеніе въ послѣдовательности времени имѣетъ нѣсколько моментовъ или послѣдовательныхъ актовъ, изъ коихъ каждый послѣдующій предполагаетъ предшествующій, какъ свое историческое условіе или принимающую его среду. Первый актъ этой исторіи есть откровеніе въ твореніи вещей, которыя открываются намъ въ непосредственномъ переживаніи нашего взаимодействія съ ними въ нашемъ собственномъ существѣ. Этотъ актъ въ свою очередь заключаетъ въ себѣ нѣсколько моментовъ, ибо существованіе вещей однихъ возможно только при существованіи другихъ. Всѣ эти моменты находятъ свое завершеніе въ твореніи человѣка. „Каждое слово творящаго Бога“, говоритъ одинъ писатель, „было только приготовленіемъ къ словамъ: сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію: и да обладаетъ онъ рыбами морскими и птицами небесными, и скотами, и всею землею, и всѣми гадами, пресмыкающимися по земли“ (Бытія I, 26). Второй актъ божественной исторіи есть откровеніе въ домостроительствѣ нашего спасенія, которое также распадается на множество моментовъ, находящихся свое завершеніе въ вочеловѣченіи Слова Божія, къ которому они служатъ приготовленіемъ. „Какъ созданіе человѣка (перваго Адама) есть заключеніе дѣла творенія“, — говоритъ тотъ-же писатель, — „такъ явленіе Сына Божія, втораго Адама, есть заключеніе и цѣль всѣхъ божественныхъ откровеній о спасеніи“ ¹⁾. Поэтому Иисусъ Христосъ, начиная проповѣдывать Евангеліе, говоритъ: исполнилось время и приблизилось царствіе Божіе (Марка, I, 15). Въ томъ-же смыслѣ говоритъ апостоль Павелъ: когда пришла полнота времени, Богъ послалъ Сына Своего Единороднаго, Который родился

¹⁾ Цит. Земная жизнь Господа Спасителя нашего Иисуса Христа, перев. Орды 1.

отъ жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконныхъ, дабы намъ получить усыновленіе (Гал. IV, 4 и 5, ср. Еф. I, 10). Третій актъ этой исторіи есть откровеніе въ освященіи или таинственномъ возрожденіи (Іоанна, III, 7, VII, 17), преобразованіи (2 Кор. III, 18), обновленіи (2 Кор. V, 17; Тит. III, 5 и 6; Еф. V, 15; Рим. VI, 4) человѣка благодатнымъ дѣйствіемъ Духа Божія, которое, будучи нѣкоторымъ новымъ твореніемъ, распространяется съ обновленія человѣка до обновленія всей твари и небесе и земли (Римл. VIII, 19, 21; 2 Петр. III, 13), пока наконецъ мы сдѣлаемся участниками божескаго естества (2 Петр. I, 4) и Богъ будетъ всяческая во всѣхъ (1 Кор. XV, 28). Завершеніе этого акта есть, слѣдовательно, единеніе со Отцемъ и Сыномъ въ Духѣ. Тогда и настанетъ полное откровеніе Святаго Духа. Откровеніе въ царствѣ славы указываетъ такимъ образомъ на откровеніе въ царствѣ благодати, а откровеніе въ царствѣ благодати—на откровеніе въ царствѣ природы. Такъ представляетъ фактъ откровенія христіанское сознаніе. Твореніе и воплощеніе Бога Слова—факты уже совершившіеся, полное прославленіе или совершенство и воссоединеніе вещей съ Богомъ есть фактъ ожидаемый, началомъ котораго служитъ освящающее дѣйствіе Духа Божія въ Церкви. Здѣсь, слѣдовательно, мы имѣемъ исторію, которая обнимаетъ прошедшее, настоящее и будущее.

106. Если мы обратимъ теперь вниманіе на взаимное отношеніе этихъ моментовъ откровенія, то мы найдемъ, что каждый послѣдующій моментъ бросаетъ свѣтъ на предыдущій и раскрываетъ его значеніе, потому что составляетъ завершеніе предыдущаго, въ которомъ онъ былъ уже предъобразованъ, какъ въ зернѣ. Въ этомъ смыслѣ каждый послѣдующій актъ откровенія открываетъ намъ болѣе, чѣмъ предыдущій. Откровеніе въ твореніи, доступное всякому разумному сознанію съ перваго появленія его на свѣтъ, при усвоеніи ведетъ и должно вести разумъ, руководимый внутреннимъ откровеніемъ, къ сознанію единаго Бога, идея о которомъ рано или поздно должна раскрыться въ сознаніи всѣхъ людей; ибо невидимое Его, вѣчная сила Его и Божество отъ созданія міра чрезъ разсматриваніе твореній видимы (Рим. I, 20), такъ что Богъ не не-

свидѣтельствована Себе остави (Дѣян. XIV, 17) въ явленіяхъ видимой природы, особенно въ явленіяхъ благодѣтельныхъ для человѣка. Къ этому откровенію прививается откровеніе въ еврейскомъ народѣ, которое за тѣмъ завершается пришествіемъ Спасителя. Но это новое откровеніе проливаетъ иной свѣтъ на предшествовавшій моментъ. Твореніе открываетъ намъ теперь уже не просто единого, всемогущаго премудраго и благаго Бога, но самую внутреннюю жизнь въ Богѣ, въ тріипостасномъ Его существѣ, ибо оно совершается всемогуществомъ Святыя Троицы: Отца, восхотѣвшаго сотворить міръ, Слова, которымъ все сотворено (Іоан. I, 3, 10) и которое держитъ все глаголомъ силы своея (Евр. I, 3; Кол. I, 16, 17), и Духомъ Божіимъ, который, носясь надъ первоначальнымъ міромъ, завершалъ дѣло Слова чрезъ поддержаніе жизни и развитія Его созданій (Быт. I, 2; Іова, 33, 4¹⁾. Съ точки зрѣнія откровенія во Христѣ открывается, что этотъ міръ потому и сотворенъ именно Сыномъ Божіимъ, что Богъ-Слово еще прежде созданія міра (πρό καταβολῆς τοῦ κόσμου) былъ уже предназначенъ въ непорочную жертву за имѣющіе совершиться грѣхи, какъ агнецъ (1 Петр. I, 19 и 20), ибо Богъ-Отецъ избралъ насъ въ Немъ прежде созданія міра, чтобы мы были святы и непорочны предъ Нимъ въ любви, предопредѣливъ усыновить насъ Себѣ чрезъ Иисуса Христа (Еф. I, 45), избралъ отъ начала (ἀπ' ἀρχῆς) ко спасенію чрезъ освященіе Духа и вѣру въ истину (2 Сол. II, 13), въ устроеніе полноты временъ, дабы все небесное и земное соединить подъ однимъ главою—Христомъ (Еф. I, 10). Но если міръ потому и сотворенъ Словомъ Божіимъ, что Слово должно было искупить его, то съ другой стороны Слово потому и стало плотію и обитало съ нами (Іоан. I, 14) и искупило міръ, что именно вся тѣмъ быша (Іоан. I, 3). „Воля Тріединого создать міръ и Его воля искупить міръ и завершить путемъ искупленія, говоритъ одинъ отечественный пи-

¹⁾ *Василій Великій*, Твор. III, стр. 288, о Св. Духѣ въ Амфилохію гл. 16: „въ твореніи - же ихъ представляй первоначальную причину (προκαταρτικῆ αἰτία) — Отца, и причину зиждительную (δημιουργική) — Сына и причину совершительную (τελειωτική) — Духа... Посему представляй Трехъ, — повелѣвающаго Господа, создающее Слово и утверждающаго Духа“.

сатель, — это двойкая, но вѣчно единичная воля“¹⁾. Таже единая воля проявляетъ себя и въ завершающемъ дѣлѣ освященія. Сынъ Божій, совершивъ искупленіе и положивъ основаніе Церкви, поставилъ Себя ея главою, пребывающею съ нею во вѣки (Мѡ. XXVIII, 20), но для довершенія дѣла спасенія послалъ Духа Своего (1, Іоан. IV, 13), отъ Отца исходящаго (Іоан. XV, 26), который преобразуя существо людей, ищущихъ такого возрожденія, научаетъ ихъ на всякую истину, ибо онъ есть Духъ истины (Іоан. XVI, 13). Этотъ новый актъ откровенія бросаетъ новый свѣтъ на предшествовавшіе моменты. Дѣятельность Духа въ Церкви Божіей не только сама составляетъ откровеніе, но и ведетъ къ усвоенію въ жизни и въ разумѣ божественной жизни, открывающейся все полнѣе и полнѣе, по мѣрѣ преобразованія нашего существа. Такое постепенное усвоеніе въ самое существо наше божественнаго дѣйствія возвращаетъ насъ въ мѣру возраста исполненія Христова (Еф. IV, 13), сопровождаясь переходомъ отъ вѣры въ вѣру (Рим. I, 17; XII, 3, 6), отъ званія къ знанію, пока наконецъ всѣ преобразимся и измѣнимся такъ, что откроется жизнь сокровенная въ Богѣ (Кол. III, 3), когда мы будемъ видѣть не сквозь тусклое стекло, гадательно, но лицомъ къ лицу (1 Кор. XIII, 12) и узримъ Его, якоже есть (1 Іоан. III, 2), потому что будемъ причастниками божескаго естества и едино съ Богомъ (Іоан. XVII, 23). Такое полное откровеніе Божества будетъ сопровождаться уразумѣніемъ всего того, чего теперь мы не понимаемъ въ планахъ и дѣятельности Божества. Тогда откроется намъ, слѣдовательно, слава Божія въ нашемъ собственномъ прославленіи и преобразованіи тварей. Поэтому-то Апостоль (2 Кор. III, 18) и говоритъ, что теперь мы всѣ открытымъ лицомъ взирая на славу Господню, какъ въ зеркалѣ (*κατοπτρισόμενοι*), преобразуемся въ тотъ-же образъ, отъ славы въ славу, какъ надлежитъ быть по дѣйствию Духа Господня (*καθάπερ ἀπό Κυρίου Πνεύματος*²⁾). Поэтому-то и дѣятельность Духа Святаго стоитъ въ зависимости

¹⁾ Професс. Сергіевскій: Аполог. чтеніе, стр. 99.

²⁾ Филаретъ, Догмат. Богосл. § 222, I, 175.

отъ прославленія Іисуса Христа (Іоан VII, 39). Такимъ образомъ мы видимъ, что откровеніе въ природѣ проясняется откровеніемъ во Христѣ, а откровеніе во Христѣ проясняется откровеніемъ въ Святомъ Духѣ. Царство природы проясняется изъ царства благодати, а царство благодати уяснится вполнѣ въ царствѣ славы. Мы пока находимся только въ процессѣ осуществленія этого откровенія.

107. Изъ этого указанія различныхъ моментовъ откровенія и ихъ взаимнаго отношенія мы видимъ, что оно выражается въ связи вещей различнымъ образомъ: иной образъ откровенія Отца, иной—Сына и иной Святаго Духа. Эти образы откровенія (τρόποι ἀποκαλύψεως) основываются на различномъ дѣйствіи Тріединого Божества въ его отношеніи къ тварямъ, а потому указываютъ на высшее трансцендентное различіе въ самой природѣ Божества, во внутренней жизни Божіей. Это внутреннее различіе не есть только различіе въ дѣйствіи, но есть различіе въ образѣ самаго Божественнаго бытія, ибо различное дѣйствіе имѣетъ здѣсь свое основаніе именно въ такомъ различіи въ образѣ бытія (τρόπος ὑπάρξεως). Но центральнымъ пунктомъ въ откровеніи этой внутренней трансцендентной жизни Божіей и Божественнаго бытія, очевидно, служитъ Божественное Слово, вторая вѣпостась этого Божественнаго бытія, ибо способъ откровенія Отца и способъ откровенія Духа опосредствованы способомъ откровенія въ Сынѣ. Бога не видалъ никто никогда, Единородный Сынъ, Суцій въ вѣдрѣ Отчемъ, Онъ явилъ (Іоан. I, 18). Все предано мнѣ Отцемъ Моимъ, говоритъ Іисусъ Христосъ, и никто не знаетъ Сына, кромѣ Отца; и Отца не знаетъ никто, кромѣ Сына и кому Сынъ хочетъ открыть (Мѣ. XI, 27). Когда-же придетъ Утѣшитель, котораго я пошлю вамъ отъ Отца, Духъ истины, который отъ Отца исходитъ; Онъ будетъ свидѣтельствовать о Мнѣ (Іоан. XV, 26). Такимъ образомъ Сынъ Божій является посредникомъ, открывающимъ Отца и посылающимъ Св. Духа. Черезъ Него, слѣдовательно, открывается для людей сокровенная тайна Тріевѣпостасной Божественной жизни. Въ этомъ посредствѣ Онъ не только открываетъ эту жизнь для людей, но и ихъ возводитъ къ этой жизни, вслѣдствіе чего Онъ говоритъ о Себѣ, что

Онъ есть путь, истина и жизнь, что никто не можетъ придти къ Отцу иначе, какъ чрезъ Него (Іоан. XIV, 6), ибо единъ Богъ, единъ и посредникъ между Богомъ и человѣками, человѣкъ Христосъ Іисусъ, предавшій Себя для искупленія всѣхъ (1 Тимое. II, 5), вслѣдствіе чего чрезъ Него мы имѣемъ доступъ къ Отцу въ одномъ Духѣ (Еф. II, 18). Въ Немъ мы имѣемъ дерзновеніе и надежный доступъ именно чрезъ вѣру въ Него (Еф. III, 12), ибо вѣрующимъ во имя Его Онъ далъ власть быть чадами Божиими (Іоан. I, 12). Такимъ образомъ въ лицѣ Іисуса Христа сосредоточивается не только снисхождающее отношеніе Бога къ человѣку, но и отношеніе человѣка къ Богу, чрезъ вѣру во Христа. Вслѣдствіе этого откровеніе, сосредоточиваясь во Христѣ, сосредоточивается въ средѣ вѣрующихъ во Христа, т. е. въ христіанствѣ. Конечно, откровеніе есть процессъ, обнимающій собою все существующее, ибо Господу Іисусу дадеся всякая власть на небеси и на земли (Мѡ. XXVIII, 18), ибо Евангеліе дано всей твари (Мар. XVI, 15), но онъ концентрируется именно чрезъ посредство Іисуса Христа въ христіанской Церкви, основанной Имъ, искупленной Имъ Своею кровію (Еф. V, 25), въ которой Онъ пребываетъ до скончанія вѣка (Мѡ. XXVIII, 20).

108. Дѣйствительно христіанская Церковь во внутреннемъ существѣ своемъ фактически переживаетъ этотъ процессъ, ибо и возникла вслѣдствіе этого процесса. Фактическое присутствіе Духа Божія, свидѣтельствующее сознанию каждаго истинно вѣрующаго (1 Іоан. V, 10) члена Церкви о томъ, что мы чада Божіи (Римл. VIII, 16), и проявляющее себя въ сознаниі всей Церкви, какъ объ этомъ засвидѣтельствовали отцы соборовъ въ формулѣ своихъ опредѣленій: изволися Духу Святому и намъ (Дѣян. XV, 28),—это фактическое присутствіе Духа Божія имѣетъ начало со времени сошествія, которое пережито Церковію, какъ исторически засвидѣтельствованное событіе (Дѣян. II, 1—4). Основаніе Церкви Божіей, какъ царства благодати, Господомъ Іисусомъ Христомъ опять есть событіе, о которомъ свидѣлствуетъ не только внутреннее свидѣтельство, какое имѣетъ въ себѣ всякій истинно вѣрующій (1 Іоан. V, 10) въ Сына Божія, но которое пережито, какъ событіе историче-

ское. О томъ, что было отъ начала, говоритъ апостолъ Іоаннъ, что мы слышали, что видѣли своими очами, что разсматривали, и что осязали руки наши, о Словѣ жизни—возвѣщаемъ вамъ (1 Іоан. I, 1—3). Событіе это переживала не только основываемая Церковь, но и все человѣчество, такъ что тогда же образованные представители этого человѣчества: евреи въ Талмудѣ ¹⁾, представители греческой образованности, въ лицѣ Іосифа Флавія ²⁾, и римляне въ лицѣ лучшихъ историковъ Тацита ³⁾, Светонія ⁴⁾ и Плинія ⁵⁾, засвидѣтельствовали о лицѣ Основателя Церкви. Но эти событія откровенія, переживаемыя и пережитыя Церковію, составляютъ только продолженіе другихъ событій, какія они предполагаютъ. Самъ Іисусъ Христосъ говоритъ, что Онъ пришелъ не разорить законъ іудейскій, но исполнить (Мѡ. V, 17), что Онъ тотъ, кого ожидали и о комъ говорили пророки (Луки XXIV, 25), что, слѣдовательно, исторія, пережитая еврейскимъ народомъ, указывала единственно на Него. Но и іудейская исторія служила только продолженіемъ и спутникомъ болѣе обширной исторіи приготовленія всего рода человѣческаго къ принятію Искупителя, потому что Искупитель былъ не только славою Израиля, но и свѣтомъ во от-

¹⁾ *Санхедринъ*, fol. 43: „Іисусъ былъ повѣшенъ за то, что занимался волшебствомъ, развращалъ народъ и склонялъ его къ новой религіи...“ Подробнѣе см. у *Геттингера*, Апологія Христіанства II, 140—141.

²⁾ *Древн. Іудейск.* XVIII, 3. 3: „Въ то время жилъ Іисусъ, мудрый человѣкъ, если только можно назвать его человѣкомъ; онъ творилъ необыкновенныя дѣла и училъ людей, съ радостію слушавшихъ истину. У него было много учениковъ изъ іудеевъ и эллиновъ. Это былъ Христосъ. Пилать велѣлъ распять его, потому что онъ былъ обвиненъ начальниками нашего народа; но это не помѣшало ученикамъ любить его по прежнему. Чрезъ три дня послѣ своей смерти онъ явился къ нимъ живой, какъ это было предсказано пророками, предсказавшими и многія другія чудеса. И теперь еще существуетъ племя, названное по его имени христіанами“. На это мѣсто ссылаются: *Евсевій*, Ц. И. I. 17; *Созоменъ*, Ц. И. I, 1; *Исидоръ Пелусіотъ*, пис. 225, и *Руфинъ*, Ц. И. III, 11, *Геттингера*, II, 139.

³⁾ *Annales XV*, 44: „Винovníкъ этого имени (христіанъ) Христосъ, который, въ царствованіе Тиверія, былъ казненъ прокураторомъ Понтіемъ Пилатомъ. Суевѣріе ихъ, подавленное на время, снова выступило съ силою не только въ Іудеѣ, источникѣ этого зла, но даже и въ Римѣ“.

⁴⁾ *Vita Claud.* 25. Клавдіи „изгналъ изъ Рима Іудеевъ, возмущенныхъ Христомъ“.

⁵⁾ *Plinii Secundi. Epist. X*, 97.

кровеніе (φῶς εἰς ἀποκάλυψιν) язычниковъ (Лук. II, 32). Этотъ свѣтъ былъ и свѣтилъ раньше Авраама (Іоан. VIII, 58), потому что Онъ просвѣщалъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, ибо Онъ въ мірѣ былъ и міръ произошелъ чрезъ Него (Іоан. I, 9, 10). Онъ былъ возлюбленъ Отцемъ Своимъ славою еще до сложенія міра (Іоан. XVII, 24). Такимъ образомъ, процессъ откровенія, начавшійся еще въ трансцендентной области внутренней жизни Божества, продолжавшійся въ твореніи и жизни міра (Дѣян. XIV, 17), развивавшійся въ исторіи людей (Дѣян. XVII, 2, 26, 27) и еврейскаго народа, достигшій высшаго выраженія въ воплощеніи Иисуса Христа (Евр. I, 1), въ Которомъ обитала вся полнота Божества тѣлесно (Кол. II, 9), сконцентрировался, наконецъ, въ жизни Церкви, Имъ основанной, чтобы потомъ опять распространиться на всю вселенную.

109. Итакъ мы видимъ, что христіанство, какъ центральный пунктъ въ развитіи откровенія, вмѣщающій въ себѣ его прошедшую исторію и указаніе на будущее, сосредоточивается въ жизни Христовой Церкви. Жизнь Церкви есть фактъ, внутренний фактъ, въ самой Церкви. Поэтому онъ долженъ отражаться въ сознаниіи и самосознаниіи Церкви, вступая какъ фактъ въ различныя формы познающаго духа. Это воспріятіе въ познаніе можетъ имѣть различныя степени глубины, смотря по тому, какъ оно усваивается сознаниемъ. Сознаніе можетъ быть направлено или къ простому воспріятію событій въ Церкви, или-же къ уразумѣнію ихъ, къ тому, чтобы дать себѣ въ нихъ отчетъ и понять ихъ значеніе, или-же, наконецъ, къ выясненію тѣхъ требованій, къ выполненію которыхъ обязываетъ такое или иное уразумѣніе этихъ событій. Въ первомъ случаѣ получается исторія, во второмъ—ученіе, въ третьемъ—практической элементъ. Въ сознаниіи Церкви возникаетъ, слѣдовательно, цѣлое міросозерцаніе, обнимающее собою всѣ стороны христіанской жизни. Такъ какъ корень этого міросозерцанія, изъ котораго оно вырастаетъ и на которомъ оно основывается, есть исторія самой Церкви, то оно представляетъ собою ничто иное, какъ именно историческое міровоззрѣніе въ самомъ высшемъ смыслѣ. Но такъ какъ исторія Церкви развивается въ исторіи человѣчества, а исторія человѣчества въ исторіи міра, то это ис-

торическое міровоззрѣніе обнимаетъ собою не только исторію Церкви въ тѣсномъ смыслѣ, но и исторію Церкви въ смыслѣ универсальномъ, т. е. и исторію человечества, и исторію міра, и трансцендентное условіе этой исторіи въ самой жизни Божіей. Христіанское богословіе, представляющее принципы этого универсальнаго міровоззрѣнія, основаннаго на фактахъ откровенной исторіи, концентрировавшихся въ исторіи Церкви, въ сущности ничего инаго не представляетъ, какъ эту высшую универсальную исторію, какъ исторію откровенія, поскольку эта исторія имѣетъ свое основаніе въ существѣ Божіемъ. Такимъ образомъ христіанство прежде всего есть фактъ, и только во-вторыхъ, слѣдовательно, производнымъ образомъ, оно есть ученіе или доктрина, и доктрина именно объ этомъ фактѣ. Кто хочетъ постигнуть истинный смыслъ этого міровоззрѣнія, тотъ долженъ прежде всего пережить въ себѣ фактически, т. е. осуществить въ себѣ процессъ совершающійся въ Церкви, т. е. въ откровеніи Духа Божія, долженъ воспринять въ себя эту открывающуюся жизнь Церкви (1 Іоан. V, 11—13), стать дѣятельнымъ членомъ въ событіяхъ Церкви, въ нѣкоторомъ родѣ историческимъ лицомъ въ ней,—и тогда онъ пойметъ настоящимъ образомъ христіанское міровоззрѣніе. Какъ глазъ долженъ пережить въ себѣ цвѣтотворныя ощущенія, чтобы мы имѣли понятіе о цвѣтахъ, какъ сердце должно испытать чувство любви, чтобы мы истинно поняли, что такое любовь, такъ цѣлое существо наше должно осуществить въ себѣ историческій процессъ жизни въ Церкви подъ дѣйствіемъ Духа Божія, чтобы понять, что такое божественное откровеніе и основанное на немъ міровоззрѣніе. Поэтому Спаситель говоритъ: кто хочетъ творить волю Его, тотъ узнаетъ о семъ ученіи, отъ Бога ли то, или Я Самъ отъ Себя говорю (Іоан. VII, 17). Поэтому Самъ Спаситель сначала началъ творить волю посланшаго Его, а потомъ учить (Луки XXIV, 19; Дѣян. I, 1). На этомъ основаніи Златоустъ называетъ христіанство истинною дѣлѣю (*πραγμάτων ἀλήθεια*), а не истинною какихъ-нибудь философскихъ попятій, которыя онъ сравниваетъ съ дѣтскою забавою ¹⁾ Поэтому-то ученіе откоро-

¹⁾ *Беседы на Мѡ.* 1. 5. *Montf.* VII, 14. *Ср. Clement. Alex. Strom.* VII, 17. *Иустинъ, Разс. съ Триф.* 7 русск. 155 стр.

венія и развивалось въ связи съ фактами откровенія. Но это христіанское міровоззрѣніе, основываясь на фактахъ, само становится фактомъ, когда передается отъ поколѣнія къ поколѣнію, или представляется, какъ готовое и въ извѣстной мѣрѣ сформированное, простому непосредственному сознанію отдѣльной личности, которая такъ или иначе должна его усвоить. Такимъ образомъ въ христіанствѣ все имѣетъ достоинство факта: и осуществляющееся въ немъ откровеніе, и развивающееся въ связи съ этимъ осуществленіемъ, основанное на немъ, міровоззрѣніе или ученіе. И таково оно въ каждый моментъ своего существованія и развитія.

110. Въ этомъ именно пунктѣ христіанское откровеніе вступаетъ въ отношеніе къ разуму и разумъ къ откровенію. Очевидно, что это отношеніе двоякое: или непосредственное къ самимъ фактамъ откровенія, или посредственное, чрезъ традиціонное міровоззрѣніе Церкви, которое съ одной стороны свидѣтельствуетъ о фактахъ давно минувшихъ, а съ другой представляетъ ихъ въ извѣстномъ освѣщеніи и въ извѣстной обработкѣ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ задача разума усвоить себѣ, т. е. пережить или перемыслить въ своихъ формахъ, ему присущихъ, то, что онъ въ этомъ случаѣ усваиваетъ себѣ пока просто только какъ объективный фактъ, непосредственно созерцаемый, или традиціонный фактъ, къ которому онъ не высказалъ еще своего отношенія, какъ разумъ, на основаніи своихъ собственныхъ формальныхъ принциповъ. Съ другой стороны задача откровенія, по отношенію ко всему человѣческому естеству вообще и въ частности къ разуму, состоитъ въ томъ, чтобы преобразовать какъ все существо человѣка, такъ и разумъ. Царствіе Божіе уподобляется не только зерну горчичному, которое, вырастая въ большое дерево, обнимаетъ, наконецъ, весь міръ (Мѡ. XIII, 31; Марк. IV, 30; Луки XIII, 18), но и закваскѣ, которая, будучи положена въ тѣсто, всквашиваетъ, т. е. перерабатываетъ все смѣшеніе (Мѡ. XIII, 33; Лук. XIII, 20). Съ одной стороны разумъ долженъ воспринять въ свои формы и построительныя проэкціи предлагаемое ему содержаніе, чтобы выразить его въ своихъ представленіяхъ, понятіяхъ и идеяхъ; съ другой стороны предлагаемое

содержаніе должно видоизмѣнить и преобразовать его проэкціи, представленія, понятія и идеи, чтобы сдѣлать ихъ сообразными съ собою, удобовмѣщающими въ себѣ предлагаемое реальное содержаніе. Съ одной стороны разумъ долженъ возрастать въ познаніи Бога и Христа Иисуса, Господа нашего (2 Петр. I, 2; III, 18; Кол. I, 10), то есть усовершенствоваться въ усвоеніи откровенія; съ другой—разумъ долженъ обновляться въ содержаніи, преобразоваться въ познаніи (Кол. III, 10; Римл XII, 2; Ефес. IV, 23). Такое взаимоотношеніе и взаимодѣйствіе должно вести къ тому, чтобы разумъ, углубляясь въ уразумѣніе откровенія, отъ силы переходя въ силу, воспринимая его въ себя, имѣя Бога въ разумѣ (Римл. I, 28), покорился наконецъ вѣрѣ (Дѣян. VI, 7) и благовѣствованію (2 Сол. I, 8), сталъ послушенъ тому образу ученія, которому предалъ себя (Римл. VI, 17). Только такимъ образомъ открывается для разума возможность не увлекаться философіею и пустымъ обольщеніемъ по преданію человѣческому и стихіямъ міра, а образовать философію по Христу, въ Которомъ обитала вся полнота Божества тѣлесно (Кол. II, 8), которая можетъ дать всякое богатство совершеннаго разумѣнія и познанія тайны Бога и Отца и Христа, въ Которомъ сокрыты всѣ сокровища премудрости и вѣдѣнія (Кол. II, 2, 3)

111. Но становясь въ извѣстныя отношенія къ откровенію, разумъ однако никогда не представляетъ пустой способности познанія, ибо такая познавательная способность, которая не наполнена никакимъ познавіемъ, есть только абстракція и потому существуетъ только въ понятіи самага-же разума. Въ дѣйствительности-же разумъ всегда находится въ извѣстномъ конкретномъ состояніи и бываетъ болѣе или менѣе богатъ различными представленіями, понятіями и идеями. Въ такомъ положеніи былъ и древній разумъ, когда появилось на землѣ христіанство и вступило къ нему въ отношеніе. Когда Господь нашъ Иисусъ Христосъ началъ творить и учить и когда Апостолы понесли проповѣдь о Немъ во всѣ концы тогдашней вселенной, *orbis terrarum*, т. е. римской имперіи, греко-римскій міръ пережилъ уже цѣлый циклъ философскаго развитія, которое, конечно, дало образованнымъ людямъ тогдашняго вре-

мени, даже въ философскихъ кругахъ, громадный запасъ понятій, такъ или иначе переплетавшихся между собою въ тогдашнемъ міросозерцаніи. Греческая философія вступила въ то время въ послѣдній періодъ своего самостоятельнаго развитія. Этотъ послѣдній періодъ представлялъ собою такое завершеніе этого развитія, которое включало въ свой составъ все содержаніе этого развитія отъ начала до конца. Возрѣнія Ксенофана и Парменида, Гераклита и Анаксагора, Сократа и Платона, Аристотеля и стоиковъ были приняты въ грандіозныя системы Александрійской философіи въ качествѣ моментовъ этихъ самыхъ системъ, потому, что принципъ, положенный въ основу этихъ системъ, открывалъ къ тому полную возможность (какъ у Гегеля). Здѣсь, слѣдовательно, суммировались всѣ прежнія философскія понятія, принимая ту или другую окраску, сообразно духу системы. Подобную суммацию, или, какъ обыкновенно говорятъ, синкретизмъ ¹⁾ философскихъ понятій мы находимъ особенно у позднѣйшихъ стоиковъ, платонизирующихъ синкретистовъ, въ родѣ Плутарха, у неопифагорейцевъ, у философствующихъ іудеевъ и неоплатониковъ. Довольно стройныя системы при такихъ условіяхъ развиты: Филономъ старшимъ, современникомъ Іисуса Христа, который, говорятъ, видѣлся въ Римѣ съ Апостоломъ Петромъ, какъ объ этомъ передаетъ Евсевій ²⁾, затѣмъ Нуменіемъ изъ Анамеи, котораго изучалъ Оригенъ (христіанинъ), по свидѣтельству Порфирія ³⁾, и который оказывалъ очень сильное вліяніе на Плотина, подвергавшагося даже упрекамъ въ слишкомъ рабскомъ слѣдованіи этому философу ⁴⁾. Порфирій былъ современникомъ Евсевія ⁵⁾, а Прокль (411—485) почти на два столѣтія жилъ раньше Максима Исповѣдника (580—662).

Такимъ образомъ умъ образованнаго общества древняго греко-римскаго міра, ко времени вступленія христіанства въ міръ и

¹⁾ Отъ συκρητισμός, сражаться по-критски, соединяться, слово употребленное Плутархомъ въ приложеніи къ философіи.

²⁾ *Евсевій*, Церк. И. II, 17.

³⁾ У *Евсевія* Ц. И, VI, 19.

⁴⁾ Bouillett, I, 17. Ueberweg, I, 293, изд. 1880.

⁵⁾ *Евсевій*, Ц. И. VI, 19.

его распространенія, оперировалъ уже цѣлою массою философскихъ понятій. Поэтому, приступая къ усвоиванію христіанскаго откровенія, разумъ не могъ избѣжать употребленія этихъ понятій. Обращаясь къ разуму, христіанство обращалось именно къ этимъ понятіямъ, въ которыя оно должно было быть воспринято и которыя само оно должно было преобразовать. И мы, дѣйствительно, видимъ, что уже съ самыхъ первыхъ попытокъ философскаго отношенія къ усвоенію христіанскаго откровенія, начиная съ Іустина философа и до самыхъ развитыхъ схоластическихъ системъ, оканчивая паденіемъ схоластики, христіанская наука и философія ничего иного не дѣлаютъ, какъ прилагаютъ философскія понятія рациональнаго древняго міросозерцанія къ усвоенію христіанства, поскольку оно въ эти понятія могло быть вмѣщено.

112. Это приложеніе философскихъ понятій, выработанныхъ греческою мыслью, имѣетъ цѣлую исторію и заслуживаетъ спеціальнаго изслѣдованія, которое можетъ внести много свѣта какъ въ исторію христіанской философіи, такъ и богословія до самой эпохи возрожденія. Это изслѣдованіе однако не входитъ въ мою задачу и потому я ограничусь только лишь указаніемъ главнѣйшихъ донятій и терминовъ, заимствованныхъ отцами и учителями Церкви изъ сферы греческаго философскаго міровоззрѣнія, какъ оно сформировалось въ послѣднюю эпоху своего развитія. Само собою разумѣется, что космологическія и психологическія понятія отцевъ представляютъ прямыя заимствованія изъ Платона, Аристотеля, стоиковъ и неоплатониковъ. Представленія небесныхъ круговъ, ученіе о стихіяхъ, даже ученіе о веществѣ, — все это выражалось въ терминахъ тогдашней философіи, какъ можно видѣть изъ космологическихъ воззрѣній апологетовъ ¹⁾, святаго Василія Великаго въ его бесѣдахъ на Шестодневъ и Іоанна Дамаскина во второй книгѣ „Точнаго изложенія православной вѣры“. Психологическія понятія заимствовались: во-первыхъ, у стоиковъ при дѣленіи душевныхъ способностей на восемь частей:

¹⁾ См. Wilhelm Möller, Geschichte der Kosmologie in der griechischen Kirche bis auf Origenes. 1860. S. 112—188.

пять чувствъ, способность рожденія, способность рѣчи и господствующее начало (ἡγεμόνηκον), подъ которымъ обыкновенно разумѣлся разумъ (νοῦς или λογιστικόν); во-вторыхъ, у Платона въ дѣленіи души на душу разумную (ψυχὴ λογική), т. е. разумъ (νοῦς), и неразумную (ψυχὴ ἄλογος), т. е. гнѣвную силу духа (θυμώιδες) и раздражительную (ἐπιθυμητικόν), и въ дѣленіи человѣка на три части: тѣло, душу и духъ (1 Тессал. V, 23); въ третьихъ, у Аристотеля въ дѣленіи души на растительную или питающую (ψυχὴ или δύναμις θρεπτική), ощущающую (αἰσθητική) и разумную (νοῦς) и, наконецъ, въ-четвертыхъ, у Плотина, который развилъ очень подробную психологію изъ всѣхъ этихъ психологій: во-первыхъ жизнь растительная включаетъ въ себѣ способности (δυνάμεις): 1) питательную и производительную, 2) страдательную или внѣшняго ощущенія, 3) пожелательную и гнѣвную; во-вторыхъ, жизнь ощущающая содержитъ: 1) внутреннее ощущеніе, 2) чувственное воображеніе и 3) чувственную память; въ-третьихъ, жизнь разсудочная (διανοία) содержитъ: 1) мнѣніе, 2) разсудокъ, 3) интеллектуальное воображеніе, 4) интеллектуальную память и 5) волю; въ четвертыхъ жизнь разумная (νοῦς) содержитъ: 1) непосредственное созерцаніе (θεωρία) и 2) любовь или стремленіе къ благу ¹⁾. Многіе отцы держались нѣсколькихъ изъ этихъ классификацій, а нѣкоторые всѣхъ. Такъ Климентъ Александрійскій ²⁾ держится стоической психологіи и платоновой. Іустинъ ³⁾, Татіанъ ⁴⁾, Аѣннагоръ, Кассіанъ и Оригенъ ⁵⁾ держатся болѣе Платона. Къ платоновскому ученію склоняется и Григорій Богословъ. Григорій Нисскій держится Платона, стоиковъ и Аристотеля. Лактанцій держался, повидимому, стоическихъ понятій. Августинъ многимъ обязанъ Плотину ⁶⁾, котораго онъ читалъ въ переводѣ Викторина. Немезій и за нимъ Іоаннъ

¹⁾ Bouillet. Enneades de Plotin II p. 567 и сл.

²⁾ Denis, p. 223 и слѣд. De la philosophie d'Origène. Paris. 1884.

³⁾ О воскр. 10, 123.

⁴⁾ Ad Ellin. 13.

⁵⁾ Denis 229 и слѣд.

⁶⁾ Siebeck. I, 2; 370—1, 381. Geschichte der Psychologie. 1884.

Дамаскинъ держатся всѣхъ возрѣній (не безъ вліянія какогонибудь изъ неоплатониковъ) какъ въ психологіи, такъ и антропологіи. Въ приложеніи къ богословію для нашей цѣли достаточно указать на приложеніе слѣдующихъ, напримѣръ, понятій для выраженія бытія Божія: *ὁ ὄν, ὅν* сущее, сый, *ἀσύνθετος*, несложный, *ἀνείδεος* безвидный ¹⁾; *ἀγένητος*, непроиспедный, у Теофила Антиохійскаго, у Оригена, у Діонисія Александрійскаго, у Іоанна Дамаскина и др.; *οὐρανῶς*, неизмѣнно и *ἀγένητος* верожденный; *οὐσία*, сущность; *φύσις*, природа; *αἰτία*, *αἴτιος*, причина, какъ у Златоуста, Григорія Богослова, Дамаскина и другихъ; *ἀναίτιος*, безпричинный у Афанасія Александрійскаго, у Дамаскина ²⁾; *δημιουργός*, устроитель (Евр. XI, 10), у Татіана, Иринея и др.; *ποιητής*, творецъ, *ἀρχή*, начало, принципъ, у Іустина ³⁾, Татіана (5), Теофила Антиохійскаго (II, 10), у Климента ⁴⁾, у Григорія Богослова ⁵⁾ и др.; *ὑπερούσιος*, пресущественный, у Діонисія Ареопагита, у Дамаскина (1, 8) и друг. ⁶⁾. Сюда вообще нужно отнести всѣ понятія, которыми выражается существо Божіе и которыя однако указываютъ на его непостижимость и трансцендентность, какъ по отношенію къ міру, такъ и по отношенію къ знанію, какъ, напримѣръ, *ἀνόητος* = *ὑπερνόητος*, неуразумѣваемый, превышающій разумъ, у Діонисія Ареопагита, у Максима Исповѣдника ⁷⁾, или *ὑπὲρ λόγον*, невыразимое, у Григорія Богослова ⁸⁾. Для выраженія жизни Божіей употребляются понятія ума (*νοῦς*), мысли (*φρόνισις*), напримѣръ у Теофила (I, 3), Иринея (II, 17, 7), Климента ⁹⁾ и другихъ; *ἀγαθότης*, благодѣтельность (см. у Филона); *ὑπεραγαθός*, преблагій, какъ,

¹⁾ Употребл. у Плотина и Θεοδορίτου. Еп. VI, 9, 3; 7, 17.

²⁾ Излож. правосл. вѣры. I, 8. Терминъ употребляемый и Прокломъ, Plat. Theol. III, s. 101 и слѣд. in Parm. VI, 87; in Tim. 110. Ueberweg. I, 309.

³⁾ Съ Тряф. 61.

⁴⁾ Strom. VII, 1. V, 1.

⁵⁾ Приб. къ Твор. св. отецъ 1885, II, 566.

⁶⁾ Терминъ ведетъ начало отъ Платона, Респ. VI, 502.

⁷⁾ Приб. къ Твор. св. отецъ 1885, II, 548.

⁸⁾ Orat. XIII, p. 209.

⁹⁾ Strom. V, 3. M. VIII, 32.

напримѣръ, у Діонисія Ареопагита ¹⁾, и другіе термины, заимствованные изъ психологической области. Въ ученіи о пресвятой Троицѣ употреблялись термины: *μονας*, *ἕνας*, единица; *τρίας*, троица, въ первый разъ у Теофила Антиохійскаго (II, 15) затѣмъ у Климента ²⁾, въ исповѣданіи вѣры Григорія Неокесарійскаго, Оригена (in Numer, 13); *ὄπαρξις*, *τρόπος ὄπαρξεως*, существованіе, образъ бытія (нахожденія), у Григорія Богослова (ог. XII, 204), у Дамаскина (I, 10; III, 5), въ символѣ кесарійской церкви (Socrat. H. E. I, 8), у Аѳанасія (о Троицѣ, діал. 1), у Василия Великаго (Ер. 43) и др.; *ἰδιότης*, особенность; *ὀπόστασις* = *suppositum*, существенность. Упостась, у Татіана (*ὀπόστασις τοῦ παντός*, v), у Григорія Неокесарійскаго ³⁾, Василия Великаго (Ер. 214, 3; 236, 6), Григорія Богослова ⁴⁾, Аѳанасія Александрійскаго (Thomus ad. Antioch. 5, 6), Августина (De Trinit. VII, 4 — 6), Дамаскина (III, 3, 4, 5, 6) и др.; *ὀποκείμενον*, субъектъ (Васил. вел. Ер. 9); *δύναμις*, *potentia*, возможность, сила, особенно въ приложеніи къ Сыну Божію, у Иустина (съ Триф. 122), Татіана (5), Климента (Strom. VII, 2. col. 412), Ипполита (adv. Noët. e. 8, 11), Оригена (de princ. I, 35), Григорія Неокесарійскаго, Дамаскина (1, 12) и др. ⁵⁾. Въ частности къ первой Упостаси: *πατήρ*, отецъ, *ρίζα*, корень, *πηγή*, источникъ и другія; ко второй Упостаси прилагаются понятія: *ὀιός τοῦ Θεοῦ*, Сынъ Божій; *λόγος σεμνο*, слово (у Иустина и Филона); *δύναμις λογική*, логическая, разумная сила, у Иустина (съ Триф. 61); *λόγος σπερματικός*, сѣмя слова или слово въ сѣмени, у Иустина (Apol. ⁶⁾); *λόγος ἐνδιαθετός καί προφορικός*, слово внутреннее, и произнесенное, у Теофила Антиохійскаго (II, 22, 24), Тертулліана (пр.

¹⁾ У Плотина, Епн. VI, 9. 6.

²⁾ Strom. V, 2. Термины пифагорейскій и неопифагорейскій; у Плотина Епн. VI, 7, 16. *ἀριθμός οὐσιώδης*.

³⁾ См. Васил. Вел. Ер. 210, 5.

⁴⁾ Похв. слово Аѳ. II, 210. ог. 31, 35. Терминъ попадаетъ въ сомнительномъ соч. Аристотеля de mundo 4, и разъясняется у Псевдо-Плутарха de placit. 4 5.

⁵⁾ Терминъ употребл. у Филона.

⁶⁾ Понятіе стояческое и филоновское.

Праксеа 5), у Дамаскина (I, 13; II, 21 ¹); Λόγος *divisor.*, слово дѣлящее, у Амвросія (in Exod. c. 24 ²); ἐνεργεία, дѣйственность, actus, у Аѳинагора (10) и др.; ἰδέα, ἰδέα ἰδέων, идея, идея идей, у Аѳинагора (10), у Климента (ἡ ἰδέα ἐνώημα τοῦ Θεοῦ ³), у Оригена (contr. Cels. V, 22. VI, 64); εἰκών, образъ (2 Кор. IV, 4; Кол. I, 15); ὄργανον, орудіе (у Клим. cogort. I, col. 60 у Миня); σφραγίς, печать, у Григорія Богослова (Твор. III, стр. 71, о Богосл. III ⁴); φῶς, свѣтъ (Іоан. I, 8), у Климента (Strom. VII, 2), Ипполита (cont. Noët. 11), у Григорія Богослова (о Богосл. 4) и др.; ἀνατολή, востокъ ⁵); πρωτότοκος = πρωτόγονος, первородный (Кол. I, 15; Евр. I, 6; Римл. VIII, 29), у Иустина (съ Триф. 84), Татиана, Климента и др.; ἀπαύγασμα, сіяніе (Васил. Вел. прот. Евн. I, 20); ἀπόρροια, истечение, у Θεогноста ⁶). Понятіе вѣчнаго рожденія — понятіе тоже употреблявшееся въ философіи, какъ напр., у Плотина (γεγενήσεαι αἰδίῳ ⁷). Сошествіе (κατάβασις, Іоан. VI, 41, 50) на землю выражалось философскимъ понятіемъ: παρούσια, присутствіе, пришествіе, напр. (2, Петра II, 10) у Иустина (Apol. I, 52; у М. VI, 404; съ Триф. 141), у Климента (Strom. VI, 277), у Аванасія (пр. Аріанъ III, 35; ed. Montf. 585, de sentent. Dionys. IX, 249) и другихъ ⁸). Въ приложеніи къ ученію о третьей Впостаси употреблялись, кромѣ πνεῦμα, духъ, ἐκπορένομαι, исходить, также εἰκὼν τοῦ ὁμοῦ, образъ Сына, у Василія Великаго (Advers. Eunom. V, col. 724; у Миня, XXIX); πρόοδος, происхожденіе у Григорія Богослова (ог. 20, 62); πνεῦμα προφητικόν, духъ

1) У стоиковъ — въ психологіи, у Филона — въ метафизикѣ.

2) У Филона λόγος *τομεύς*.

3) Strom. IV, 25; M. VIII. 1365. Филоновское выраженіе.

4) У Филона. Муретова, стр. 270, 257.

5) У Филона Ibid. 242.

6) См. Догм. В. Макарія § 38. У Аванасія, о постановл. Никейскаго собора, § 25.

7) Ennead. VI, 8, 20.

8) У Платона терминъ обозначаетъ присутствіе идеи въ явленіи (Федонъ 100 с.), у Аристотеля — формы въ матеріи (De anima, II, 7), у стоиковъ — причины въ слѣдствіи (Stob. I, 13. 1), у Плотина (Enn. VI, 9. 4) — присутствіе Единаго.

пророческій у Іустина (съ Триф. 128), Теофила (II, 9. I, 14), Татіана, Климента, и много другихъ терминовъ. Можно-бы весьма умножить этотъ списокъ ¹⁾, но для доказательства того, что учителя и отцы Церкви пользовались философскими понятіями, достаточно и вышепоименованныхъ терминовъ. Большинство этихъ понятій, особенно тѣ, кои относятся къ Божеству вообще и второй Упостаси въ частности, входятъ въ содержаніе философіи Филона ²⁾, котораго упоминаетъ уже увѣщаніе къ эллинамъ, приписываемое св. Іустину ³⁾, и Нумения, котораго развивалъ Плотинъ. Можно указать слѣды прямого и косвеннаго вліянія Филона у Варнавы, Іустина, Аеинагора, Татіана, Теофила Антиохійскаго, Климента Александрійскаго, Оригена, Евсевія, Θεодорита, Амвросія (почти буквальный переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ), Иеронима, даже у Дидима, Василя Великаго, Григорія Нисскаго и Ефрема Сирина, особенно въ толкованіи нѣкоторыхъ мѣстъ ветхо-завѣтнаго писанія ⁴⁾. Въ ученіи о Святомъ Духѣ, какъ оно развивалось Василиемъ Великимъ, Кирилломъ Александрійскимъ, даже Августиномъ, означенные отцы пользовались въ значительной степени понятіями Плотина, которыя онъ прилагалъ къ ученію о душѣ міра. Василій Великій почти буквально заимствуетъ у него свой трактатъ о Духѣ, прилагаемый обыкновенно къ сочиненію, противъ Евномія ⁵⁾; Кириллъ Александрійскій неоднократно ссылается на Плотина и Порфирія при выясненіи ученія о томъ-же предметѣ, особенно въ 8 книгѣ противъ Юліана; Августинъ также неоднократно ссылается на Плотина ⁶⁾. Григорій Богословъ въ третьемъ словѣ о богословіи говоритъ:

¹⁾ См. Макария. Догм. богосл. § 38; пр. Смирнова, Терминологія отцевъ Церкви, въ приб. къ Твор. св. отцевъ 1885, II, стр. 537 и слѣд

²⁾ См. терминологию Филона въ сочиненіи г. Муретова: „Ученіе о Логосѣ у Филона Александрійскаго и Іоанна Богослова“. 1885. Ср. Сильвестра, „Опытъ православнаго догматическаго богословія“. 1835, II, 279—282. Особенно у Siegfried'a, Philo von Alexandria als Ausleger des Alten Testaments. Jena 1875.

³⁾ Увѣщ. 8, 10, 13.

⁴⁾ Siegfried, s. 330—399.

⁵⁾ Творенія Васил. Вел. III, 225.

⁶⁾ См. подробныя сближенія съ Плотинимъ у Bouillett, Les Ennéades de Plotin, 1861 vol. III.

„Духъ—изведенное, или, не знаю, какъ назвалъ-бы сіе тотъ, кто отвлекаетъ отъ всего видимаго. Ибо не дерзаемъ назвать его произліяніемъ благодати, какъ осмѣлился назвать одинъ изъ любомудрыхъ эллиновъ, который, любомудрствуя о первомъ и второмъ Виновникѣ, ясно выразился: „какъ чапа льется черезъ края“ ¹⁾. Этотъ эллинь — Плотинъ ²⁾ и, очевидно, раскрывая ученіе о Святомъ Духѣ, святой отецъ принималъ въ соображеніе сказанное Плотиномъ.

М. Остроуковъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Твор. Григор. Богосл. III, 54.

²⁾ Plotin. Enn. V, 2, 1.

М. Т. ЦИЦЕРОНА

„ТУСКУЛАНСКІЯ БЕСѢДЫ“ КЪ М. БРУТУ

(кн. 1-я).

О БЕЗБОЯЗНЕННОСТИ ПЕРЕДЪ СМЕРТЮ.

(Продолженіе *).

XXXV. Итакъ есть-ли кто-нибудь, который не носилъ-бы въ себѣ никакого зла, который не получилъ-бы никакой раны отъ судьбы? Метелль ¹⁾ былъ счастливъ въ сыновьяхъ, достигшихъ высшихъ почестей, но Пріамъ имѣлъ пятьдесятъ сыновей, изъ которыхъ семнадцать были законные; судьба обнаружила свою власть по отношенію къ тому и другому, но силу свою показала на одномъ изъ нихъ. Ибо Метелла хоронили многіе сыновья, дочери, внуки и внучки; Пріама, при большемъ семействѣ вдругъ оставшагося сирымъ, отвела для послѣдняго успокоенія вражеская рука. Допустимъ, что онъ умеръ-бы мирно при жизни сыновей, — въ то время какъ царская власть его была неприкосновенна, —

Вдали отъ войскъ враждебныхъ,

Подъ сводомъ комнаты, украшенной рѣзьбою ²⁾,...

что-же послѣ этого, — отъ зла или отъ добра онъ ушелъ-бы? Въ данномъ случаѣ онъ, повидимому, разстался-бы съ благами.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 8.

1) Разумѣется К. Цецилій Метелль Македонскій, консуль въ 143 г. до Р. Хр. на котораго иногда римскіе писатели указываютъ, какъ на примѣръ счастливаго человѣка.

2) Эти стихи, какъ и слѣдующіе, заимствованы изъ „Андромахи“ Эвнія.

Но съ увѣренностію можно сказать, что то для него было лучше; и развѣ не существуетъ этой столь плачевной пѣсни:

Мнѣ снится градъ воспламеняемый,
 Пріамъ терпящій смертное насиліе,
 Алтарь священный кровью осверняемый.

Развѣ могло выпасть ему на долю лучшее, чѣмъ что выпало, отъ этого насилія? Если-бы онъ ранѣе умеръ, то вѣдь онъ совсѣмъ потерялъ-бы плоды своей смерти: въ этомъ-же случаѣ онъ потерялъ только сознаніе бѣдъ. Съ Помпеемъ, нашимъ другомъ, когда онъ тяжело болѣлъ въ Неаполѣ, произошло нѣчто еще болѣе лучшее. Жители Неаполя ходили тогда въ вѣнкахъ изъ цвѣтовъ, столько-же какъ и жители Путеоль, и вообще со всѣхъ сторонъ открыто приносились благожеланія счастья: конечно, поступокъ въ данномъ случаѣ несообразный и соотвѣтствующій болѣе правамъ грековъ, но все таки благожелательный. Итакъ, если-бы онъ въ то время угасть, отъ счастья или отъ несчастья онъ ушелъ-бы? Нѣтъ сомнѣнія, отъ скорбей. Вѣдь онъ тогда не сталъ-бы вести войны съ тестемъ ¹⁾, не поднялъ-бы оружія, не будучи готовымъ, не покинулъ-бы роднаго дома, не бѣжалъ-бы изъ Италіи, — послѣ потери войска обезоруженный, не попалъ-бы во власть рабовъ, обратившихъ оружіе противъ него, его дѣти не были-бы оплакиваемы, его имѣніе не досталось-бы въ удѣлъ побѣдителямъ. Если-бы онъ въ то прежнее время встрѣтилъ смерть, если бы погасъ среди полноты счастья, — отъ сколькихъ-бы, сколь великихъ, сколь тяжелыхъ горестей онъ-бы избавился на счетъ продленія жизни?

XXXVI. Со смертію нѣтъ мѣста такимъ обстоятельствамъ. Пусть *то или другое* не произошло-бы съ нами, но вѣдь оно могло произойти. Но люди не мыслятъ о томъ, что нѣчто подобное можетъ пасть на нихъ: каждый мнитъ себѣ имѣть счастье Метелла. Въ виду этого можно подумать, что или болѣе осчастливленныхъ судьбою, чѣмъ несчастныхъ, или же —

¹⁾ Юлія, дочь Цезаря въ бракѣ съ Помпеемъ, умерла уже въ 54 г. до Р. Хр. Цицеронъ въ данномъ случаѣ хотѣлъ сдѣлать намекъ на непрекращаемость родственныхъ отношеній со смертію.

что есть вѣчто прочное въ судьбахъ человѣческихъ, или же— что имѣть надежду благоразумнѣе, чѣмъ падать духомъ.

Слушатель. Но, можетъ быть, будетъ сдѣлана уступка въ томъ, что люди со смѣтлню лишаются *многихъ* благъ; такимъ образомъ и умершіе лишены пріятностей сей жизни, а въ этомъ то и заключается несчаствіе! Но крайней мѣрѣ вѣкоторыя не увѣренныя въ безсмертіи души говорятъ, что въ этомъ должно быть несчаствіе. Но развѣ тотъ, который не существуетъ, можетъ ощущать какое-либо лишеніе? А вѣдь плачевный смыслъ имѣеть это имя лишенія, потому что за нимъ скрывается такой смыслъ: „имѣлъ, не имѣеть, сильно желаетъ, ищетъ, терпитъ лишеніе“. Вотъ каковы, вспадаетъ мнѣ на мысль, невыгоды липившаго себя *надежды на безсмертіе*: лишится онъ глазъ, ненавистна слѣпота; не имѣеть дѣтей, тяжело ихъ неимѣніе. Все это имѣеть значеніе для живущихъ, изъ „умершихъ“ же никто не только не лишается пріятностей жизни, но и самой жизни. Говоря это, я имѣю въ виду умершихъ, которые не существуютъ; изъ насъ же, которые существуемъ, неужели кто-нибудь осмѣлился бы сказать, что мы лишены тѣлесной силы или способности стремиться къ возвышенному? Безъ сомнѣнія, никто. Что отсюда слѣдуетъ? То, что когда-бы ты не имѣлъ того, что тебѣ усвоено не въ силу развитія и не въ силу природныхъ свойствъ,—то ты и не терпѣлъ-бы нужды, даже если бы чувствовалъ, что тебѣ недостаетъ этого. Вотъ этотъ-то доводъ, изобличающій нашу неправду, и должно снова и снова выставять намъ на видъ, послѣ того какъ мы установили то, въ чемъ не можемъ сомнѣваться, при допущеніи, что души смертны, — именно, что смерть есть такого рода исчезновеніе, за которой и въ малѣйшей даже степени не остается намѣка на сознаніе; и такъ, послѣ того какъ дана достоюжная основа и твердость этому положенію, надлежитъ подробно объяснить для свѣдѣнія, что значитъ „быть лишеннымъ“, дабы въ этомъ словѣ не оставалось какого-либо повода къ недоразумѣнію. И такъ „быть лишеннымъ“ означаетъ — нуждаться въ томъ, что желаешь имѣть. Ибо въ чувствѣ нужды заключается желаніе, за исключеніемъ того обстоятельства, когда, какъ въ

лихорадкѣ, говорится что-либо въ иномъ смыслѣ. Обратнo, еще и въ другомъ значеніи говорится „быть лишеннымъ“, когда ты чего-либо не имѣешь, и живо чувствуешь, что ты не имѣешь, хотя, допустимъ, ты и сталь-бы переносить это легко. Не говорится „быть лишеннымъ зла“, да и не предстояло-бы скорбѣть объ этомъ; а говорится вотъ это: „быть лишеннымъ блага“, что *дѣйствительно* есть зло. Но даже и живущіе не лишены блага, поскольку они чувствуютъ его вблизи себя. При всемъ томъ по отношенію къ живому можно понять, когда говорятъ, что „ты лишенъ царства“; хотя по отношенію къ тебѣ лично это сужденіе не можетъ быть высказано съ достаточною опредѣленностію; возможно это было-бы по отношенію къ Тарквинію, послѣ того какъ онъ потерялъ царство; но по отношенію къ мертвому это выраженіе и смысла даже не можетъ имѣть „Быть лишеннымъ“ — это принадлежность сознающаго, и сознаніе не въ мертвомъ; такимъ образомъ мертвому даже и это не принадлежитъ — быть лишеннымъ.

XXXVII. За всѣмъ тѣмъ, что за нужда отыскивать философскія основанія для даннаго предмета, когда ясно, что дѣло не нуждается значительно въ философіи? Сколько разъ не только вояжи наши, но даже цѣлыя войска шли на несомнительную смерть! Конечно, если-бы боялись ея, то Л. Брутъ, преграждая возвращеніе того, кого онъ самъ изгналъ, не палъ-бы въ сраженіи, не выставили-бы себя вражескимъ стрѣламъ — въ войнѣ съ латинами Децій отецъ, съ этрусками сынъ, съ Пирромъ внукъ ¹⁾; Испанія не увидѣла-бы Сципіоновъ умирающими за отечество на пространствѣ такого недолгаго времени, какъ время одной войны ²⁾; *не увидѣли-бы* Павла и Геминія — Канны ³⁾, Венузія — Марцелла, ⁴⁾ Литана — Альбина ⁵⁾, Луканія — Гракха ⁶⁾. Ужели кто изъ нихъ несчастенъ и доселѣ? Даже и въ то время не былъ, съ отданіемъ послѣдняго вздо-

¹⁾ Децій отецъ умеръ въ 340 г. до Р. Хр., сынъ въ 295, внукъ въ 279.

²⁾ Въ 212 до Р. Хр.

³⁾ Въ 216 до Р. Хр.

⁴⁾ Въ 208 до Р. Хр.

⁵⁾ Литана — въ цизальпійской Галліи. Событіе произошло въ 215 г. до Р. Хр.

⁶⁾ Въ 213 до Р. Хр.

ха: не можетъ быть кто либо несчастнымъ отъ того, что у него отнято ощущеніе.

Но вотъ это самое непріятно—быть безъ сознанія. Непрiятно, если-бы такое лишеніе въ дѣйствительности было. Когда же усмотрѣно, что не можетъ предстоять что-либо тому, который, предполагается, не существуетъ *послѣ смерти*, то что можетъ казаться непріятнымъ въ глазахъ того, который ни лишенія не чувствуетъ, ни вообще сознанія не имѣетъ. Хотя, быть можетъ, я слишкомъ часто повторяю это, но потому вѣдь, что изъ этой мысли возникаетъ вся удрученность души при боязни смерти. Ибо кто съ достаточною ясностію усмотритъ то, что ясно какъ Божій день, — именно, что съ исчезновеніемъ души и тѣла и съ разрушеніемъ одушевляющаго начала и съ осуществленіемъ полнаго уничтоженія и то существо, которое было, перестаетъ быть чѣмъ-либо, — тотъ конечно замѣтитъ и то, что тогда не будетъ никакого различія между сказочнымъ героемъ, который никогда не существовалъ, и царемъ Агамемнономъ, и для М. Камилла нынѣшнія неурядицы имѣютъ не больше значенія, чѣмъ для меня—взятіе Рима при его жизни ¹⁾.

Зачѣмъ послѣ этого и Камиллъ сталъ-бы скорбѣть, если бы онъ предвидѣлъ эти междоусобія, имѣющія произойти спустя почти триста пятьдесятъ лѣтъ, — и я сталъ-бы скорбѣть, представляя себѣ, что спустя десять тысячъ лѣтъ какой-либо народъ овладѣетъ нашимъ городомъ? Вѣдь столь великая любовь свойственна къ отечеству, что мѣрою ея считается у насъ не настроеніе наше, а благосостояніе отечества.

XXXVIII. Итакъ смерть, которою ежедневно намъ угрожаетъ непрочность окружающаго насъ, и отъ которой, въ виду краткости жизни, мы никогда не можемъ быть далеко, — не мѣшаетъ мудрому постоянно пещись о государственномъ благѣ и своихъ сограждавахъ, на основѣ того убѣжденія, что къ каждому имѣетъ отношеніе и послѣдующее время, котораго онъ не будетъ лицезрѣть чувственными очами. На этомъ основаніи возможно допустить, что даже и считающій душу ертсм-

¹⁾ Разумѣется взятіе Рима галлами въ 390 году до Р. Хр.

ною трудится для вѣчности не изъ желанія славы, которой онъ не будетъ чувствовать, *по его мнѣнію*, но по расположенію къ добродѣтели, за которою необходимо слѣдуетъ слава, даже если-бы ты и не думалъ о ней. А порядокъ природы таковъ, что какъ съ рожденіемъ намъ открывается начало дѣятельности, такъ со смертію полагается ей конецъ. Какъ прежде рожденія дѣятельность ни въ малѣйшей мѣрѣ не имѣла къ намъ отношенія, такъ послѣ смерти ничто подобное не достанется намъ на долю. Съ этой точки зрѣнія можетъ-ли быть въ смерти что-либо злое, когда она не относится ни до живыхъ, ни до умершихъ? Одни *въдъ будто-бы* не существуютъ, а другихъ она не касается.

Тѣ, которые относятся къ ней сравнительно легко, желаютъ видѣть въ ней подобіе сна ¹⁾; это все равно, какъ если-бы кто-нибудь желалъ себѣ девяносталѣтъ жизни подъ такимъ условіемъ, чтобы, окончивши шестьдесятъ, остальные проводить въ усыпленіи; даже и ближніе его не желаютъ этого, не только онъ самъ. И Эндиміонъ ²⁾, если мы желаемъ прислушаться къ баснямъ, не знаю когда заснувшій на Латмѣ, горѣ Карійской, до сихъ поръ еще, я думаю, не проснулся. И такъ, уже ли ты думаешь, что заботы несетъ онъ, въ то время какъ луна бодрствуетъ надъ нимъ? Думаютъ, что онъ усыпленъ ею такъ, что и во снѣ не лишенъ ея ласкъ. А какую тяготу можетъ нести *въ смерти* тотъ, „который даже не сохраняетъ и сознанія въ смерти?“ Во снѣ ты, *дѣйствительно*, имѣешь образъ смерти, и этотъ образъ смерти ты ежедневно принимаешь, а послѣ этого еще колеблешься до такой степени, что склоняешься къ мысли, будто смерть не сопровождается сознаніемъ; между тѣмъ какъ въ подобіи смерти—снѣ—развѣ ты не видишь сознанія?

XXXIX. И такъ, изгонимъ изъ души сіе, ей несродное и обличающее духовную ослабленность, мнѣніе, что встрѣтить смерть прежде времени есть несчастіе. Какое-же время, на-

¹⁾ Сравненіе, встрѣчающееся часто у Гомера, см. Одисс. XIII, Ил. XIV в XI; ср. Энеид. VI, 278.

²⁾ Ср. Cicer. de fin. V, 20, 55. Lucian. dial. XI, 1. „Федонъ“ Платона, 2.

конецъ, есть срокъ смерти? Тотъ-ли срокъ, что изникаетъ изъ даннаго въ нашей природѣ? А вѣдь она, *природа*, дала еще излишекъ, какъ-бы въ денежныхъ счетахъ, не предъуказавши намъ дня *смерти*. Есть-ли же основаніе жаловаться, если она обратно требуетъ свое, когда пожелаетъ? Не на иныхъ условіяхъ ты и жизнь получилъ. Тѣ же люди, которые жалуются на природу,—видя смерть дитяти, говорятъ, что слѣдуетъ переносить это несчастіе спокойно; а если *умершее дитя* въ колыбели, то, по ихъ мнѣнію, даже и жалобъ не должно быть. А вѣдь природа въ данномъ случаѣ только потребовала, что дала. „Я еще и не видалъ пріятностей жизни,—скажутъ иные, а вотъ тотъ уже надѣялся увидѣть большія пріятности сравнительно съ тѣми, которые уже давно выпали ему на долю“. Почему-то въ прочихъ вещахъ считается за лучшее—достигнуть чего-либо, чѣмъ совсѣмъ ничего; почему-же относительно жизни должно быть иначе? Не худо говорить Каллимахъ, что „Пріамъ гораздо чаще проливалъ слезы, чѣмъ Троиль“. При всемъ томъ, и тѣ, которые умираютъ въ преклопномъ возрастѣ, имѣютъ не малое счастье. Почему? потому, я думаю, что если-бы—предположимъ—ихъ жизнь и продлилась далѣе, она не могла-бы быть болѣе пособленіемъ никому. А для человѣка, конечно, нѣтъ ничего драгоцѣннѣе благоразумнаго прозрѣнія, которое—отнимая все прочее—приноситъ именно старость.

Да и какой срокъ человѣческой жизни продолжителенъ, или что, наконецъ, кажется человѣку продолжительнымъ? Не достигала-ли старость то отроковъ, то юношей, слѣдуя бѣгомъ за ними по пятамъ, въ то время, какъ они и не думали о ней? Поприще человѣческой жизни, заканчивающееся старостію, мы называемъ длиннымъ потому, что другаго большаго у насъ *на землѣ* нѣтъ. Всѣ ближайшія, находящіяся передъ нами существа, считаются живущими долго или недолго, сообразно съ тѣмъ, кому данъ какой удѣлъ. Аристотель ¹⁾ утверждаетъ, что при рѣкѣ Гипанисѣ, которая съ европейской стороны впадаетъ въ Понтъ, рождаются существа, жизнь которыхъ не длится до-

¹⁾ Histor. anim. V. 19, 14.

лѣе одного дня. Итакъ, то изъ твореній, которое умерло въ осьмой часъ, умерло въ преклонномъ возрастѣ; то-же, которое умерло при закатѣ солнца, умерло при полномъ упадкѣ силъ, тѣмъ болѣе, если еще въ самый долгій лѣтній день. Сравни самый долгій срокъ нашего вѣка съ вѣчностію: въ сравненіи съ вѣчностію лѣта нашей жизни приблизительно такъ-же кратки, какъ кратокъ срокъ жизни указанныхъ существъ.

XL. Итакъ отвергнемъ всѣ пелѣшья, непристойныя чело-вѣку мнѣнія—ибо какое безобидное имя могу я придать такому легкомыслію?—и будемъ полагать всю силу для доброй жизни въ бодрости и величіи души, въ справедливомъ отношеніи ко всѣмъ земнымъ вещамъ, чуждомъ пристрастія и возвеличенія, и въ доблестности всякаго рода. А теперь мы дѣлаемся слабыми вслѣдствіе отсутствія оживляющихъ мыслей, такъ что если-бы смерть, положимъ, пришла ранѣе, чѣмъ мы дождались исполненія обѣщаній халдеевъ ¹⁾—мы оказались бы лишенными великихъ нѣкоторыхъ благъ,—въ положеніи обманутыхъ и сиротъ. Если душа наша здѣсь находится въ постоянномъ напряженіи между надеждою и тоской, если мы мучимся и скорбимъ,—то какъ пріятно, о бессмертные боги, должно быть то путешествіе, по совершеніи котораго не будетъ болѣе ни заботы, ни безпокойства.

Съ какою отрадой взираю я на Терамена ²⁾, этого чело-вѣка съ возвышенной душою! Ибо хотя и льются слезы изъ глазъ, когда о немъ читаемъ, все-таки смерть этого славнаго мужа свершилась такъ, что не вызываетъ сожалѣнія. Когда повергнутый въ темницу по повелѣнію „тридцати“ и какъ-бы томимый жаждою, отвѣдалъ яда,—онъ остальное выбросилъ изъ

¹⁾ Въ древности смотрѣли на халдеевъ, какъ на людей, которые первые обнаружили себя свѣдущими въ астрономіи. Такимъ образомъ, и тѣ изъ нихъ, которые примѣшивали къ ней астрологію, не могли быть лишены почета. Ср. Страб. geogr. XVI, 1, 6; Cicero. de divin. I, 1, 2.

²⁾ Терамень, ученикъ Сократа, самъ одинъ изъ „тридцати правителей“, громко и постоянно говорилъ противъ нечеловѣколюбія „новаго правленія“, однако по своему кроткому характеру онъ иногда дѣлалъ уступки Кригіасу, который напрасно пытался склонить его на свою сторону. И Кригіасъ, въ собраніи представилъ его врагомъ „правительства“ и потребовалъ его осужденія. Ср. Ксеноф. hist. graec. II, 3, 56.

чаши такъ, что оно дало отзвукъ; и какъ-бы вторя этому отзвуку, онъ сказалъ: „я пью это за здоровье красавца Критіаса“ (который былъ наиболѣе сильнымъ его противникомъ). Ибо у грековъ на пирахъ въ обычаѣ называть по имени того, кому назначается чаша. При послѣднемъ напряженіи изсякнувшихъ силъ, когда уже около сердца носилась давно ждавшая его смерть, онъ сохранилъ бодрость юности, и, дѣйствительно, предугадалъ смерть того, отъ котораго онъ потерпѣлъ раньше времени смерть отъ яда (эта смерть его *противника* и послѣдовала вскорѣ). Кто могъ-бы одобрить спокойствіе великой души въ минуту смерти, кромѣ того, который не считасть смерть зломъ? Вѣдь въ той-же темницѣ былъ и ту-же чашу испилъ спустя немного лѣтъ Сократъ, по приговору судей преступному въ той-же мѣрѣ, каковъ былъ и приговоръ „тридцати“ относительно Терамена. А какова рѣчь Сократа, въ которой онъ, какъ передаетъ Платонъ ¹⁾, далъ наставленіе судьямъ, послѣ того какъ былъ ему произнесенъ смертный приговоръ? *Вотъ она.*

XLII. „Великая надежда наполняетъ мою душу, — говоритъ онъ, — надежда на то, что я не отчуждаюсь отъ блага, въ то время какъ посылаюсь теперь на смерть. Ибо неизбѣжно одно изъ двухъ, что или смерть отнимаетъ всякое сознаніе, или-же со смертію дѣлается переходъ изъ сихъ *земныхъ* мѣстъ въ какое либо другое мѣсто. Посему или сознаніе потухаетъ и смерть подобна тому сну, который иногда приноситъ даже безъ видѣній невозмутимый покой усыпленія — тогда, благіе боги, какой прибытокъ умереть! Или-же, напротивъ, могутъ объявиться неисчислимыя дни, которые рѣшительно не похожи на сонный мракъ ночи, — ночи, которой если по продолжительности будетъ подобно будущее во всей непрерывности составляющихъ его моментовъ, то кто будетъ блаженнѣе меня! А если несомнѣнно истинно то, какъ говорятъ, что смерть есть переселеніе въ предѣлы, въ которыхъ обитаютъ люди, исходящіе изъ сей жизни, то это переселеніе тѣмъ въ гораздо большей степени есть блаженное. Держи въ памяти, что когда будешь далеко отъ

1) Въ „Апологін Сократа“.

тѣхъ, которые желаютъ считаться въ числѣ судей, — ты придешь къ тѣмъ, которые истинно носятъ имя судей, Миносу, Радаманту, Эаку, Триптолему, — и будешь вблизи тѣхъ, которые жили праведно и съ вѣрою. Уже-ли это переселеніе можетъ представляться вамъ переселеніемъ не высокой важности? Вѣдь если-бы напр. возможно было вступить въ бесѣду съ Орфеемъ, Музеемъ ¹⁾, Гомеромъ, Гезіодомъ, — какъ высоко послѣ этого вы стали-бы цѣнить это переселеніе? Что касается меня, я нерѣдко останавливался въ желаніяхъ на томъ, чтобы быть въ другой жизни, при предположеніи, что это возможно, — дабы мнѣ открылась возможность обрѣсти то, о чемъ я говорю. Какія отрадные чувства я испыталъ-бы, послѣ того какъ увидѣлъ-бы вблизи Паламеда, Аякса ²⁾ и всѣхъ другихъ, претерпѣвшихъ несправедливый судъ. Даже если-бы я попытался воззвать къ благоразумію главнаго начальника большой арміи подъ Троею, или Улисса, даже Сизифа, — и тѣ за мои исканія истины, въ томъ видѣ, какъ я это дѣлалъ, не осудили-бы меня на смерть. Да и вы сами, судьи, давшіе мнѣ подорожную, не бойтесь смерти. Ибо доброму ничто злое не можетъ приключиться, ни когда онъ въ живыхъ, ни послѣ смерти, и дѣло добраго не оставляется когда-либо въ забвеніи у бессмертныхъ боговъ, — и это самое — смерть приходитъ ко мнѣ не случайно. И, конечно, на тѣхъ, отъ которыхъ обвиненъ или осужденъ, я не имѣю повода гнѣваться, если не принимать въ расчетъ ихъ мнѣніе о томъ, что они мнѣ приносятъ вредъ“. Вотъ какъ онъ говорилъ; да и нельзя лучше при вратахъ смер-

¹⁾ Орфей — въ мифологическомъ сказаніи еракійскій пѣвецъ, обладавшій способностью столь трогательнаго пѣнія, что приводилъ въ движеніе деревья и укрощалъ дикихъ животныхъ. — Музей по мифологическому сказанію пѣвецъ и священникъ въ Аттікѣ, отъ котораго ведетъ начало священная поэзія Аттіки.

²⁾ Паламедъ, грекъ обвиненный, но зависти къ его славѣ, Одиссеемъ, Диомедомъ и Агамемнономъ въ измѣнительскихъ сношеніяхъ съ Пріамомъ, былъ побитъ народомъ камнями, послѣ того какъ въ его палаткѣ были найдены подложное письмо Пріама и деньги. Virg. Aen. 11; 81. Аякъ, т. н. старшій, одинъ изъ храбрыхъ участниковъ въ Троянской войнѣ парави съ Одиссеемъ выступить съ притязаніемъ имѣть оружіе Ахиллеса, назначенное Ѳетидой въ награду тому изъ храбрыхъ, который наиболѣе оказалъ услугъ для отысканія тѣла и оружія Ахиллеса. Награда была присуждена Одиссеемъ. Odys. XI, 542 и слѣд.

ти: „но наступило время, — продолжалъ онъ, — чтобы я отошелъ отсель, наступила смерть; а вы несите дѣло жизни. Что изъ двухъ лучше, вѣдаютъ безсмертные боги; изъ людей-же, думаю, не знаетъ никто“.

О. Садовъ.

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Мая № 10. 1886 года.

Содержаніе: Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.—Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Списокъ духовныхъ лицъ Харьковской епархіи, удостоенныхъ Высочайше жалуемыхъ наградъ 13 апрѣля 1886 года.—Епархіальныя пзвѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Отъ 27 марта—4 апрѣля 1886 года, за № 714, о правилахъ для выдачи свидѣтельствъ о знаніи курса начальныхъ училищъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 22 января сего года за № 366, слѣдующаго содержания: Согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 24 іюля—7 августа 1885 года, имъ, г. Оберъ-Прокуроромъ, сообщенъ былъ министру народнаго просвѣщенія проектъ новыхъ правилъ для выдачи свидѣтельствъ о знаніи курса начальныхъ училищъ лицамъ, желающимъ воспользоваться льготою IV разряда по отбыванію воинской повинности. Вмѣстѣ съ симъ сообщено было министру народнаго просвѣщенія и изложенное въ томъ опредѣленіи предположеніе Святѣйшаго Синода о необходимости дополненія сего проекта постановленіемъ о томъ, чтобы уѣздные училищныя совѣты и педагогическіе совѣты учебныхъ заведеній гражданскаго вѣдомства, для присутствованія на испытаніяхъ въ училищахъ среди православнаго населенія, назначали исключительно лицъ православнаго исповѣданія. Нынѣ министр народнаго просвѣщенія препроводилъ къ г. синодальному Оберъ-Прокурору № 121 „Собранія узаконеній и распоряженій правительства“ минувшаго года, въ коемъ напечатаны утвержденныя имъ, министромъ, 16 ноября 1885 года, новыя правила для выдачи означенныхъ свидѣтельствъ, дополненныя, со-

гласно вышеизложенному предположенію Святѣйшаго Синода, слѣдующею вставкою: „Въ училища, находящіяся среди православнаго населенія, уѣздными училищными совѣтами и педагогическими совѣтами для присутствованія на экзаменахъ назначаются исключительно лица православнаго исповѣданія“ (примѣчаніе 1 къ § 8). Приказали: Все вышеизложенное напечатать, для свѣдѣнія и руководства въ потребныхъ случаяхъ по духовному вѣдомству, въ „Церковномъ Вѣстникѣ“.

Отъ Харьковского комитета православнаго миссіонерскаго общества.

(Окончаніе *).

Собрано священникомъ Александромъ Бородаевымъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 30 к., отъ свещ. Петра Гумилевскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р. 10 к., отъ свещ. Полиевкта Ахтырскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р., отъ свещ. Павла Колосовскаго 1 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 2 р. 80 к., собрано свещ. Михаиломъ Будянскимъ отъ разн. лицъ 5 р. 80 к., отъ священниковъ: Петра Литкевича 3 р., Дмитрія Баженова 3 р., Василя Насѣдкина 3 р. Поступило кружечнаго сбора отъ церквей 1 округа Харьковского уѣзда 14 р. 88 к., отъ протоіерея Іоанна Хижнякава 4 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 70 к., отъ священниковъ: Іоанна Толмачева 3 р., Ивана Руднева 1 р., Николая Червонецкаго 3 р., О. Юшкова 3 р., Михаила Жуковскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р. 75 к., отъ свещ. Петра Ѳедорова 3 р., свещ. Василя Любчинскаго 1 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 3 р., отъ прот. Николая Соколовскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 5 р., отъ свещ. Андрея Любарскаго 3 р., собрано свещ. Петромъ Владыковымъ отъ разн. лицъ 4 р., отъ свещ. Іоанна Рапшевскаго 3 р., Ѳедора Осповича Маточкина 3 р., собрано свещ. Іоанномъ Рапшевскимъ отъ разн. лицъ 1 р., отъ свещ. Захарія Рудинскаго 1 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 3 р. 10 к., отъ свещ. Калпстрата Власовскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 90 к., собрано священ. Николаемъ Чернивецкимъ отъ разн. лицъ 8 р. 5 к. Получено кружечнаго сбора отъ церквей 1 округа Волчанскаго уѣзда 28 р. 84 к., отъ протоіер. Арсенія Павлова 3 р., отъ священниковъ: Алексѣя Евенмова 3 р., Павла Измайлова 3 р., Владиміра Ястремскаго 3 р., Петра Корнильева 3 р., Ѳедора Дзюбанова 3 р., Іоанна Грызодубова 3 р., Александра Рубинскаго 3 р., Порфирія Ведринскаго 3 р., Александра Веселовскаго 3 р., Космы Огулькова 3 р., Іоанна Яков-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 7.

лева 3 р., Алексѣя Шишкина 3 р., Василя Евецкаго 3 р., купца Василя Святскаго 3 р., купца Іоанна Прилуцкаго 3 р., собрано отъ разн. лицъ: священ. Алексѣемъ Шишкинымъ 1 р. 40 к., священ. Іоанномъ Яковлевымъ 1 р., священ. Космою Огульковымъ 4 р. 65 к., священ. Александромъ Веселовскимъ 85 к., священ. Порфиріемъ Ведринскимъ 11 р. 30 к., священ. Александромъ Ведрицкимъ 2 р. 45 к., священ. слоб. Малой Водолаги, Волчанскаго уѣзда 1 р., священ. Игнатіемъ Ѳеденковымъ 70 к., священ. Павломъ Измайловымъ 4 р. 20 к., священ. Александромъ Чернявскимъ 2 р., священ. Александромъ Евѣимовымъ 5 р. 35 к., отъ священ. Василя Ястремскаго 2 р. Получено кружечнаго сбора отъ церквей 2 окр. Старобѣльск. уѣзда 25 р. 93 к., отъ протоіер. Ѳедора Любарскаго 3 р., собрано отъ разн. лицъ, священ. Григоріемъ Кирилловымъ 30 к., священ. Павломъ Полтавцевымъ 50 к., священ. Евгениемъ Титовымъ 3 р., священ. Алексѣемъ Павловымъ 4 р. 17 к., отъ Татьяны Бѣлоусовой 25 к., Антонія Малыкъ 25 к., Георгія Гнялицкаго 25 к., собрано священ. Севастіаномъ Рудинскимъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 92 к., отъ священ. Ѳеодора Оружинскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 85 к., собрано отъ разныхъ лицъ: священ. Василіемъ Сивцевымъ 70 коп., священ. Дмитріемъ Могилянскимъ 60 к., отъ священ. Петра Юшкова 3 р., священ. Іоанна Твердохлѣбова 40 к., собрано отъ разн. лицъ; священ. Гавріиломъ Тропцкимъ 80 к., священ. Іоанномъ Труфановымъ 2 р. 50 к., отъ священ. Павла Дзюбанова 3 р., отъ священ. Ѳеодора Вороцаева 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р. 42 к., собр. священ. Георгіемъ Воробьевымъ отъ разн. лицъ 1 р. 65 к., собр. въ Криволуцкомъ приходѣ Изюмскаго уѣзда 44 к., отъ причта Крестовоздвиженской церкви сл. Гончаровки, Купянскаго уѣзда, 2 р., отъ причта Преображенск. церкви, села Кабанья, Купянскаго уѣзда, 99 к., собрано отъ разн. лицъ: прот. Александромъ Бассанскимъ 3 р., священ. Григоріемъ Кувичинскимъ 1 р., священ. Михаиломъ Феневымъ 50 к., священ. Трифономъ Богущкимъ 2 р., священ. Павломъ Цестриченкомъ 1 р. 50 к., священ. Василіемъ Протопоновымъ 1 р., отъ священ. Дмитрія Козьмина 3 р., собрано отъ разн. лицъ: священ. Іаковомъ Макаровскимъ 1 р., священ. Михаиломъ Чернявскимъ 3 р., священ. Василіемъ Ерофаловымъ 4 р. 50 к., священ. Дмитріемъ Ляницькимъ 1 р. 25 к., священ. Никифоромъ Слюсаревымъ 50 к., священ. Іаковомъ Ковалевымъ 1 р., священ. Никитою Жуковымъ 1 р. 50 к., отъ священ. Іоанна Юшкова 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р. 15 к., собрано отъ разн. лицъ: священ. Василіемъ Рождественскимъ 1 р. 5. к., протоіер. Евгениемъ Квитницькимъ 2 р. 95 к., священ. Іоанномъ Измайловымъ 2 р., священ. Алексѣемъ Оптовцевымъ 2 р. 71 к., священ. Александромъ Стапковымъ 3 р. 85 к., священ. Петромъ Торанскимъ 2 р., слободы Гороховатка Воскресенской церкви, Купянскаго уѣзда, отъ причта и старосты 3 р., собрано отъ разныхъ лицъ:

свѣщ. Іоанномъ Кушнеревымъ 70 к., свѣщ. Іоанномъ Куницынымъ 50 к., собрано доброохотныхъ пожертвованій въ приходѣ Іоанно-Предтечевской Мѣловатской церкви, Купянскаго уѣзда, 2 р. Получено кружечнаго сбора отъ церквей 1 округа Богодуховскаго уѣзда 27 р. 40 к., отъ свѣщ. Михаила Загоровскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 95 к., получено кружечнаго сбора отъ церквей 2 округа Богодуховскаго уѣзда 50 р. 80 к., получено кружечнаго сбора отъ церквей 4 округа Старобѣльскаго уѣзда 55 р. 15 к., отъ священниковъ: Виктора Селезнева 3 р., Иліи Черняева 3 р., Митрофана Шебатинскаго 3 р., Александра Щепинскаго 3 р. Получено отъ Раснянскаго Дмитріевскаго монастыря 10 р., получено кружечнаго сбора отъ церквей 4 округа Харьковскаго уѣзда 21 р. 85 к., получено кружечнаго сбора отъ церквей 3 округа Харьковскаго уѣзда 11 р. 24 к., отъ протоіер. Марка Рокитянскаго 3 р., отъ свѣщ.: Дмитрія Регішевскаго 3 р., Максима Пономарева 3 р., Филарета Антонова 3 р., собрано свѣщ., Константиномъ Рудневымъ отъ разн. лицъ 2 р., отъ свѣщ. Іоанна Котлярова 1 р. 50 к., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 80 к., отъ свѣщ. Максима Пономарева 2 р. 2. к., собрано свѣщ. Дмитріемъ Регішевскимъ отъ разн. лицъ 3 р., отъ свѣщ. Теодора Иванова 1 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р., собрано отъ разн. лицъ: свѣщ. Павломъ Казанскимъ 2 р., свѣщ. Василиемъ Ивановымъ 1 р. 20 к., свѣщ. Іосифомъ Волобуевымъ 25 к., свѣщ. Романомъ Николаевскимъ 50 к., свѣщ. Захаріемъ Жуковымъ 50 к., свѣщ. Филаретомъ Антоновскимъ 3 р. 5 к., свѣщ. Симеономъ Флоринскимъ 1 р. 40 к., отъ свѣщ. В. Владыкова 30 к., отъ неизвѣстн. 20 к., отъ свѣщ. Митрофана Котляревскаго 1 р., собрано протоіереемъ Маркомъ Рокитянскимъ отъ разн. лицъ 1 р. Получено кружечнаго сбора отъ церквей 3 округа Изюмскаго уѣзда 14 р. 58 к., собрано свѣщ. Іоанномъ Цолницкимъ отъ разн. лицъ 2 р., отъ свѣщ. Дмитрія Вахнина 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 2 р., отъ свѣщ. Петра Власова 2 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р., отъ свѣщ. Веніамина Касьянова 2 р., отъ свѣщ. Іоанна Оглоблина 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р. 62 к., отъ свѣщ. Петра Щербина 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 2 р. 45 к., отъ Евѣйма Корпильевича Осьмухина 1 р. 50 к., отъ Степана Панкратьевича Оклярова 1 р., отъ прот. Александра Литвинова 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 2 р., отъ свѣщ. Григорія Цонировскаго 1 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р., отъ Сергѣя Никитича Володина 3 р., собрано свѣщ. Симеономъ Мухинымъ отъ разн. лицъ 1 р. 20 к., собр. свѣщ. села Даниловки, Изюмскаго уѣзда, 50 к., отъ свѣщ. Іоанна Смирнскаго 1 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р., отъ свѣщ. Іоанна Стеллецкаго 1 р., отъ церк. стар. Иванова 50 к. отъ свѣщ. Афанасія Тимонова 2 р., собрано свѣщ. Исаакомъ Литвиновымъ отъ

разн. лицъ 1 р., отъ свящ. Іоанна Насѣдкина 1 р., собр. свящ. Дмитріемъ Ковалевскимъ отъ разн. лицъ 3 р., отъ свящ. Григорія Подалкина 1 р., чрезъ него-же 50 к., собрано свящ. Василиемъ Оружинскимъ отъ разн. лицъ 2 р., получено кружечнаго сбора отъ церквей 1 округа г. Харькова 54 р. 78 к., отъ протоіереевъ: Іоанна Чижевскаго 3 р. Гавріила Ѳедоровскаго 3 р., Александра Ѳедоровскаго 3 р., Іоанна Ѳедорова 3 р., Василия Левандовскаго 3 р., Андрея Щелкунова 3 р., Аполлона Ковалевскаго 3 р. Отъ священниковъ: Василия Попова 3 р., Николая Гутникова 3 р., Петра Мигулина 3 р., Аполлона Ильяшева 3 р., Василия Проскурникова 3 р., Павла Тимофеева 3 р., Василия Ляхницкаго 3 р., Михаила Румянцева 3 р., Николая Соколовскаго 3 р., Николая Сокольскаго 3 р., Андрея Рудинскаго 3 р., Николая Мощенкова 3 р., Георгія Чеботарева 3 р., Григорія Томашевскаго 3 р., Николая Пантелеймонова 3 р., Павла Григоровича 3 р., Василия Ветухова 3 р., Панкратія Иванова 3 р., Стефава Петровскаго 3 р., Василия Куницына 3 р., Василия Марченко 3 р., Андрея Дмитріева 3 р., протоіерея Николая Лащенкока 3 р. Церковные старосты: Н. С. Бузникъ 3 р., Е. С. Крохмалевъ 3 р., Ѳ. И. Ширяевъ 3 р., Л. Я. Поповъ 3 р., И. К. Величенко 3 р., И. Я. Коваленко 3 р., А. И. Бѣлевскій 3 р., Ѳ. Д. Котыхинъ 3 р., А. В. Судаковъ 3 р., И. Г. Евтушенко 3 р., В. Г. Пономаревъ 3 р., Н. С. Козловъ 3 р., К. П. Захарьевъ 3 р., В. И. Золотаревъ 3 р., С. Е. Фастовъ 3 р., Е. Г. Дубовинъ 3 р., К. М. Блоха 3 р. Получено кружечнаго сбора отъ церквей 2 округа Сумскаго уѣзда 129 р. 50 к., отъ священниковъ: Алексѣи Чугаева 3 р., Максима Подлуцкаго 3 р., Митрофана Ракшевскаго 3 р. Получено кружечнаго сбора отъ церквей 1 окр. Сумскаго уѣзда 54 р. 86 к., отъ свящ. Петра Пономарева 3 р., собрано отъ разн. лицъ: свящ. Борисомъ Дикаревымъ 75 к., свящ. Бѣлоусовымъ 70 к.

Итого въ февралѣ мѣсяцѣ 1886 г. поступило 1569 р. 33 к.

А всего съ поступившими съ 1 Января 1886 г. 2388 р. 40 к.

Въ мартѣ мѣсяцѣ сего 1886 года поступило:

Отъ Терентія Кондратьевича Сѣрикова 3 руб., Стефана Андреевича Бурцова 3 руб., отъ эконома Харьковскаго архіерейскаго дома іеромонаха Іосифа 3 руб., получено кружечнаго сбора отъ церквей 2 округа Ахтырскаго уѣзда 6 р. 31 к., отъ свящ. Николая Авксентьева 1 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р., отъ свящ. Іоанна Николаевскаго 1 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р. 5 к., отъ свящ. Николая Кремновскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 30 коп., отъ Павла Алексѣевича Пялица 3 р., стъ свящ. Іоанна Мартиновича 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 30 к., отъ свящ. Николая Яковлева 3 р., чрезъ него-же

отъ разн. лицъ 45 к., отъ свящ. Павля Щербина 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 45 к., отъ свящ. Георгія Бородаева 3 р., отъ псаломщика Космы Краснокутскаго 50 к., отъ причта, церковнаго старосты и прихожанъ Тихоновской церкви села Николаевки, Ахтырскаго уѣзда, 6 р., отъ свящ. Владиміра Красовскаго 1 р., чрезъ него же отъ разн. лицъ 7 р. 50 к., отъ священ. Григорія Проскурникова 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 2 р., отъ священ. Георгія Хижнякова 3 р.; отъ церковнаго старосты Тимоея Дьяченко 2 р., отъ священ. Іоанна Краснопольскаго 1 р., отъ церковнаго старосты Василя Пушкаря 1 р., отъ священника Петра Стеллецкаго 1 руб., отъ священника Василя Ѳедорова 3 р. чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 1 р. 50 к., отъ Ф. П. С. 3 р. Представлено благочиннымъ 4 округа Изюмскаго уѣзда полученныхъ имъ отъ священниковъ: Ѳедорова, Скубачевскаго, Матвѣева, Долгополяскаго, Бѣляева и Попова 1 р. 62 к., отъ священника Іоанна Добрецакаго 50 к., отъ священника Андрея Новскаго 50 к., отъ священника Іоанна Высокннскаго 50 к., отъ діакона Николая Найденова 50 к., собрано отъ разныхъ лицъ: священникомъ Ѳеодоромъ Дзюбановымъ 5 р., священникомъ Василюмъ Евецкимъ 25 к., священникомъ Александромъ Червонецкимъ 40 к., отъ священника Александра Щепинскаго 1 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 1 р. 50 к., отъ священника Дмитрія Соколовскаго 50 к., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 1 р. 10 к., отъ священника Арсенія Будянскаго 1 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 5 р., отъ священника Іоанна Андреева 50 к., отъ псаломщика Гавріила Титова 25 к., отъ церковнаго старосты Ходока 25 к., отъ священника Іліи Черняева 1 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 4 р. 75 к., собрано отъ разныхъ лицъ: священникомъ Любарскимъ 1 р. 50 к., священникомъ Митрофаномъ Шебатинскимъ 2 р. 5 к., отъ священника Виктора Селезнева 50 к., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 83 к., собрано священникомъ Владиміромъ Григоровичемъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 30 к., отъ священника Григорія Лобковскаго 1 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 1 р., собрано отъ разныхъ лицъ: священникомъ Іоанномъ Нечаевымъ 1 р. 10 к., священникомъ Іоанномъ Ковалевымъ 1 р. 50 к., отъ священника Іоанна Кипріянова 50 к., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 1 р. 15 к., собрано отъ разныхъ лицъ: священникомъ Іоанномъ Оглоблинымъ 4 р. 20 к., священникомъ Симеономъ Мухивымъ 4 р. 62 к., отъ священника Владиміра Ястремскаго 1 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 1 р., отъ протоіерея Андрея Попова 3 р., отъ священника Дмитрія Попова 1 р. 25 к., собрано священникомъ Ѳеодоромъ Рудинскимъ отъ разныхъ лицъ 2 р. 50 к., отъ протоіерея Максима Лобковскаго 3 р., отъ протоіерея Георгія Попова 3 р., отъ священника Михаила Согина 3 р., отъ священника Алексѣя Булгакова 3 р.,

отъ священника Іоанна Нигровскаго 3 р., отъ священника Поликарпа Соболева 3 р., отъ священника Николая Жебенева 3 р., отъ священника Іакова Макухина 3 р., отъ священника Григорія Попова 3 р., отъ крестьянина Івана Левенець 3 р., отъ священника Митрофана Сильванскаго 3 р., отъ священника Симеона Петрова 3 р., отъ священника Николая Филевскаго 3 р., отъ священника Алексѣя Грекова 3 р., отъ священника Петра Григоровича 3 р., отъ священника Іакова Иванова 3 р., отъ священника Василя Попова 3 р., отъ священника Стефана Любickaго 3 р., отъ Симеона Кустовскаго 1 р. 50 к., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 50 к., собрано отъ разныхъ лицъ: священникомъ Александромъ Соболевымъ 1 р., священникомъ Митрофаномъ Иванцкимъ 3 р., протоіереемъ Георгіемъ Поповымъ 1 р., священникомъ Іаковымъ Ивановымъ 2 р. 10 к., священникомъ Петромъ Григоровичемъ 2 р. 25 к., священникомъ Николаемъ Жебеневымъ 50 к., священникомъ Василіемъ Поповымъ 99 к., священникомъ Михаиломъ Согинымъ 1 р. 25 к., священникомъ Іаковымъ Нигровскимъ 1 р. 20 к., священникомъ Дмитріемъ Ветуховымъ 3 р., священникомъ Николаемъ Будянскимъ 1 р. 40 к., отъ священника Григорія Попова 50 к., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 50 к., собрано отъ разныхъ лицъ: священникомъ Митрофаномъ Сильванскимъ 75 к., священникомъ Алексѣемъ Грековымъ 1 р., отъ священника Николая Филевскаго 1 р., собрано отъ разныхъ лицъ: священникомъ Симеономъ Петровымъ 1 р. 50 к., собрано протоіереемъ Максимомъ Лобковскимъ 2 р. 15 к., священникомъ Іаковымъ Макухинымъ 5 р., священникомъ Михаиломъ Инниковымъ 2 р. 16 к., отъ княгини Ольги Павловны Кавкасидзевой 60 р., получено кружечнаго сбора отъ церквей 1 окр. Лебедянскаго уѣзда 20 руб 77 к., отъ протоіерея П. Солнцева 3 р., отъ священника П. Четверикова 3 р., отъ священника А. Григорепкова 3 р., отъ діакона Балановскаго 1 р., отъ игумена Дидерія 3 р., отъ іеромонаха Дометія 2 р., отъ іеромонаха Анатолія 1 р., отъ брагій Раснянскаго монастыря 3 р. 7 к., отъ Николая Алексѣевича Жевержеева 3 р., отъ Василя Федоровича Федорова 3 р., отъ титулярнаго совѣтника Михаила Никоновича Шведова 3 р., отъ губернскаго секретаря Константина Ивановича Касьянова 3 р., отъ священника Іоанна Приходина 3 р., отъ діакона Алексѣя Брайловскаго 3 р., отъ ректора Харьковской духовной семинаріи, протоіерея Г. А. Кратирова 5 руб., отъ преподавателей Харьковской духовной семинаріи: Валентина Тимофеевича Леонтовича 3 р., отъ Алексѣя Федоровича Вертеловскаго 3 р., отъ Александра Алексѣевича Снѣгирева 3 р., отъ Івана Викторовича Кудревича 3 р., отъ Михаила Васильевича Добронравова 3 р., отъ Теодора Ивановича Садова 3 р., отъ Николая Платоновича Маллиновскаго 3 р.; отъ Івана Алексѣевича Соловьева 3 р., отъ Николая Львовича Львова 3 р., отъ

Петра Никифоровича Кигимова 6 р., собрано священникомъ Аристархомъ Поповымъ отъ разныхъ лицъ 2 р., отъ протоіерея Симеона Илларионова 3 р., получено изъ Харьковскаго городскаго купеческ. банка по 14-ти билетамъ вѣчныхъ вкладовъ полугодныхъ процентовъ 46 р. 31 к.

Итого въ мартѣ мѣсяцѣ 1886 года поступило 425 р. 83 к.

А всего съ поступившими съ 1-го января 1886 года 2814 р. 23 к.

Всѣхъ ревнителей православія, сочувствующихъ св. дѣлу распространенія онаго между язычниками, Комитетъ покорнѣйше проситъ доставлять свои пожертвованія непосредственно въ Комитетъ при Архіерейскомъ домѣ или вручать своимъ приходскимъ священникамъ.

Въ члены общества могутъ поступать лица всякаго званія, состоянія и пола; отъ члена требуется ежегодный взносъ не менѣе *трехъ* рублей, или-же одновременно не менѣе шестидесяти рублей.

Списокъ лицъ Харьковской епархіи, кои за службу по епархіальному вѣдомству Всемиловѣйше удостоены въ 13 день апрѣля 1886 года наградъ, Высочайше жалуемыхъ.

Награждены орденомъ св. Владиміра 4 степени: города Харькова, Троицкой церкви, протоіерей Николай *Лашенковъ* и города Сумъ, соборной Преображенской церкви, протоіерей Василій *Никольскій*; орденомъ св. Анны 2 степени: Старобѣльскаго уѣзда, церкви слободы Алексѣевки, протоіерей Григорій *Поповъ*; орденомъ св. Анны 3 степени: города Харькова, Крестовоздвиженской церкви, протоіерей Андрей *Щелкуновъ*; Харьковскаго уѣзда, церкви слободы Безлюдовки, протоіерей Іоаннъ *Хижняковъ*; города Купянска, Николаевской церкви, протоіерей Александръ *Оминъ*; Валковскаго уѣзда, церкви слободы Одрячки, протоіерей Дмитрій *Сильванскій*; города Харькова, Николаевской церкви, священникъ Панкратій *Ивановъ*; Харьковскаго уѣзда, церкви слободы Деркачей, священникъ Дмитрій *Решивскій*.

Списокъ священнослужителей Харьковской епархіи, кои за службу по военному и гражданскому вѣдомствамъ Всемиловѣйше удостоены въ 13-й день апрѣля 1886 года наградъ, Высочайше жалуемыхъ.

Награждены орденомъ св. Владиміра 3 степени: города Ахтырки, соборной Покровской церкви, протоіерей Игнатій *Клементьевъ*; орденомъ св. Анны 3 степени: города Изюма, кладбищенской Покровской церкви, священникъ Александръ *Анисимовъ*; Старобѣльскаго уѣзда, церкви слободы Бѣловодска, протоіерей Алексѣй *Инноковъ*.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Указомъ Правительствующаго Сената, отъ 1 мая сего 1886 года, за № 41, произведены за выслугу лѣтъ въ чины слѣдующія лица: Смотритель Ахтырскаго духовнаго училища коллежскій совѣтникъ Матвѣй *Преображенскій* въ статскіе совѣтники; преподаватели семинаріи: надворный совѣтникъ Иванъ *Кудревичъ* въ коллежскіе совѣтники, коллежскій ассесоръ Михайлъ *Добронравовъ* въ надворные совѣтники, и помощникъ инспектора семинаріи коллежскій ассесоръ Георгій *Фолте*—въ надворные совѣтники; секретарь епархіальнаго Архіепископа титулярный совѣтникъ Сергѣй *Соколовскій* въ коллежскіе ассесоры и канцелярскіе служители канцеляріи: Митрофанъ *Ведринскій* и Иванъ *Коробкинъ*—въ коллежскіе регистраторы.

— Священникъ Старобѣльскаго Покровскаго собора Іоаннъ *Косьяновъ*, резолюціею Его Высокопреосвященства, утвержденъ духовникомъ 1-го Старобѣльскаго округа.

— Діаконъ Пятницкой церкви слоб. Бакировка, Ахтырскаго уѣзда, Іаковъ *Григоровичъ* 25 апрѣля 1886 г. волею Божіею умеръ.

— Духовникомъ 1-го Волчанскаго округа утвержденъ Его Высокопреосвященствомъ протоіерей Волчанскаго собора Арсеній *Павловъ*.

— Священникъ Покровской церкви слободы Ямной, Богодуховскаго уѣзда, Тимоѣей *Сапухинъ*, 14 мая 1886 года, волею Божіею умеръ; на священническое мѣсто къ церкви слободы Ямной переведенъ священникъ Николаевской церкви села Новой Рябины, Богодуховскаго уѣзда, Андрей *Сапухинъ*, а на мѣсто послѣдняго переименъ священникъ Троицкой церкви села Нижняго Бурлука, Волчанскаго уѣзда, Виталій *Ястремскій*.

— На праздное псаломщицкое мѣсто при Вознесенской церкви сл. Евфремовки, Волчанскаго уѣзда, резолюціею Его Высокопреосвященства, послѣдовавшей 15 мая н. г., переименъ псаломщикъ слоб. Черемушнаго, Валковскаго уѣзда, Василій *Поморцевъ*, а на мѣсто послѣдняго опредѣленъ сынъ діакона Петръ *Крыжановскій*.

— На мѣсто уволеннаго отъ мѣста, по прошенію, псаломщика сл. Байдовки, Старобѣльскаго уѣзда, Іоанна Кузнецова, опредѣленъ дьячковскій сынъ Николай *Гавриловъ*.

— Псаломщикъ Николаевской церкви села Березоваго, Харьковскаго уѣзда, Павелъ *Терновскій* умеръ, а на мѣсто его опредѣленъ сынъ его Василій *Терновскій*.

— Опредѣленъ сверхштатнымъ псаломщикомъ сынъ протоіерея Гряго-

рій *Стефановскій* къ Христорождественской церкви села Гавриловки, Харьковскаго уѣзда.

— Опреѣленъ в. д. псаломщика при Покровской церкви, села Смородьковки, Купянскаго уѣзда, сынъ псаломщика Константинъ *Поповъ*.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: къ Чугуевской домовой полугоспитальной Георгіевской церкви, губернской секретарь Спирidonъ *Осмоловскій*, къ Чугуевской кладбищенской Скорбященской церкви крестьянинъ Михаилъ *Ивановъ*.

— Старостою къ Троицкой церкви села Проруба, Сумскаго уѣзда, Его Высокопреосвященствомъ утвержденъ крестьянинъ Иванъ Ивановъ *Ганишевскій*.

— Старостою къ Николаевской церкви сл. Червленой, Лебединскаго уѣзда, Его Высокопреосвященствомъ утвержденъ Маркъ Игнатьевъ *Цыкало*.

— Старостою къ Троицкой церкви сл. Должика, Лебединскаго уѣзда, Его Высокопреосвященствомъ утвержденъ крестьянинъ Стефанъ Ивановъ *Божко*.

— Старостою Николаевской церкви села Влѣзекъ, Лебединскаго уѣзда, Его Высокопреосвященствомъ утвержденъ крестьянинъ Иванъ *Шокочыло*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

Содержаніе: Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москвѣ 15 Мая — Къ вопросу о борьбѣ со штундизмомъ въ южныхъ епархіяхъ.—Предложеніе Нижегородскаго Преосвященнаго.—Упущеніе въ правилахъ крестьянскаго земельного банка.—Церковно-приходскія школы.—Стремленіе къ православію среди эстонцевъ.—Проектъ обязательнаго страхованія жизни рабочихъ.—Новая тарифная такса для международной телеграфной корреспонденціи.

— 15 мая, въ высокотожественный день Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, въ Большомъ Успенскомъ соборѣ, въ 9 часовъ утра, началась божественная литургія, которую совершалъ митрополитъ Московскій со старшимъ духовенствомъ. Въ храмѣ собрались находящіеся въ Москвѣ министры и другія высшія начальствующія лица и должностныя лица всѣхъ вѣдомствъ. Соборъ былъ такъ переполненъ, что нѣкоторые изъ высшихъ начальствующихъ лицъ принуждены были остаться на паперти.

Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Высочества Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великіе Князья Георгій и Михаилъ Александровичи, Великія Княжны Ксенія и Ольга Александровны, Великіе Князья Алексій Александровичъ и Сергій Александровичъ

съ супругою Великою Княгинею Елисаветою Θεодоровной и Великій Князь Павелъ Александровичъ прослѣдовали въ Успенскій соборъ, въ сопровожденіи свиты, внутреннимъ ходомъ, который именуется патриаршимъ. Промежутокъ между соборомъ и патриаршимъ ходомъ былъ превращенъ въ крытую галерею, задрапированную внутри малиновымъ бархатомъ. Молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ отправляли митрополиты Московскій и Сербскій и преосвященные Іоаннъ, членъ Московской синодальной конторы, Петръ, настоятель Новоспасскаго монастыря и викаріи московскіе Мисаилъ и Александръ, въ сослуженіи протопресвитера, четырнадцати архимандритовъ и старѣйшихъ протоіереевъ. При возгласеніи многолѣтія Его Величеству, съ Тайницкой башни грянула салютаціонная пушечная пальба и раздался звонъ всѣхъ кремлевскихъ соборовъ. Приложившись ко кресту, Ихъ Величества, въ соупутствіи Ихъ Высочествъ и многочисленной блестящей свиты, прослѣдовали изъ Успенскаго собора при звонѣ колоколовъ, пушечной пальбѣ и ликованіи массъ народныхъ, напомнившихъ пространство между соборами и всю Кремлевскую площадь, въ Архангельскій соборъ. Все участвовавшее въ богослуженіи духовенство предшествовало Ихъ Величествамъ въ облаченіяхъ, при чемъ высокопреосвященный Іоанникій шелъ со Св. Крестомъ въ рукахъ, а пѣвчіе, впереди шествія, пѣли „Спаси Господи люди Твоя“. Въ Архангельскомъ соборѣ Ихъ Величества и Ихъ Высочества приложились къ мощамъ св. Димитрія Царевича, память коего празднуется 15 мая и затѣмъ, также предшествоваемые духовенствомъ, прослѣдовали среди народа къ Красному крыльцу. Все духовенство осталось внизу его, а владыка-митрополитъ со крестомъ поднялся, предшествуя Ихъ Величествамъ, на верхнюю площадку Краснаго крыльца и занялъ мѣсто на правой сторонѣ площадки, обратившись лицомъ къ собору. Ихъ Величества заняли правую сторону площадки и поклонились народу, при его восторженныхъ кликахъ, сопровождавшихся звономъ колоколовъ и пальбою. Глубоко торжественна и трогательна была эта минута третьей годовщины дня Священнаго Коронованія.

По возвращеніи во дворецъ, у Ихъ Велиществъ былъ фамилный завтракъ въ собственныхъ покояхъ; для высшихъ-же начальствующихъ лицъ и свиты сервированъ былъ завтракъ въ Золотой палатѣ.

Послѣ завтрака Ихъ Величества вмѣстѣ съ Августѣйшими дѣтьми и Великими Князьями ошастливили своимъ посѣщеніемъ университетъ, гдѣ слушали концертъ, исполненный оркестромъ и хоромъ студентовъ. Для концерта приготовлена была зала минера-

логическаго кабинета, прилегающая къ актовѣй. Обѣ залы были убраны растеніями изъ Университетскаго ботаническаго сада. Прибыли Ихъ Величества въ университетъ въ 2 часа 20 минутъ. На дворѣ, отъ воротъ до подъѣзда и по галлерей, ведущей въ актовую залу, а также на всемъ протяженіи залы, стояли студенты, привѣтствовавшіе Ихъ Величества восторженнымъ „ура“. При входѣ въ зданіе Ихъ Величества встрѣчены были попечителемъ учебнаго округа гр. Капнистомъ и ректоромъ университета Боголѣиновымъ и прослѣдовали среди студентовъ въ наполнившуюся уже приглашенными лицами залу концерта. Когда Государь Императоръ, проходя галлереей, поздоровался со студентами, раздалось громогласное: „здравіа желаемъ Вашѣ Императорское Величество“. Государынѣ Императрицѣ и Великой Княгинѣ Елисаветѣ Теодоровнѣ поднесены были букеты отъ университета. По занятіи Ихъ Величествами и Ихъ Высочествами мѣсть въ ложѣ, при звукахъ народнаго гимна, исполненнаго оркестромъ и хоромъ студентовъ и сопровождавшася кликами „ура“ внутри и снаружи залы, начался концертъ. Хоръ студентовъ, организованный въ 1884 году, пропѣлъ подъ управленіемъ г. Орлова: „Христосъ Воскресе, Спаси Господи люди Твоя и Ангелъ вопіаше“, а затѣмъ студенческой оркестръ исполнилъ, подъ управленіемъ г. Эрмансдэрфера, увертюру „Бѣлой Дамы“ и 1 прелюдію Баха „Meditation“. Оркестръ смѣнился хоромъ, пропѣвшимъ подъ управленіемъ г. Ликіера: „Весеннюю пѣсню“ Бларамберга, „Сѣверную Звѣзду“ Глинки и „Два Великана“ Направника; затѣмъ слѣдовали „Серенада“ Гайдна и „Менуетъ“ Боккерини, исполненные оркестромъ. Августѣйшіе посѣтители и всѣ присутствующіе неоднократно аплодизментами выражали одобреніе превосходному исполненію оркестра и хора. По окончаніи концерта Его Величество изволилъ благодарить студентовъ-исполнителей, милостиво говорилъ съ руководителями Эрмансдэрферомъ и Ликіеромъ и выразилъ признательность начальству университета. Хоръ пѣлъ гимнъ, на улицѣ раздавались клики тысячъ народа, и при такомъ общемъ ликовааніи, Ихъ Величества по пути, который распорядители изъ студентовъ усыпали цвѣтами, прослѣдовали къ экипажу и отбыли изъ университета около 3 часовъ дня во дворецъ.

Въ этотъ-же день, и лицей Цесаревича Николая удостоился высокою чести посѣщенія Ихъ Величествами, въ сопровожденіи Государя Наслѣдника Цесаревича и Ихъ Высочествъ Великихъ Князей Георгія Александровича, Сергія Александровича и Великой Княгини Елисаветы Теодоровны. Еще наканунѣ, въ ожиданіе этого посѣ-

щенія, собирались массы народа изъ окрестныхъ мѣстъ на Остоженкѣ предъ лицеемъ и въ Крымскомъ проѣздѣ. Прибытіе Ихъ Величествъ около 5 часовъ было еще издалека возвѣщено народными кликами. Предварительно-же прибыли въ зданіе лицаеа князь В. А. Долгоруковъ и вскорѣ за нимъ графъ Д. А. Толстой, въ управленіе котораго министерствомъ народнаго просвѣщенія было основано это учебное заведеніе. Ихъ Величества были встрѣчены на подѣздѣ основателемъ и директоромъ лицаеа М. Н. Катковымъ, вмѣстѣ со старшими учителями, тьюторами и преподавателями. Воспитанники всѣхъ возрастовъ, начиная отъ приготовительнаго класса до университетскаго отдѣленія лицаеа, стояли шпалерами по лѣстницѣ, украшенной тропическими растеніями и наполняли ея площадки до актовъ залы. Юное населеніе лицаеа встрѣтило Ихъ Величества восторженными кликами, усыпая путь Ихъ цвѣтами. Трое дѣтей приготовительнаго класса поднесли Государынѣ Императрицѣ букетъ. Въ актовъ залѣ, примыкающей къ церкви, настоятель оной встрѣтилъ Ихъ Величества съ крестомъ и святою водою, причемъ хоръ учениковъ пропѣлъ „Спаси Господи люди Твоя“.

Затѣмъ Ихъ Величества и Ихъ Высочества вступили въ рекреационную залу, гдѣ еще стояли декораціи бывшаго греческаго спектакля. Здѣсь воспитанники всею массою пропѣли народный гимнъ.

Изъ рекреационной залы Ихъ Величества прослѣдовали въ отдѣленіе старшихъ гимназическихъ классовъ, а затѣмъ вступили въ библіотеку, гдѣ Августѣйшіе посѣтители изволили начертать свои имена въ альбомѣ лицаеа, и перешли чрезъ учительскую комнату въ пріемную залу, гдѣ Его Величеству, Августѣйшему покровителю лицаеа, были представлены директоромъ старшіе учителя онаго.

Затѣмъ Августѣйшіе посѣтители изволили подняться на четвертый этажъ лицаеа, въ студенческое отдѣленіе, гдѣ встрѣтили Ихъ восторженными кликами собравшіеся студенты, только что возвратившіеся изъ университета, гдѣ они участвовали въ общемъ празднествѣ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ были распорядителями и исполнителями въ оркестрѣ. Чрезъ столовую студентовъ, Ихъ Величества прошли по корридорамъ студенческихъ комнатъ и входили въ нѣкоторыя изъ нихъ. Спускаясь, Ихъ Величества входили въ одинъ изъ пансіоновъ лицаеа и осмотрѣли его дортуаръ и комнаты для занятій учениковъ. При отѣздѣ Ихъ Величествъ, во второмъ этажѣ, Имъ имѣли счастье представиться ученицы женской классической гимназіи С. Н. Фишеръ, съ которою Августѣйшіе посѣтители милостиво бесѣдовали. Послѣ этого при оглуши-

тельно-восторженныхъ кликахъ воспитанниковъ лица, усыпавшихъ путь цвѣтами, Ихъ Величества отбыли изъ лица въ мѣщанское училище, находящееся на Калужской улицѣ. У входа училища Ихъ Величества и Ихъ Высочества встрѣчены были старшиной купеческаго сословія, учредившаго это училище, Н. Сергѣевымъ, и попечителемъ училища Третьяковымъ и обошли, въ сопровожденіи генераль-губернатора князя В. А. Долгорукова и всего училищнаго начальства, церковь и помѣщенія мужскаго и женскаго отдѣленій училища, причемъ дѣти встрѣчали Ихъ пѣніемъ гимна,—и Куманинскую богадѣльню. Въ женскомъ отдѣленіи Ихъ Величества разсматривали рукодѣлія ученицъ; Государыня Императрица благоволила принять поднесенную ей работу дѣвочекъ—шитье по полотну. При отъѣздѣ Ихъ Величествъ, воспитанники наполнили весь дворъ училища и здѣсь провожали Высокихъ гостей.

Изъ мѣщанскаго училища, по Садовой улицѣ, и далѣе чрезъ Таганку и Покровскую заставу, Ихъ Величества и Ихъ Высочества направились по Нижегородскому шоссе въ имѣніе Московскаго губернскаго предводителя дворянства, графа С. Д. Шереметева. Въ лежащихъ по пути селеніяхъ: деревнѣ Хохловкѣ, селѣ Карачаровѣ, деревнѣ Вязовкахъ и селѣ Вишнякахъ, дома крестьянъ украшены были флагами и зеленью; крестьяне собрались массами и изъ сосѣднихъ селеній въ праздничныхъ костюмахъ. Въ селѣ Карачаровѣ и въ селѣ Вишнякахъ Ихъ Величества встрѣчаемы были около храмовъ духовенствомъ съ хоругвями, при звонѣ колоколовъ и соблаговолили принять хлѣбъ-соль отъ сельскихъ обществъ Карачаровскаго и Вязовскаго и въ селѣ Вишнякахъ отъ всей Вытинской волости, на деревянномъ красивомъ блюдѣ съ такою-же солонкой, имѣвшею съ верху два перекрещенные снопа. Въ селѣ Вишнякахъ встрѣчалъ вѣнценосныхъ гостей владѣлецъ Кускова графъ С. Д. Шереметевъ. По прибытіи въ Кусково, Ихъ Величества встрѣчены были у храма священникомъ и, войдя въ церковь, прослушали краткое молебствіе при пѣніи синодальныхъ пѣвчихъ. У входа во храмъ Ихъ Величества приняли хлѣбъ-соль отъ владѣльца имѣнія и прослѣдовали изъ храма въ домъ роскошно украшенный внутри растеніями, и имѣли здѣсь въ 8 часовъ обѣденный столъ. Въ Кусково прибыли также Великіе Князья Алексій и Павелъ Александровичи и свита Ихъ Величествъ. Обратный путь Ихъ Величествъ освѣщался бенгальскими огнями и иллюминаціей отъ крестьянъ на всемъ протяженіи отъ Кускова до Москвы, причемъ массы народа, ожидавшія до поздней поры проѣзда Августѣй-

шихъ путешественниковъ, привѣтствовали Ихъ на всемъ пути своими кликами.

— Въ южныхъ епархіяхъ принимаются мѣры для борьбы съ штундизмомъ. По почину предсѣдателя Одесскаго Андреевскаго братства, о. ректора семинаріи прот. М. Чемени, 2 апрѣля въ одной изъ залъ семинаріи, съ разрѣшенія высокопреосв. Никанора, происходило собесѣдованіе крестьянина-миссіонера означеннаго братства. Въ виду ознакомленія оканчивающихъ воспитанниковъ съ дѣломъ противодѣйствія штундѣ, цѣлью собесѣдованія было—указать, какъ ведутся миссіонеромъ-самоучкой бесѣды со штундистами. Въ присутствіи наставниковъ и воспитанниковъ старшихъ трехъ классовъ, собесѣдованіе открылось въ 1 часъ дня рѣчью о. ректора семинаріи. Живо изобразивъ основныя положенія штундизма и опасности этого лжеученія не только для религіозной, но и для общественной и государственной жизни по началамъ, проводимымъ штундистами весьма осторожно и тайно, подъ видомъ ученія слова Божія, представивъ далѣе распространеніе штундизма въ народной массѣ и недовѣріе послѣдней къ авторитету пастырей, о. ректоръ замѣтилъ, что штундисты довѣрчивѣе относятся къ выходцамъ-пачетчикамъ изъ своей среды и что братство, въ виду этого, въ числѣ другихъ средствъ, пользуется также дѣятельностью крестьянъ-миссіонеровъ. Затѣмъ предложено было миссіонеру указать, какъ ведетъ онъ свои бесѣды. Послѣдній, начавъ съ вопроса о крещеніи, отвергаемомъ штундистами, какъ сектой выродившейся изъ анабаптизма, повелъ свою рѣчь эротематически, самъ задавая себѣ вопросы и опровергая ихъ на основаніи Св. Писанія. Говорилъ о крестѣ и крестномъ знаменіи, объ иконахъ и иконопочитаніи и проч. Къ отличительнымъ чертамъ бесѣды миссіонера самоучки нужно отнести замѣчательное знаніе Священнаго Писанія: онъ, на выдержку, совершенно свободно цитируетъ не только главы даннаго мѣста изъ библіи, но и стихи, и читаетъ цитируемое наизусть по русскому тексту.

Между тѣмъ получаютъ утѣшительныя свѣдѣнія объ усиленной миссіонерской дѣятельности среди штундистовъ отдѣльныхъ приходскихъ священниковъ. Такъ, по сообщенію „Кіевлянина“, священникъ села Малой Березянки, Таращ. у., Кіев. губ., гдѣ въ послѣдніи десять лѣтъ значительно усилился штундизмъ, особенно вслѣдствіе вліянія мѣстнаго поселянина Пимена Сиренко, началъ настойчиво увѣщевать и поучать свою паству, предохраняя ее отъ губельнаго вліянія Сиренко, и наконецъ труды священника увѣн-

чались неожиданнымъ успѣхомъ: самый ярый фанатикъ Пименъ вернулся въ лоно православной Церкви и уговорилъ часть своихъ послѣдователей бросить ересь, чистосердечно сознавшись, что самъ заблуждался и теперь только прозрѣлъ и видитъ всю нелѣпость и несостоятельность штундистскаго ученія. На послѣдней недѣлѣ поста бывший пресвитеръ Пименъ, а съ нимъ и много бывшихъ штундистовъ говѣли и приобщались св. таинъ въ день Воскресенія Господня. На второй день праздника, во время обѣдни, священникъ совершилъ таинство крещенія надъ дѣтьми Пимена и другихъ бывшихъ штундистовъ, причемъ сказалъ глубоко прочувствованную проповѣдь о таинствѣ крещенія. На обѣднѣ, во время крещенія, присутствовало много штундистовъ изъ этого и окрестныхъ селъ, на душу которыхъ, видимо, не безплодно упали слова проповѣди, такъ что послѣ обѣдни всѣ они просили священника назначить день, когда-бы они могли съ нимъ побесѣдовать, что онъ съ готовностью и обѣщалъ.

— Начала, положенныя въ основу опредѣленій Казанскаго помѣстнаго собора, начинаютъ примѣняться въ церковно-религіозной жизни поволжскихъ епархій. Преосвящ. Модестъ нижегородскій обращаетъ особенное вниманіе на вопросъ объ отношеніи православнаго духовенства къ старообрядцамъ—въ видахъ практическаго приложенія гуманнѣйшихъ, истинно-христіанскихъ началъ названнаго собора въ этомъ отношеніи. Замѣтивъ, что приходскіе священники обыкновенно оставляютъ безъ всякаго вниманія проживающихъ въ ихъ приходахъ старообрядцевъ, преосв. Модестъ въ предложеніи мѣстной консисторіи говоритъ, что такое отношеніе священниковъ къ старообрядцамъ нельзя назвать правильнымъ и оно должно измѣниться согласно духу постановленій Казанскаго собора. Вслѣдствіе этого его преосвященство считаетъ обязательнымъ: 1) Чтобъ пастырь каждаго прихода узналъ состояніе старообрядчества и разныхъ сектъ въ области своего прихода, считалъ себя обязаннымъ заботиться объ обращеніи ихъ путемъ увѣщанія и сближенія и другими способами, признанными высшею духовною властію и опытомъ полезными, и ежегодно давалъ отчетъ епархіальному начальству о числѣ раскольниковъ въ его приходѣ, ихъ ученіи и состояніи, увеличеніи или уменьшеніи ихъ и о способахъ, какіе по мнѣнію ихъ можно-бы съ пользою употреблять для ихъ обращенія. 2) Чтобы благочинные обратили особенное вниманіе на старообрядцевъ, уклоняющихся отъ св. Церкви: а) при обзрѣніи церквей они должны съ настоятелями составить округъ каждаго прихода, въ который-бы

входили мѣстности, зараженныя расколомъ, и эти мѣстности настоятели должны считать своими приходами, имѣть общеніе съ держащимися старообрядчества и раскола, увѣщевать ихъ и давать объ нихъ отчетъ благочинному ежегодно, а благочинные эти отчеты съ своими отзывами представляли-бы преосвященному; б) благочинные должны обращать вниманіе, нѣтъ-ли въ извѣстномъ округѣ или благочиніи раскольническаго лжеепископа или расколоучителя, который совращаетъ православныхъ въ расколъ. Всѣ священники должны слѣдить за тѣмъ-же и доносить благочинному: если найдется такой расколоучитель и совратитель, благочинный-же немедля доносить преосвященному.

Въ томъ-же предложеніи преосв. Модестъ настаиваетъ на усиленіи проповѣдничества, и притомъ проповѣдничества не книжнаго, а живаго, изустнаго. „Учившіеся въ семинаріи, говоритъ архипастырѣ, учились въ ней и произносить проповѣди экспромтомъ. Проповѣдь, написанная по всѣмъ правиламъ, часто бываетъ безплодна и непонятна для людей простыхъ. А для того, чтобы говорить экспромтомъ, слѣдуетъ только напередъ обдумать тему и доказательства, какія проповѣдникъ хочетъ изложить въ своихъ поученіяхъ. Особенно легко достигнуть этого въ поученіяхъ о символѣ вѣры, молитвѣ Господней, заповѣдяхъ и о разныхъ недостаткахъ прихожанъ. Слѣдуетъ только избѣгать выраженій вульгарныхъ и указанія на лица при обличеніи пороковъ. Способъ такого произнесенія сперва покажется труднымъ, а потомъ обычнымъ, и чрезъ такое произнесеніе откроется проповѣдническая способность у многихъ лицъ. Поэтому предлагаю консисторіи предписать всѣмъ настоятелямъ церквей епархіи, чтобы проповѣдь была при каждомъ богослуженіи экспромтомъ или печатная. А богослуженія въ воскресные и праздничные дни должны совершаться неопустительно, по уставу. За неопустительнымъ богослуженіемъ должны наблюдать благочинные, которые должны нынѣ-же вытребовать богослужебные журналы и прослѣдить по нимъ, всегда-ли совершались богослуженія, правильно-ли ведутся записи о совершеніи богослуженія и когда были опущенія. Въ дни воскресные и праздничные вечерни должны совершаться по уставу съ возможно большею торжественностію, при пѣніи хоровъ, которые вездѣ должны быть заведены. Послѣ вечерни должны быть собесѣдованія съ прихожанами о предметахъ вѣры и нравственности или чтенія житій св. отецъ, толкованія на Свящ. Писаніе и проч.

— Практика крестьянскаго банка доказала безспорно пользу, при-

носимую этимъ учрежденіемъ, такъ что и самые ярые противники этого, какъ его въ насмѣшку называли, „мужицкаго“ банка—умолкли. Банкъ дѣйствуетъ—выдаетъ ссуды и, какъ показываютъ отчеты, съ его помощью очень многіе изъ крестьянъ и крестьянскихъ обществъ приобрѣли значительные участки земли, столь необходимые имъ для поддержанія хозяйства. Но вотъ „Русскія Вѣдомости“ обращаютъ вниманіе на одно весьма важное упущеніе въ правилахъ крестьянскаго банка — упущеніе, вслѣдствіе котораго многіе лишаются возможности пользоваться услугами банка. Рѣчь идетъ о тѣхъ крестьянахъ, которые, еще до открытія этого благотѣльнаго учрежденія, вошли въ сдѣлки съ землевладѣльцами, совершили уже купчія крѣпости на купленную ими землю, но денегъ еще не успѣли взвести. Условія такого рода покупки очень тяжелы для крестьянъ: выплачивать условенныя суммы они должны аккуратнѣйшимъ образомъ, и малѣйшая просрочка влечетъ за собой печальныя послѣдствія. Имъ-бы, конечно, лучше всего взять въ банкъ подъ свою землю ссуду и расквитаться съ кредиторами, но вотъ тутъ-то и „запятая“. „Банкъ“, замѣчаютъ „Русск. Вѣд.“, „имѣетъ право давать деньги на *покупку* земли, но земля тутъ *считается уже купленною*, т. е. крестьянскою собственностью. Всѣ правила крестьянскаго банка не подходятъ къ этого рода дѣламъ; если-бы онъ могъ давать деньги только подъ *залогъ* крестьянскихъ земель, подобно дворянскому и частнымъ земельнымъ банкамъ, мужики взяли-бы ссуду и расчитались съ своими кредиторами, избавясь отъ неустоекъ и процентовъ; но *покупочный* банкъ не можетъ этого дѣлать. Онъ и деньги выдаетъ не покупщику въ руки, а продавцу—въ уплату за землю, а тутъ кому ихъ выдавать? покупщику—нельзя, по отсутствію увѣренности, что послѣдній дѣйствительно употребитъ деньги по назначенію; не можетъ банкъ выдать денегъ и продавцу, потому что послѣдній уже получилъ всю продажную цѣну векселями и другими обязательствами. Наконецъ, бываютъ еще случаи, когда продавецъ и въ дѣйствительности получилъ все, что ему слѣдовало, но покупщикъ добылъ деньги на уплату у постороннихъ лицъ, которыя также сумѣли набрать у него всякихъ обязательствъ, закладныхъ и неустоечныхъ записей. Какъ выдти изъ такого положенія? Помощь банка въ этихъ случаяхъ вполнѣ соотвѣтствовала-бы цѣли его учрежденія, такъ какъ, во 1-хъ, она выпутала-бы мужика изъ тяжелаго положенія, а во 2-хъ, на самомъ дѣлѣ, *неформально*, эта помощь содѣйствовала-бы именно покупкѣ, фактически еще не состоявшейся и числящейся

совершившеюся *только* по документамъ. Но формальная препона слишкомъ сильна и мѣшаетъ банку оказать свое благотворное дѣйствіе. Помочь, когда у крестьянъ есть уже въ рукахъ купчая крѣпость, банкъ не въ состояніи, какъ-бы они ни запутались въ долгахъ“.

Кажется, нѣтъ никакихъ затрудненій включить и этихъ крестьянъ въ число имѣющихъ право пользоваться услугами крестьянскаго банка.

— Дѣло народнаго образованія, со времени изданія правилъ о церковно-приходскихъ школахъ, быстро подвигается впередъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ изъ епархій въ училищный совѣтъ при Святѣйшемъ Синодѣ, всѣхъ церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности до 13 іюня 1884 года состояло 4,547 (изъ нихъ 3,088 церковно-приходскихъ и 1,459 школъ грамотности). Въ нихъ учащихся обоюга пола было 105,148 человекъ (77,879 въ церковно-приходскихъ школахъ и 27,269 въ школахъ грамотности). 13 іюня 1884 года, какъ извѣстно, Высочайше утверждены „Правила о церковно-приходскихъ школахъ“, вызвавшія въ обществѣ усиленное стремленіе къ открытію новыхъ школъ. Со времени обнародованія этихъ правилъ къ 1 января 1885 года вызвано къ существованію 2,007 школъ (изъ нихъ 1,167 церковно-приходскихъ и 840 школъ грамотности); учащихся въ нихъ состоитъ 48,845 человекъ обоюга пола (въ церковно-приходскихъ школахъ 33,771 и въ школахъ грамотности 15,074). По количеству школъ и учащихся въ нихъ, первое мѣсто въ ряду другихъ епархій занимаетъ Кіевская (1,002 школы и 36,229 учащихся), за нею слѣдуетъ Подольская (814 школъ и 21,228 учащихся), Минская (661 школа и 12,379 учащихся), Могилевская (654 школы и 14,634 учащихся), Литовская (321 школа и 7,268 учащихся), Владимірская (209 школъ и 3,685 учащихся), Тверская (193 школы и 5,411 учащихся), Вятская (165 школъ, и 4,981 учащихся), Калужская (139 школъ и 3,435 учащихся), Екатеринославская (129 школъ и 4,129 учащихся), Волынская (112 школъ и 2,094 учащихся), Самарская (104 школы и 3,289 учащихся) и др. Пособія церковно-приходскимъ школамъ изъ суммъ, имѣющихся въ распоряженіи Св. Синода, выдано за 1885 годъ постояннаго 3,050 рублей (самымъ большимъ постояннымъ пособіемъ пользовались Казанская епархія—въ 1,000 р.) единовременнаго 29,180 р. (самымъ большимъ единовременнымъ пособіемъ пользовались Литовская и Полоцкая епархія); кромѣ того, епархіямъ выдано книгъ на сумму 20,073 руб. 18 коп. (болѣе другихъ получили Литовская и Минская епархія). Въ текущемъ

1886 году изъ сводальныхъ суммъ выдано на нужды церковно-приходскихъ школъ 23,400 рублей „единовременнаго пособія“ и книгъ на сумму 14,390 руб. 50 коп.

— Въ настоящемъ году истекаетъ 300 лѣтъ съ основанія или, вѣрнѣе, съ возобновленія Курска въ 1586 году, вмѣстѣ съ Воронежомъ и Ливнами, Орловской губ., — въ царствованіе царя Θεодора Иоанновича, по повелѣнію правителя Бориса Годунова. Въ первый разъ названіе Курска упоминается въ лѣтописи преподобнаго Нестора, подъ 1095 г., но во время нашествія татаръ на русскую землю Курскъ былъ опустошенъ ими и нѣсколько столѣтій послѣ того находился въ запустѣніи. Мѣсто прежняго Курска успѣло уже за это время зарости дремучими лѣсами. По повелѣнію Бориса Годунова, здѣсь была построена неприступная по тому времени крѣпость. Но день заложенія города, равно какъ и день объявленія указа о постройкѣ его, извѣстенъ исторіи. Къ сожалѣнію, замѣчаетъ „Кур. Лис.“, городское управленіе ничего не предпринимаетъ насчетъ ознаменованія чѣмъ-либо предстоящаго 300-лѣтняго юбилея Курска. Статистическій комитетъ тоже, кажется, не намѣренъ ознаменовать юбилей изданіемъ какихъ-либо документовъ по исторіи Курска, какъ это сдѣлалъ воронежскій статистическій комитетъ, по случаю 300-лѣтней годовщины Воронежа.

— Изъ Дерпта въ латышскую газету „Baltijas Wehstnesis“, отъ 17 мая, пишутъ, что тамъ рѣшился перейти въ православіе студентъ-лютеранинъ Раска, по происхожденію эстонецъ, недавно окончившій курсъ наукъ въ мѣстномъ университетѣ. Онъ намѣренъ отправиться въ С.-Петербургъ для поступленія въ Петербургскую духовную академію и впоследствии сдѣлаться православнымъ священникомъ среди своихъ единоплеменниковъ въ эстонскомъ краѣ. — Изъ Викаскаго уѣзда (Эстляндской губерніи) въ эстонскую газету „Eesti Postimees“ сообщаютъ, что тамъ, въ нынѣшнемъ году, въ теченіе апрѣля, въ приходѣ Фикель, православіе распространялось среди мѣстнаго эстонскаго населенія гораздо быстрѣе, чѣмъ прежде: въ продолженіе страстной и Фоминой недѣль въ волости Кости, что въ приходѣ Мерьяма, присоединились къ православію около ста человѣкъ. Примѣру костинскихъ эстонцевъ послѣдовали вскорѣ эстонскіе крестьяне другихъ волостей въ Мерьямѣ и Фикельской волости. 20 апрѣля явились въ домъ мѣстнаго православнаго училища около пятидесяти окрестныхъ крестьянъ-эстонцевъ съ просьбой записать, что они желаютъ принять православіе. Около Юрьева дня записанные должны были быть муропомазаны. Въ

то же самое время св. таинство муропомазанія имѣло происходить надъ многими эстонцами въ приходахъ Розенталь, Мерьяма и другихъ мѣстностяхъ Викаго уѣзда, Эстляндской губерніи.

— Выработанный особой комиссіей проектъ правилъ объ отвѣтственности хозяевъ промышленныхъ заведеній за смерть и увѣчье рабочихъ, былъ препровожденъ на заключеніе совѣщательныхъ по торговой и промышленной части учреждений. Нынѣ въ министерство финансовъ поступили отзывы комитетовъ торговли и мануфактуръ, большинство которыхъ высказалось—или за необходимость значительно измѣнить предположенія комиссіи, или же за полную неудобопримѣнимость проектируемаго закона объ отвѣтственности фабрикантовъ и заводчиковъ. Резюмируя все высказанное представителями нашей индустріи, слѣдуетъ заключить, что предполагаемый законъ, по ихъ мнѣнію, не разрѣшая вполне задачи относительно обезпеченія средствъ содержанія пострадавшимъ рабочимъ, наложить на отдѣльныя предпріятія тяжесть, которой они не въ силахъ будутъ вынести. Кромѣ того, проектируемый законъ, по мнѣнію многихъ фабрикантовъ, ухудшитъ отношенія между владѣльцами промышленныхъ предпріятій и рабочими и дастъ поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ. Указывая на то, что въ Германіи отвѣтственность владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій предъ пострадавшими, существовавшая по закону 1871 года, отмѣнена и замѣнена закономъ 1884 года о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, варшавскій мануфактурный совѣтъ и фабриканты предлагаютъ замѣнить проектируемаго закона ввести у насъ законъ обязательнаго страхованія рабочихъ отъ послѣдствій болѣзней и несчастныхъ случаевъ, съ примѣненіемъ его къ мѣстнымъ условіямъ. Но, такъ какъ проектированный комиссіею законъ, кромѣ обезпеченія потерпѣвшихъ рабочихъ и ихъ семействъ, имѣетъ цѣлью уменьшить число несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ и заводахъ, то рядомъ съ закономъ объ обязательномъ страхованіи рабочихъ предполагается издать особыя правила относительно примѣненія на фабрикахъ мѣръ предосторожности, подъ страхомъ усиленныхъ штрафовъ за всякія нарушенія. Представители нашей промышленности, доказывая преимущества закона объ обязательномъ страхованіи предъ закономъ объ отвѣтственности хозяевъ фабрикъ и заводовъ за смерть и увѣчье рабочихъ, приводятъ между прочимъ то, что организція страхованія рабочихъ въ Германіи оказалась настолько практичной, что недавно послѣдовалъ новый законъ, распространяющій дѣйствіе обязательнаго страхованія на многіе

другіе классы тружениковъ, не исключая даже состоящихъ въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ государственной службы, а именно: почтовомъ, телеграфномъ и желѣзнодорожномъ.

— Съ 1-го іюня нынѣшняго года будутъ введены въ дѣйствіе новыя тарифныя таксы, установленныя для международной телеграфной корреспонденціи, на бывшей въ августѣ мѣсяцѣ минувшаго года телеграфной конференціи въ Берлинѣ. Въ виду этого, главное управленіе почтъ и телеграфовъ, какъ сообщаютъ „Нов.“, вторично внесло въ государственный совѣтъ проектъ введенія у насъ однообразнаго пословнаго тарифа для внутренней телеграфной корреспонденціи, взамѣнъ существующей нынѣ поясной тарифной системы. Главное управленіе ходатайствуетъ о томъ, чтобы ко времени введенія новой тарифной таксы для международной корреспонденціи, т. е. къ 1-му іюля этого года для внутренней телеграфной корреспонденціи были приняты нижеслѣдующія тарифныя основанія: 1) постоянную подепешную плату на всякія разстоянія—15 к.; 2) пословную: а) для корреспонденціи, обмѣниваемой въ предѣлахъ какъ Европейской, такъ и Азіатской Россіи на всякія разстоянія—5 к.; б) для корреспонденціи, переходящей изъ Европейской Россіи въ Азіатскую и обратно—10 к. и в) для городской корреспонденціи 1 к.; 3) для обмѣна сношеній въ предѣлахъ Финляндіи: А) постоянную подепешную плату (50 пенни) 12½ к. метал. и Б) пословную (10 пенни) 2½ к. Вмѣстѣ съ этимъ, главное управленіе почтъ и телеграфовъ ходатайствуетъ, чтобы, при обмѣнѣ телеграммъ общей корреспонденціи совокупно по правительственнымъ телеграфнымъ линіямъ и проводамъ желѣзныхъ дорогъ, постоянную подепешную плату оставлять въ пользу того управленія, правительственнаго и желѣзнодорожнаго, которому принадлежитъ станція подачи; изъ остальной-же тарифной таксы въ пользу желѣзнодорожнаго телеграфа отчислять по одной копѣйкѣ за каждое передаваемое по проводу слово. Для городской и пригородной телеграфной корреспонденціи предполагается установить особую таксу.

Въ синодальныхъ книжныхъ лавкахъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ

(въ Москвѣ въ зданіи синодальной типографіи, въ С.-Петербургѣ въ зданіи Св. Синода)

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

НОВЫМЪ ИЗДАНИЕМЪ НАПЕЧАТАННАЯ КНИГА

Руководство къ изученію христіанскаго православно-догматическаго богословія. Митрополита Макарія. Гр. печ. Москва. 1885 г., въ 16 д., въ бум. Ц. 40 к., въ кор. 60 к.

ТАМЪ-ЖЕ ПРОДАЮТСЯ:

Служба на каждый день первыя седмицы великаго поста. Въ 2 книгахъ, ц. п. въ 4 д. съ кнв., на бѣлой бум., Москва 1878 г. Ц. въ шагр. саф. 6 р., въ кож. 4 р. 20 к., въ бум. 3 р. 50 к.

Послѣдованіе ко св. причащенію и по св. причащеніи. Ц. п. въ бѣл. бум. Спб. Ц. въ бум. 5 к., граж. печ. въ бум. 10 к.

Оканчивается печатаніемъ въ Московской синодальной типографіи и въ скоромъ времени поступитъ въ продажу VI т. „Собранія мѣній и отзывовъ митрополита Московскаго Филарета по учебнымъ и церковно-государствен. вопросамъ“.

НОВЫЯ ПРОГРАММЫ:

Семинарскаго курса: по библейской исторіи, по священному писанію, по теоріи словесности.

Училищнаго курса: по священной исторіи и по географіи. Цѣна за каждую программу по 3 коп.

АКАФИСТЪ ПОКРОВУ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

Изд. Спб. 1886 г. церк. печ. въ 8 д. Ц. 35 коп. 32 д., ц. 20 коп.

ПОСЛѢДОВАНИЕ И АКАФИСТЪ СВ. ВЕЛИКОМУЧ. И ПОБѢДНОСЦУ ГЕОРГІЮ.

Изд. Спб. 1886 г. цер. печ. въ 8 д. Ц. 35 к. 32 д., ц. 20 коп.

Начатки христіанскаго православнаго ученія или краткая священная исторія и краткій катихизисъ.

Изд. Спб. 1886 г. церк. печ. въ 16 д., ц. 12 коп.

ИСТОРИЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХ. СЕМИНАРИИ.

Сост. Надеждинымъ. Изд. Спб. 1886 года цер. печ. въ 16 д. Ц. 8 р.

**Составъ Святѣйшаго Правительствующаго Все-
россійскаго Синода и російской церковной іе-
рархіи на 1886 годъ.**

Цѣна 20 коп.

**Сочиненія покойнаго преосвященнаго Порфи-
рія (Успенскаго).**

I. ИСТОРИЯ АЭОНА.

(три части, въ трехъ книгахъ).

Въ первой части сего сочиненія излагается исторія Аэона языческаго, за вре-
мя съ 2500 г. до Р. Х. по четвертый вѣкъ христіанскій, во второй устныя и
письменныя преданія аэонистовъ (жителей Аэона) о началѣ у нихъ христіанства
и монастырей—исторія Аэона христіанскаго мірскаго, до разоренія его магоме-
танами, т. е. съ 309 по 676 г. по Рождествѣ Христовомъ, въ третьей обширѣй-
шей части излагается исторія Аэона монашескаго—съ 676 г. по 1860 г. Къ пер-
вой изъ сихъ книгъ приложена карта Аэона.—Цѣна 3 руб.

II. Первое путешествіе въ Аэонскіе монастыри и скиты.

Означенное сочиненіе представляетъ весьма обширный сборникъ путевыхъ за-
мѣтокъ и ученыхъ изслѣдованій преосвященнаго Порфирія о церковныхъ и исто-
рическихъ памятникахъ въ аэонскихъ монастыряхъ и скитахъ, за время перваго
путешествія его по Аэону въ 1845 и 1846 годахъ. Трудъ этотъ раздѣляется на
двѣ части и каждая часть, въ свою очередь, на два отдѣла, такъ что все сочи-
неніе состоитъ изъ четырехъ отдѣльныхъ книгъ значительнаго объема. Въ текстѣ
книгъ помѣщено много снимковъ съ разныхъ историческихъ достопримѣчатель-
ностей Аэона. Къ отдѣлу первому второй части приложена карта Аэона (на че-
тырехъ листахъ), составленная на мѣстѣ самимъ преосвященнымъ Порфиріемъ,
нѣсколько снимковъ съ наиболее замѣчательныхъ древнихъ рукописей и особый
томъ приложеній, относящихся ко 2 части сей книги.

III. Второе путешествіе по св. горѣ Аэонской и описаніе скитовъ аэонскихъ

(отдѣльная книга).

Второе путешествіе преосвященнаго Порфирія на Аэонъ и вообще къ святымъ
мѣстамъ Востока относятся къ 1858—1861 г.

Въ текстѣ книги и въ „первомъ путешествіи“ находится много снимковъ съ
церковныхъ достопримѣчательностей, найденныхъ авторомъ въ разныхъ аэонскихъ
скитахъ и монастыряхъ. Цѣна за всѣ сіи 6 книгъ 6 руб.

**IV. Четыре бесѣды ФОТІЯ. Святѣйшаго Архіепископа Константинополь-
скаго и разсужденія о нихъ архимандрита Порфирія Успенскаго.**

Цѣна 1 рубль.

Означенныя бесѣды, приведенныя въ книгѣ въ греческомъ ихъ подлинникѣ,
съ русскимъ переводомъ, принадлежатъ архіепископу константинопольскому Фо-
тію,—ученѣйшему мужу своего времени и исповѣднику православія. Предметомъ
первыхъ двухъ бесѣдъ послужили нашествія русскихъ въ Царьградъ въ IX вѣкѣ.
Третья-же и четвертая бесѣды произнесены были въ церкви св. Софіи въ Кон-
стантинополѣ, по случаю окончательнаго торжества православія надъ иконобор-
ствомъ и другими ересями. Вслѣдъ за текстомъ бесѣдъ излагается историческая
и ученая ихъ оцѣнка, сдѣланная преосвященнымъ Порфиріемъ.

СПИСКИ ИМЕННЫЕ НА 1886 г:

Ректорамъ, инспекторамъ и профессорамъ духовныхъ академій и семинарій, монашествующимъ преподавателямъ духовныхъ семинарій и смстрителямъ духовныхъ училищъ, цѣна 20 коп.; лицамъ служащимъ по православному духовному вѣдомству 20 к., служащимъ въ женскихъ училищахъ духовнаго вѣдомства 20 в.

Съ разрѣшенія Св. Синода духовнымъ учрежденіямъ и лицамъ, а равно благотворительнымъ обществамъ, выписывающимъ синодальныя изданія не для торговыхъ цѣлей, а въ видахъ благотворительнаго снабженія таковыми изданіями народа по возможно дешевымъ цѣнамъ, дѣлается 10% уступка, съ дарою пересылкою книгъ, но съ тѣмъ чтобы таковыя требованія дѣлаемы были за наличныя деньги и при томъ на сумму не менѣе 25 руб. въ одинъ разъ; книгопродавцамъ же, а равно и прочимъ мѣстамъ и лицамъ при покупкѣ синодальныхъ изданій за наличныя деньги и на сумму не менѣе 25 руб. въ одинъ разъ, дѣлается 10% уступка, безъ даровой пересылки.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„СТРАННИКЪ“

НА 1886 ГОДЪ.

(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПОДЪ НОВОЮ РЕДАКЦІЕЙ).

Журналъ „Странникъ“ съ октября 1880 года издается новою редакціей, по слѣдующей программѣ:

- 1) Богословскія статьи и изслѣдованія по разнымъ отраслямъ общей церковной исторіи и историко-литературнаго знанія. — преимущественно въ отдѣлахъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ Православной Восточной и Русской жизни.
- 2) Статьи, изслѣдованія и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ Русской церковной исторіи.
- 3) Бесѣды, поученія, слова и рѣчи извѣстныхъ проповѣдниковъ.
- 4) Статьи философскаго содержанія по вопросамъ современной богословской мысли.
- 5) Статьи публицистическаго содержанія по выдающимся явленіямъ церковной жизни.
- 6) Очерки, рассказы, описанія, знакомящія съ укладомъ и строемъ церковной жизни вообще христіанскихъ исповѣданій, особенно — съ жизнью пастырства и преимущественно у славянъ.
- 7) Бытовые очерки, рассказы и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего духовенства, общества и простаго народа.
- 8) Внутреннее церковное обозрѣніе и хроника епархіальной жизни.
- 9) Иностранное обозрѣніе: важнѣйшія явленія текущей церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, особенно у славянъ.
- 10) Обзоръ русскихъ духовныхъ журналовъ и епархіальныхъ вѣдомостей.
- 11) Обзоръ свѣтскихъ журналовъ, газетъ и книгъ; отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ журнала.
- 12) Библиографическія и критическія статьи о новыхъ русскихъ книгахъ духовнаго содержанія, а также и о важнѣйшихъ произведеніяхъ иностранной богословской литературы.
- 13) Книжная лѣтопись: ежемѣсячный указатель всѣхъ новыхъ выходящихъ русскихъ книгъ духовнаго содержанія; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ.
- 14) Хроника важнѣйшихъ церковно-административныхъ распоряженій и указовъ.
- 15) Разныя отрывочныя извѣстія и замѣтки; корреспонденціи; объявленія.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ 10 до 12 и болѣе листовъ. Подписная плата: съ пересылкою въ Россію и доставкою въ С.-Петербургъ **ШЕСТЬ РУБЛЕЙ**; съ пересылкою за границу **ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ**. Адресоваться: въ редакцію журнала „Странникъ“, въ С.-Петербургѣ (Невскій просп., д. № 167).

Редакторы-издатели: А. Васильковъ.—А. Пономаревъ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

„ВЕТЕРИНАРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНОЙ И КЛИНИЧЕСКОЙ ЗООЯТРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

подъ отвѣтственной редакціей ординарнаго профессора Харьковскаго Ветеринарнаго Института П. А. ГОРДѢВА.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Первый отдѣлъ: анатомія, гистологія и фізіологія нормальная и патологическая.

Второй отдѣлъ: научныя изслѣдованія по экспериментальной фізіологіи, общей и частной паталогіи и эпизоотологіи.

Третій отдѣлъ: статьи и работы по зоотехникѣ, шиппенту, діететикѣ, сельскому хозяйству, ветеринарной статистикѣ и экстерьеру.

Четвертый отдѣлъ: статьи и работы по хирургической, терапевтической, дерматологической, эпизоотологической клинической ветеринарии и судебно-ветеринарной полиціи.

Пятый отдѣлъ: критика и библіографія.

Шестой отдѣлъ: литературное обозрѣніе и смѣсь. Рефераты по отечественной и иностранной журналистикѣ.

УСЛОВІЯ ИЗДАНІЯ: „Ветеринарный Вѣстникъ“ будетъ выходить въ 1886 году въ количествѣ 60-ти печатныхъ листовъ въ годъ, безсрочными выпусками, съ приложеніями спеціальныхъ руководствъ въ формѣ каедральныхъ лекцій переводныхъ или оригинальныхъ сочиненій.

Въ 1886 году будутъ выходить слѣдующія приложенія: „Частная Патологія и Терапія“ профессора Гордѣва (Т. II. Болѣзни гортани, трахеи и бронховъ); „Зоофармакологія“, профессора Гордѣва; „Анатомія домашнихъ животныхъ“ В. Новопольскаго (о зубахъ, мышцахъ и связкахъ); „Ветеринарная полиція“, профессора Баранскаго изъ Лемберга; „Руководство по теоріи ковки и копытнымъ болѣзнямъ“, магистра Ив. Садовскаго съ рисунками (вторая часть) и „Дозировка врачебныхъ средствъ“, профессора Залѣскаго.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: за годъ безъ приложенія шесть рублей, съ приложеніемъ семь рублей, съ пересылкой восемь рублей.

Гг. Студенты Ветеринарныхъ Институтовъ платятъ однимъ рублемъ меньше и пользуются въ случаѣ надобности наравнѣ съ прочими подписчиками разсрочкою, которая по соглашенію съ редакціей можетъ быть распределена на нѣсколько сроковъ.

Оставшіеся экземпляры журнала за 1882, 1883, 1884 и 1885 гг. со всѣми приложеніями можно получать за пятнадцать рублей съ пересылкой и съ разсрочкой платежа по соглашенію съ редакціей.

АДРЕСЪ: Въ редакцію журнала „Ветеринарный Вѣстникъ“, профессору Петру Андреевичу Гордѣву.

Редакторъ-Издатель П. Гордѣвъ.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.